

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Микрюкова Мария Александровна

**ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В
УДМУРТИИ В КОНЦЕ 1950-Х – СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГГ.**

Специальность 07.00.02.- отечественная история
Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Ижевск 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I . Законодательная база государственно-конфессиональных отношений в России конца 1950-х – середины 1960-х гг.....	27
Глава II. Реализация государственно-конфессиональной политики в Удмуртии в конце 1950-х – середине 1960-х гг.....	57
2.1. Политика КПСС по отношению к религиозным объединениям и верующим	57
2.2. Деятельность советских органов власти Удмуртии по реализации религиозной политики КПСС и государства	88
Глава III. Религиозная ситуация в Удмуртии в конце 1950-х – середине 1960-х гг.....	144
3.1. Религиозные общества Русской православной церкви.....	148
3.2. Мусульманские религиозные объединения.....	161
3.3. Старообрядческие религиозные объединения.....	170
3.4. Религиозные объединения евангельских христиан-баптистов.....	175
3.5. Прочие религиозные объединения	182
Заключение.....	196
Приложения.....	206
Терминологический словарь.....	221
Список использованных источников и литературы.....	223

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Изменившееся отношение к конфессиям, формирование новой государственной религиозной политики, возрождение истинной свободы совести в РФ после распада СССР активизировало интерес к истории взаимоотношений конфессий России и государства, а, следовательно, и исследования по этой проблеме. Обращение к истории взаимоотношений государства и церковных организаций в настоящее время связано с необходимостью объективного и многогранного (комплексного) освещения проблемы государственно-церковных отношений, начиная с 1917 г. Этот шаг обусловлен также и идеологически тенденциозным освещением действительности в советский период.

Знание исторического опыта позволит усовершенствовать современную модель государственно-церковных отношений, механизма повседневного решения проблем, возникающих в религиозной сфере общества на всех уровнях власти.

Исходя из того, что Россия является государством многонациональным и многоконфессиональным, в истории которого этнические моменты тесно переплетены с религиозными, государственно-конфессиональные отношения сводятся не только к контактам с православной церковью.

В связи с этим весьма актуальным является исследование опыта такого полиэтничного и поликонфессионального региона как Удмуртия в области религиозной политики.

Актуальность исследования обусловлена также необходимостью введения в научный оборот корпуса документов по заявленной теме, ранее не использованных в научных работах.

Объектом исследования является государственная политика, осуществляемая через советские и партийные органы в области регулирования отношений в религиозной сфере.

Предметом исследования являются особенности реализации государственно-конфессиональной политики на территории Удмуртии в конце 1950-х – середине 1960-х гг., выраженной в деятельности местных советских и партийных органов, общественных организаций.

Хронологические рамки диссертации охватывают конец 1950-х – середину 1960-х годов – один из этапов относительно целостного периода религиозной политики в СССР (1939–1964 гг.). Начало нового этапа государственно-конфессиональных отношений приходится на 1958 г., когда в руководстве КПСС одержала победу группа сторонников жесткой линии проведения религиозной политики и началась ее реализация. Очередной этап связан со стремлением преодолеть сталинское наследие и с провозглашением Н.С. Хрущевым на внеочередном XXI съезде КПСС полной и окончательной победы социализма в СССР и начала развернутого строительства коммунизма, где не могло быть места религиозному сознанию, как пережитку капитализма. Данный этап характеризовался принятием административных мер, основанных на установках КПСС, направленных на насильственную ликвидацию религиозных объединений, подавление религиозности населения, проведением открытых антицерковных кампаний.

Верхней границей исследования определен конец 1964 г., когда намечилось снятие напряжения вокруг религиозной проблемы. В январе 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих», в соответствии с которым было проведено дополнительное изучение дел и отменены некоторые судебные решения в отношении верующих, начата работа по подготовке официального толкования статей Уголовного кодекса, касающихся религиозных культов, закрыты две академические антирелигиозные серии – «Ежегодник музея истории религии и атеизма» и «Проблемы истории религии и атеизма».

После снятия Н.С. Хрущева со всех постов антирелигиозная политика была продолжена, но уже другими методами и формами. На очередном этапе политика была направлена на сдерживание распространения религиозных воззрений. Осуществление вероисповедной политики в 1965–1991 гг. осуществлял уже новый орган-Совет по делам религий при СМ СССР.

Степень научной разработанности темы.

Литература по исследуемой теме условно может быть разделена на несколько групп. Первую составляют работы по общероссийской тематике.

Работы советских исследователей до конца 1980-х гг. отмечены идеологическим отпечатком прежнего негативного отношения к религии и наличием значительного фактического материала (Н.С. Гордиенко, А.Н. Барменков, В.А. Куроедов).¹ Идеологическую основу этих исследований составляли марксистско-ленинские принципы отношения к религии. Религиозные объединения в этих трудах рассматривались как враждебная, идеологически чуждая советскому строю сила, мешающая социалистическому строительству. В вопросах взаимоотношений государства и религиозных объединений в СССР, рассмотренных в трудах А.Н. Барменкова, В.А. Куроедова, на первом плане стояли интересы государства, антирелигиозная политика объяснялась с точки зрения утвердившейся идеологии, на материалах статистики утверждалось успешное проведение этой политики, выражавшейся в сокращении обрядности и посещаемости культовых зданий верующими. Привлечение религиозных центров к решению внешнеполитических задач рассматривалось как острая необходимость, которая не могла повлиять на изменение отношений в стране к религии в целом. Кроме того, утверждалось, что законодательство о религиозных культах СССР базировалось на подлинных демократических принципах: отделения церкви от государства, школы от церкви, свободы вероисповеданий.

Более глубокими по содержанию и научной значимости были работы Н.С. Гордиенко, А.В. Белова, А.И. Клибанова, Л.Н. Митрохина и др.²,

посвященные исследованию сектантства в СССР – истинно-православной церкви, Истинно-православных христиан, адвентизма, пятидесятничества, евангельских христиан-юаптитов, Свидетелей Иеговы и др. Изучение догматики, методов работы с верующими, внутренних процессов внутри «сект», предпринятые авторами, все это преследовало цель – совершенствование атеистической пропаганды для отвлечения советского человека от религии. Но эти работы отличались глубоким социологическим анализом эмпирических данных, авторы предприняли попытки подвергнуть сомнению устоявшиеся взгляды на «сектантов», представителей неправославных конфессий.

Таким образом в работах исследователей этого периода отсутствовал анализ истинных причин религиозности населения, степени атеизации общества и качества антирелигиозной пропаганды.

С 1960-х до конца 1980-х гг. была широко распространена научно-атеистическая литература, носившая научно-популярный и ярко выраженный пропагандистский характер. Среди них можно выделить академический сборник статей «Вопросы истории религии и атеизма», сборник статей «Вопросы научного атеизма». Широкий спектр работ этого же периода касался вопросов научно-атеистической пропаганды, атеистического воспитания, где приводились формы и примеры атеистической пропаганды и воспитания, говорилось об «успехах» антирелигиозной пропаганды, об участии интеллигенции.

В результате общественно-политических изменений в СССР в конце 1980-х гг. в общественном сознании начало меняться и понимание положения религии, ее места в обществе. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в трудах, посвященных государственно-церковным отношениям в СССР, наблюдался отказ от устоявшихся идеологических догм. Начало новому этапу в историографии проблемы взаимоотношения государства и религиозных культов положил сборник статей историков, священнослужителей, социологов, публицистов.³ Авторы предложили новые

подходы к узловым вопросам исторического пути РПЦ и некоторых других конфессий. Ими был поставлен вопрос о целесообразности существования системы атеистического воспитания в СССР.

С начала 1990-х гг. появилась новая отечественная историография темы. Большая часть исследований этого времени касалась изучения отношений государства с РПЦ. Это связано с тем, что православие являлось преобладающим вероисповеданием на европейской части государства.

Первоначально большинство российских историков- религиоведов В.А. Алексеев, М.И. Одинцов, Ю.А. Бабинов и др. сохраняли приверженность прежним концепциям, обосновывавшим и оправдывавшим церковную политику советского государства.⁴

Первым к теме послевоенных отношений между церковью и государством обратился В.А. Алексеев.⁵ Его работы, построенные на богатом фактическом материале, посвящены политике государства по отношению к РПЦ в СССР. Большое внимание им было уделено идеологическому аспекту религиозной политики в 1920–1960-е гг. К достоинству его трудов следует отнести обозначение основных, ключевых, моментов в религиозной политике государства в 1950-е – 1960-е гг., наличие проблем внутри РПЦ, вызванной игнорированием правительством патриарха Алексия, использование церковного ресурса на международной арене, вмешательство в конфликт внутри церкви ЕХБ, наличие осужденных по религиозным мотивам. Но, к сожалению, в этих работах отсутствовала четкая периодизация религиозной политики государства.

Задачу суммировать и систематизировать исторический опыт деятельности государственных органов, курирующих религиозные объединения, в том числе Совет по делам Русской Православной церкви и Совет по делам религиозных культов, и изучение эволюции конституционно-правовой базы государственно-церковных отношений поставил в своих трудах М.И. Одинцов⁶. Характеризуя политику конца 1950-х – начала 1960-х гг. он утверждал, что она «определялась пониманием роли и места

атеизма в системе идеологической работы партии». Рассматривание религии как пережитка прошлого, а верующих «носителями чуждых социализму взглядов» и как следствие формирование соответствующей атеистической работы защищало административную практику борьбы с религией, одобряло погоню за количественными показателями успехов. Для этого периода характерно отстранение государства от проблем религиозной сферы и стремление полагаться на партийные решения. После утвердившейся позиции в партии на ужесточение политики в отношении религии, Советы по делам РПЦ и религиозных культов стали играть роль инструмента для воплощения идеологических установок партии. М.И. Одинцов также утверждал, что сокращение зарегистрированных обществ, сопровождавшееся увеличением числа нелегально действовавших религиозных объединений, явилось делом рук самих органов власти, ориентированных на сокращение количества общин, являющихся свидетельством успеха в антирелигиозной работе. Автор не ставил в вину Советам по делам РПЦ и религиозных культов деформацию государственно-церковных отношений, утверждая, что они были частью командно-административной системы, заложниками которой и стали, будучи лишены самостоятельности в решении проблем религиозной сферы.

Исследование государственно-церковной политики в годы Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет предприняты сотрудником Центра истории религии и церкви в России Института российской истории РАН О.Ю. Васильевой и ее аспирантом Д.Х. Шином.⁷ О.Ю. Васильева в результате анализа внутренних и внешних причин доказала неизбежность изменения государственно-церковной политики в годы Великой Отечественной войны. В ее работах большое внимание было уделено внешнеполитической деятельности Московской Патриархии, участию РПЦ в экуменическом движении, впервые освещена история патриотической деятельности РПЦ.⁸ Д.Х. Шин, как и его научный руководитель, посвятил свое исследование анализу внутренних и внешних причин изменения

государственно-церковного курса в годы войны и изучению деятельности Совета по делам РПЦ, при этом большое внимание уделено личностным аспектам- влиянию председателя Совета Г.Карпова на функционирование РПЦ и взаимоотношениям с патриархом Алексием. Надо отметить, что данная тематика уже поднималась ранее М.И. Одинцовым, Т.А. Чумаченко, М.В. Шкаровским, что снижает научную ценность работ Д.Х.Шина.

Исследованием деятельности Совета по делам религий при СМ СССР занимается также И.И. Маслова⁹ Автор, изучая работу Совета в отношении РПЦ, пришла к выводу, что в период 1965–1980-х гг. основное содержание деятельности Совета определялось политикой коммунистической партии и советского государства, нацеленной на сдерживание распространения религиозных воззрений и укрепления позиций РПЦ. Она утверждает, что в системе государственного аппарата Совет осуществлял не только контрольно-надзорные, информационно-консультативные, но и правозащитные функции. Главный вывод автора состоит в том, что Совет по делам религий сыграл значительную роль в подготовке поворота государства и общества к диалогу с верующими в начале 1990-х гг., представляя в ЦК КПСС сведения, свидетельствовавшие об усилении лояльности церкви и верующих к советскому государству, подчеркивая, что советский верующий- это гражданин страны, любящий свое Отечество и имеющий право на удовлетворение своих религиозных потребностей.

История отношений советского государства и Русской православной церкви в СССР в 1950–1960-е гг. исследуется в обобщающих работах М.В. Шкаровского¹⁰, Т.А. Чумаченко¹¹, Г. Панкова¹², М.И. Одинцова.

М.В. Шкаровский предложил собственную периодизацию государственной религиозной политики в 1939–1964 гг., выделив этап 1958–1964 гг. Им впервые наряду с ранее изучавшимися идеологическим, внешнеполитическим факторами, рассматривается экономический фактор, определявший религиозную политику. Автор рассмотрел нарастание антирелигиозной политики, основанной на идеологии, воплощенной в

партийных решениях; обозначил законодательные акты периода, роль КГБ в реализации новой политики, роль Г. Карпова и патриарха Алексия; деятельность Совета по делам РПЦ; указал на репрессивные акции по отношению к духовенству и мирянам, проблему сопротивления в Русском Православии (движения ИПЦ и ИПХ) и его воздействие на курс власти.

Г. Панков конец 1950-х- начала 1960-х гг. выделил в особый этап во взаимоотношениях РПЦ и советского государства, на основе архивных документов Совета по делам РПЦ. Автор выделил две основные линии нового этапа: наступление на церковь с целью ее вытеснения из общественной сферы и активное использование церкви на международной арене. Он констатировал, что именно международный фактор сказался на невозможности возврата государства к политике воинствующего антиклерикализма 1930-х гг. В его работе представлен фактический материал, некоторые примеры реализации новой политики в различных регионах страны, в т.ч. единичный факт, связанный с назначением в Ижевск нового епископа.

Следует также отметить, что М.И. Одинцову принадлежит первенство в публикации документов фонда Совета по делам религий при СМ СССР 1950-х – середины 1960-х гг., содержащих статистические данные, переписку Г.Карпова и патриарха Алексия, документы Совета по делам РПЦ.¹³

В глубоком исследовании Т.А. Чумаченко, построенном на богатом материале федеральных архивов, рассматривается деятельность Совета по делам РПЦ, отдельных уполномоченных, взаимоотношения Г. Карпова и патриарха Алексия, реакция священнослужителей на принятые документы. Хронологически исследование касалось периода 1941–1961 гг., в котором выделялся этап 1958–1961 гг. Автор утверждала, что новый этап, начавшийся в 1961 г., характеризовался «ничем и никем не сдерживаемым наступлением на религию и церковь, все больше обретавшее черты политической войны, освящалось, направлялось и оправдывалось идеологическими установками коммунистической партии»¹⁴. Т.А. Чумаченко также отмечала изменение в

кадровом составе в Совете по делам РПЦ, куда пришли партийные функционеры, для которых руководством к действию являлись идеологические установки партии и собственная позиция коммуниста, и в руководстве церковной власти, куда пришли представители нового поколения, качественно отличавшиеся по своему менталитету от предыдущих.

Исследований, посвященных другим религиозным конфессиям опубликовано немного. Среди них нужно указать работы М.И. Одинцова, Р.А. Набиева, Н.С. Гордиенко, С.И. Иваненко.

В работах Р.А. Набиева освещаются проблемы формирования отношений между государством и мусульманскими организациями России в дореволюционный и советский периоды, раскрываются особенности религиозной политики государства в многонациональном и поликонфессиональном регионе Поволжья и Приуралья. В книге «Ислам и государство» рассматриваются вопросы культурно-исторической эволюции мусульманства на восточно-европейской территории РФ в контексте государственно-исламских отношений¹⁵. Автор, рассматривая политику государства в отношении ислама в СССР в 1950-е – 1960-е гг., характеризовал и делал выводы на базе регионов традиционного распространения ислама, при этом редко на регионах РСФСР, часто сравнивая положение РПЦ с исламом. Достоинством работы является наличие фактического материала и сведений об осужденных мусульманах по религиозным мотивам, раскрытие особенностей реализации советской политики по отношению к исламу в ряде регионов СССР. Набиев признавал наличие административного решения проблемы большого количества мусульманских организаций и верующих, отмечал полярные действия местных уполномоченных и органов власти, отмечал наиболее унижительные и оскорбительные попытки уничтожить «святые места».

Работы М.И. Одинцова, Н.С. Гордиенко и С.И. Иваненко посвящены изучению специфики государственной религиозной политики в отношении

Свидетелей Иеговы в советский период, эволюции идеологии и деятельности этого религиозного объединения в России.¹⁶ М.И. Одинцов в предисловии к сборнику документов о Свидетелях Иеговы выделил этапы в отношении государства к этому религиозному объединению, обозначив 2 этапа, характеризующихся наибольшим давлением – 1949–1956 гг., и 1961–1965 гг., когда последователей Свидетелей Иеговы обвиняли в антисоветизме, проведении враждебной работы, выселяли в Казахстан, Сибирь, на Дальний Восток, в последующие годы привлекали к ответственности в судебном порядке. Одинцов предлагает рассматривать Свидетелей Иеговы не как антисоветское образование, а как одного из представителей всего многообразия религиозных объединений.

Работа Н.С. Гордиенко о Свидетелях Иеговы представляет собой религиоведческое исследование, не обремененное устоявшимся в советское время негативным отношением к религиозной организации.

С тех же позиций С.И. Иваненко исследует эволюцию вероучения, идеологии и деятельности Свидетелей Иеговы со времени появления в России до начала XXI в., в т.ч. в конце 1950-х – середине 1960-х гг., описывает отношения с советским государством, характеризует отношения в условиях формирования модели государственно-конфессиональных отношений в РФ. Автор делает вывод, что «в годы правления Н.С. Хрущева в результате давления властей и массивной атеистической пропаганды, ориентированной на подрыв авторитета и влияния Свидетелей Иеговы, в руководстве организации возник кризис, поставивший ее на грань раскола, но в масштабах СССР произошел рост численности организации, было налажено нелегальное массовое размножение и распространение своей литературы, в т.ч. в тюрьмах, где находились иеговисты.¹⁷

Исследованием протестантизма в России занимались О.В. Курило, О.А. Лиценбергер, М.В. Шкаровский.¹⁸ Но, к сожалению, эти авторы отдавали предпочтение взаимоотношениям протестантских организаций и государства только в I пол. XX века и на примере лишь Северо-Запада

России. Несмотря на то, что хронологические рамки исследования О.В. Курило охватывают период до конца XX века, советской эпохе автор уделяет меньшую часть работы, а материал излагает фрагментарно, схематично.

Вторую группу составляют исследования конфессиональных проблем регионов России. В настоящее время активно разрабатывается проблема взаимоотношений религиозных объединений и государства, а также особенностей реализации конфессиональной политики государства в регионах. Преобладающее число исследований касается РПЦ. К этим работам можно отнести работы В.И. Пассата, Н.Т. Абдулова, П.В. Каплина, А.Г.Балыбердина.¹⁹ Значительно меньше имеется работ, посвященных политике государства в отношении к иным конфессиям в регионах России. Среди них можно отметить исследования А.Б. Юнусовой, И.П. Корнилова, М.Н. Фасиховой²⁰ о положении протестантизма, ислама и государственно-конфессиональной политике в Татарстане и Башкортостане.

П.В. Каплин, исследуя период 1927–1938 гг., рассматривал вопросы сущности государственной политики, выразившейся в законодательстве, внутренней борьбы в РПЦ (образование оппозиции, ее деятельность, отношения с официальной церковью), методы борьбы государства с церковью, в т.ч. с помощью ОГПУ – НКВД, репрессивная политика в отношении духовенства и верующих на Урале.

Н.Т.Абдулов, исследуя отношения РПЦ в Башкортостане и государства на протяжении всего советского периода, предложил 4 этапа государственно-церковных отношений: 1917–1941, 1941–1957, 1958–1964, 1965–1991 гг. В работе уделено внимание эволюции конституционно-правовой базы, жизни Уфимской епархии, наличию оппозиции, реакции духовенства и верующих на действия государственных и партийных органов Башкирской АССР, гонениям на РПЦ, биографическим данным священнослужителей епархии, но все в достаточно сжатом виде.

А.Г. Балыбердин, исследуя отношения государства и РПЦ в 1958–1964 гг. в Кировской области, выделил несколько подэтапов антирелигиозной политики – 1958–1959, 1960–1962, 1962–1964, занимался изучением влияния субъективного фактора на эти отношения, анализировал антирелигиозную работу, проводимую партийными органами.

Особенностью исследования И.П. Корнилова является изучение возникновения и развития протестантизма в Татарстане лишь в контексте государственно-конфессиональных отношений. Основное внимание в работе уделяется изучению внутренней структуры протестантских организаций (лютеранских, баптистских, пятидесятнических, адвентистских), социального состава, демографических и этнокультурных характеристик, динамики развития протестантизма в Татарстане, а также исследованию и оценке его роли в общественно-политической жизни Татарстана. В рамках исследования государственно-конфессиональных отношений автор рассматривает эволюцию религиозных организаций по следующим этапам: конец XVIII–1917 г., 1917 г. – середина 1950-х гг., середина 1950-х – конец 1980-х гг.

Юнусова А.Б. исследовала распространение и функционирование ислама в Башкортостане в контексте российской истории, уделяя внимание больше общеисторическим проблемам, на фоне которых анализируются события, связанные с исламом в Башкирии. В большей части книги речь идет о положении ислама в новейший период времени, но для определения роли места ислама в Башкортостане, исследование автор начинает с X в. Описывая положение мусульманских религиозных объединений в 1950-е – 1960-е гг. А.Б. Юнусова отмечает складывающийся конформизм высшего мусульманского духовенства, обусловивший сужение функций духовенства; кризис, о котором свидетельствовали уровень снижения профессиональной подготовки духовенства и качества их проповедей; пороки в моральном облике служителей, сокращение числа верующих, посещающих храмы и мечети, безразличие граждан к состоянию церкви; старение священнослужителей и членов «двадцаток».

Государственно-конфессиональные отношения в Татарстане в 1960-1980-е гг. исследованы М.Н. Фасиховой. Ею было изучено законодательство в сфере религии и отношений с государством, охарактеризована религиозная ситуация на территории Татарстана, определены основные направления и методы реализации государственной политики по отношению к различным религиозным объединениям, прослежена деятельность партийных и советских органов по отношению к религиозным объединениям Татарстана, а также исследована роль СМИ в формировании отношения общества к религии. Достоинством работы является рассмотрение деятельности и религиозной политики государства в отношении всех религиозных организаций, действовавших на территории Татарстана.

Третью группу составляют исследования религиозной ситуации в Удмуртии. Литература советского периода касалась некоторых аспектов истории существования религиозных объединений на территории Удмуртии, а вопросы государственно-конфессиональных отношений рассматривались в контексте атеистической пропаганды.²¹ Более объективными были работы Ю.М. Ивонина по истории христианских конфессий Удмуртии²², написанные на основе полевых исследований и представляющих интерес с точки зрения изложения фактов. Его работы в большей степени касались дореволюционного периода и 1970 – 1980-х гг., но они содержали и ряд сведений о деятельности старообрядцев, последователей ИПЦ, ЕХБ и ВСЕХБ в конце 1950-х – середине 1960 гг. В работах была рассмотрена социальная база христианских течений, а также внутрицерковные проблемы. Данные работы являются очень сжатыми и схематичными, исходящими из утверждения кризисности состояния религиозных течений. Остались вне поля зрения автора вопросы конституционно-правовой базы государственно-конфессиональной политики, значительный фактический материал, характеризующий качественное и количественное положение того или иного течения, а также реализация политики в отношении конфессий вообще. Кроме того, очень слабо освещен период 1950-х – 1960-х гг.

В исследованиях постсоветского периода вопросы религии и государственно-конфессиональных отношений рассматриваются в культурологическом²³, историческом²⁴, социально-политическом и религиоведческом²⁵ аспектах, при этом основное внимание уделяется православию.

Наибольшее количество работ по истории православия в Удмуртии, отдельных приходов, судеб священников принадлежит перу Е.Ф. Шумилова. Один из его трудов посвящен советскому периоду истории Удмуртской епархии, образованной в 1926 г.²⁶ Это первое исследование, посвященное православию в Удмуртии за 1917–1991 гг. Автор рассказывает о методах борьбы советских, партийных и карательных (ОГПУ–НКВД) органов с РПЦ в Удмуртии, о судьбах духовенства, подвергшихся репрессиям. В работе фрагментарно представлены отдельные факты реализации государственно-церковных отношений в Удмуртии в конце 1950-х – середине 1960-х гг. – о закрытии и разрушении православных храмов, об отдельных мероприятиях партийных организаций Удмуртии в борьбе с религией, деятельности уполномоченных Совета по делам РПЦ при СМ СССР, в т.ч. акции по ликвидации Ижевской и Удмуртской епархии в 1961 г. Достоинством этого исследования следует отметить введение в научный оборот ряда архивных материалов из фондов республиканских архивов, и особенно из архива МВД УР. Данную работу можно считать базой для более подробного исследования отдельных этапов взаимоотношения государства и РПЦ в Советской России. Главная особенность работы Шумилова заключается в подаче материала с позиции прямо противоположной предвзятым исследованиям советского времени. Церковь предстает в роли «мученицы», что сказалось на создании акцента в работе на репрессивной политике государства по отношению к духовенству. Построение исследования по тематическому принципу не позволили автору раскрыть этапы государственной антирелигиозной политики, охарактеризовать социальную базу и иные количественные и качественные характеристики православия в Удмуртии, проследить

изменения в законодательстве о религиозных культах и его влияние на положение православной церкви в республике в советский период.

С.И. Ильинским исследовались конфессиональное пространство Удмуртии в 1991–2002 гг. (язычество, православие, ислам, протестантизм), правовые основы вероисповедной политики в Удмуртии и развитие взаимодействия государственных и конфессиональных структур. Его выводы заключаются в следующем: неудачи самостоятельного законотворчества в республике определили целесообразность использования общефедеральных правовых актов по вопросам свободы совести, не выходя за пределы компетенции, предусмотренной Конституцией РФ; в Удмуртии сложился дифференцированный подход органов власти к различным конфессиям с преимуществом православия, с наиболее успешным взаимодействием управленческих структур с религиозными объединениями в социальной и культурной сферах.

Наибольшее распространение православия на территории Удмуртии, а также сотрудничество с государственными органами республики способствовало появлению и первого справочного издания по православию, выпущенного аппаратом Правительства Удмуртской Республики.²⁷ Справочник содержит сведения о религиозных центрах, приходах, монастырях и братствах, краткой истории развития церкви в России и Удмуртии, справки по каждому религиозному объединению, о руководителях общин.

Исследования священнослужителей Ижевской и Удмуртской епархии и мирян Московской патриархии, опубликованные в виде газетных статей, посвящены жизни и деятельности архиепископов Ювеналия (Килина) и Михаила (Чуба), возглавлявших Ижевскую и Удмуртскую епархию.²⁸ Достоинством этих работ является введение в научный оборот документов Архива Московской патриархии, церковной литературы, доступ к которым рядовым исследователям ограничен.

Историками и представителями религиозных объединений предпринимаются попытки изучения истории протестантских церквей, старообрядческих общин, которые публикуются в виде газетных и журнальных статей, реже - докладов на разного уровня конференциях.²⁹ Основным достоинством этих работ является обращение к ранее не изученным или мало изученным религиозным объединениям Удмуртии, введение в научный оборот архивных материалов о деятельности религиозных объединений, биографиях и репрессиях священнослужителей, материальной и социальной базе религиозных объединений.

Проблема взаимоотношений государства и религиозных организаций в Удмуртии в советский период практически не изучена. Подавляющее число работ рассматривают деятельность РПЦ и старообрядчества, притом в основном в дореволюционный период или первой половине XX в. Специальные работы, посвященные государственной политике, проводимой через советские и партийные органы, по отношению ко всем существовавшим в конце 1950-х – середине 1960-х гг. религиозным объединениям в Удмуртии отсутствуют.

Подводя итог можно сказать, что проблемы государственно-конфессиональных отношений в настоящее время активно исследуются на российском и региональном уровне, но, как правило, лишь в отношении какой-либо одной религиозной конфессии – православия, ислама или протестантизма, при этом проблема взаимоотношений государства со всеми религиозными объединениями, существовавшими в 1950–1960-е гг. в Удмуртии, еще не анализировалась. В связи с этим в диссертации впервые в региональной историографии предпринимается попытка дать комплексную характеристику государственно-конфессиональным отношениям в Удмуртии в конце 1950-х – середине 1960-х гг.

Актуальность и степень научной разработанности проблемы определили **цель диссертационной работы** – анализ и оценка

государственно-конфессиональной политики в СССР, ее сущности, форм и особенностей реализации в Удмуртии в 50-е – 60-е гг. XX в.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- анализ конституционно-правовой базы государственно-конфессиональной политики в СССР, влияние законодательства на положение различных конфессий, выявление специфики понимания свободы совести в юридической сфере в исследуемый период;

- исследование реализации государственно-конфессиональной политики советскими и партийными органами и ее региональных особенностей; выявление этапов, характеристика содержания, основных направлений и методов реализации государственной политики по отношению к религиозным объединениям и верующим в Удмуртии;

- характеристика религиозной ситуации в Удмуртской АССР в 1950-е – 1960-е гг., значимости отдельных элементов, ее составляющих, как отражение законодательной базы, качественные и количественные характеристики существования религиозных объединений.

Источниковая база. Весь комплекс опубликованных и неопубликованных источников по проблеме можно разделить на следующие группы:

1. Документы центральных, республиканских и местных органов КПСС.
2. Законодательные акты союзных, республиканских и местных органов власти и управления.
3. Делопроизводственная документация Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (инструкции, инструктивные письма, приказы, решения).
4. Материалы организации общества «Знание».
5. Материалы СМИ.
6. Статистические материалы.

7. Мемуары священнослужителей и мирян Московской патриархии.

К опубликованным источникам относятся материалы съездов КПСС, пленумов ЦК, постановления ЦК КПСС, содержащие задачи антирелигиозной работы партии³⁰; законодательные акты органов власти СССР и РСФСР по вопросам религии, которые определяли права и обязанности религиозных объединений, исполкомов Советов и уполномоченных Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР.³¹

Неопубликованные документы, раскрывающие деятельность государственных органов власти и партийных организаций в отношении религиозных объединений и верующих, хранятся в центральных - Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ)³² и местных архивах - Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР)³³, Центре документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР)³⁴, архивных отделах администраций муниципальных образований республики. При исследовании темы был выбран один из муниципальных архивов - Архивное управление администрации муниципального образования «Город Глазов» – с целью выяснения целесообразности изучения материалов всех муниципальных архивов Удмуртской Республики³⁵.

В ГАРФ в фонде Совета по делам религий при СМ СССР (Ф.Р-6991) сосредоточены документы, раскрывающие деятельность Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР, а также их уполномоченных. В их числе материалы единовременного учета религиозных объединений, имущества и недействующих зданий (1961 г.), статистические отчеты о зарегистрированных религиозных обществах, молитвенных зданиях и служителях культа по СССР, РСФСР, УАССР, о религиозной обрядности в УАССР, материалы всесоюзных совещаний уполномоченных Советов по делам РПЦ и религиозных культов, записи приемов в Советах по делам

религиозных культов представителей верующих из УАССР, протоколы заседаний Советов по делам РПЦ и религиозных культов, журналы заседаний Священного Синода, постановления Святейшего Патриарха и Священного Синода о кадровых перестановках среди высшего духовенства, материалы Всесоюзного съезда евангельских христиан-баптистов (1963 г.), а также материалы о практике применения уголовного наказания верующих. К сожалению, не все документы фонда доступны исследователям, в частности, доступ к материалам личных дел высшего духовенства РПЦ ограничен, как к содержащим персональные данные.

В фондах Аппарата ЦК КПСС (Ф.5) и Идеологической комиссии при ЦК КПСС (Ф.72) РГАНИ отложились письма Генерального прокурора СССР Р. Руденко в отдел административных органов ЦК КПСС по вопросам ликвидации административных перегибов в отношении верующих со стороны следственных органов, судов, Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, материалы заседания идеологической комиссии ЦК КПСС по вопросу о формировании научного мировоззрения и атеистического воспитания трудящихся (1963 г.), отдельные статистические отчеты о зарегистрированных религиозных обществах, молитвенных зданиях и служителях культа по СССР, РСФСР, УАССР.

Региональный аспект рассматриваемой темы наиболее полно представлен материалами, хранящимися в ЦГА УР, ЦДНИ УР, АОА МО «город Глазов». Недостатком республиканской источниковой базы является отсутствие документов, характеризующих деятельность МВД УР и КГБ УР по отношению к верующим, духовенству зарегистрированных, незарегистрированных и запрещенных религиозных объединений.

В фонде Совета Министров УАССР ЦГА УР содержатся постановления Совета Министров УАССР об открытии, регистрации или снятия с регистрации религиозных обществ, о сносе, передаче зданий церковей государственным учреждениям, о соблюдении советского законодательства о культах в УАССР. Делопроизводственные документы уполномоченных

Советов по делам РПЦ и религиозных культов при Совете Министров СССР по Удмуртской АССР, а также местных советских органов представлены в информационно-инструктивных и инструктивных письмах; материалах Советов по делам РПЦ и религиозных культов местным уполномоченным; справках, записках, донесениях уполномоченных соответствующим Советам; годовых (полугодовых) отчетах уполномоченных по УАССР о происшедших изменениях в количестве зарегистрированных и нелегально действовавших религиозных объединений; о количественном и качественном составе священно- и церковнослужителей; краткие биографические данные о них; об обрядовой, проповеднической, финансово-хозяйственной деятельности общин; о динамике посещаемости молитвенных собраний и контингенте верующих, о реакции священнослужителей на принятые новые законы о религии, решения правительства и партии, о работе партийных и советских органов по борьбе с «религиозными суевериями».

Советам также направлялись внеочередные донесения о прошедших молитвенных собраниях и службах в дни христианских и мусульманских праздников, записи приемов граждан уполномоченными по вопросам деятельности религиозных объединений. В фонде представлена переписка уполномоченных с местными партийными и государственными органами власти, связанная с деятельностью религиозных организаций.

Объединенный фонд уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Удмуртской АССР и его предшественников ЦГА УР содержит некоторые отчеты уполномоченных Совета по делам РПЦ.

Фонды исполкомов рай(гор)советов в ЦГА УР и АОО МО «город Глазов» содержат сведения о деятельности исполкомов в отношении религиозных объединений и верующих, раскрывают методы работы членов комиссий по соблюдению законодательства о культах, существовавших при исполкомах Советов, работе с верующими, о сокращении числа зарегистрированных религиозных обществ.

Документы ЦДНИ УР, отложившиеся в фондах Удмуртского обкома КПСС, горкомов, райкомов КПСС, комитетов КПСС производственных колхозно-совхозных управлений, зональных промышленно-производственных комитетов КПСС представлены протоколами заседаний пленумов, бюро, секретариата, материалами к ним, различными справками о выполнении постановлений высших партийных органов, Удмуртского обкома КПСС о соблюдении религиозными объединениями советского законодательства о культах, усилении идеологической, антирелигиозной работы советскими и партийными органами. Эти документы содержат фрагментарные сведения о религиозных объединениях, действовавших на территории Удмуртии, служителях культа, количестве верующих, религиозной обрядности. Также были привлечены протоколы заседаний партийной комиссии при Удмуртском обкоме КПСС, которые позволили выявить лиц, исключенных из партии за соблюдение религиозных обрядов.

Четвертая группа источников – материалы деятельности Удмуртского отделения общества «Знание»³⁶, на которое была возложена основная работа по проведению атеистической пропаганды среди населения. Этот источник содержит сведения о масштабе читавшихся лекций на атеистические темы в Удмуртии, о формах и методах антирелигиозной пропаганды.

Пятая группа источников – периодическая печать, представленная материалами местных газет («Удмуртская правда»), освещающими судебные процессы над верующими, публичные отречения священников от сана. Этот вид источника субъективен и требует критического осмысления и дополнительного сопоставления с другими источниками.

К шестой группе источников относятся статистические материалы, полученные в ходе Всесоюзной переписи населения 1959 г.³⁷, и дающие возможность охарактеризовать национально-конфессиональный состав населения республики.

Опубликованных мемуарных источников (мемуаров, дневников, автобиографий, писем священников, верующих) пока вышло немного. Среди

них воспоминания о церковной жизни 1920-х гг. – автобиографический очерк архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)³⁸, письма епископа Марка (Новоселова) – деятеля иосифлянского движения³⁹, описание хрущевских гонений на религиозные организации- в свидетельствах верующих о жизни и деятельности протоиерея Николая Голубцова⁴⁰. В последующие годы в региональной прессе публикуются воспоминания священнослужителей, служивших в местных епархиях. Например, воспоминания архимандритов Моисея Чигвинцева, Тавриона Ботозскому, протоиереев Ф.В. Островидова, Н. Соколова.⁴¹ Среди мемуаров о религиозной жизни советской Удмуртии, о священнослужителях Ижевской и Удмуртской епархии можно выделить лишь воспоминания священника Русской православной церкви за границей Серафима Гана⁴² и сборник воспоминаний паломников в Глинскую пустынь⁴³ об архиепископе Ювеналии.

Методологическая основа исследования. Многоплановость исследуемой темы предопределила использование в качестве методологической основы междисциплинарный подход.

Исторический характер исследования основывается на принципах историзма и объективности, которые позволяют изучать государственно-конфессиональные отношения в контексте отечественной истории. Эти принципы обусловили использование общенаучных (анализ, синтез, индукция) и специально-научных (сравнительно-исторический, проблемно-хронологический) методов исследования.

Использование количественных данных вызвало необходимость привлечения методов статистической обработки цифрового материала.

В соответствии с поставленной целью и задачами диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложений, терминологического словаря, списка использованных источников и литературы.

¹ Барменков А.Н. Свобода совести в СССР. – М., 1986; Куроедов В.А. Религия и церковь в советском обществе. – М., 1984; Гордиенко Н.С., Носович В.И., Харахоркин Л.Р. Современное православие и его идеология. – М., 1963.

² Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20-е – 80-е гг. XX века). – М., 1984; Белов А.В. Секты, сектантство, сектанты. – М., 1978; Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. – М., 1965; Он же. Религиозное сектантство и современность. – М., 1969; Он же. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М., 1973; Митрохин Л.Н. Баптизм и современность. – М., 1964; Он же. Баптизм. – М., 1966; Он же. Религии «нового века». – М., 1985; Белов А.В. Адвентизм. – М., 1973.

³ На пути к свободе совести. – М., 1989.

⁴ Одинцов М. Государство и церковь (История взаимоотношений 1917–1938 гг.). – М.: Знание, 1991; Он же. Государство и церковь в России, XX век. – М., 1994; Бабинов Ю.А. Государственно-церковные отношения в СССР: история и современность. – Симферополь: Таврия, 1991.

⁵ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы // Агитатор. – 1989. – № 16; Он же. Иллюзии и догмы. – М., 1991; Он же. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. – М., 1992; Алексеев В.А. Отвечали ли принципам свободы совести церковно-государственные отношения в СССР в период «оттепели» / Свобода совести в духовном возрождении Отечества. – М., 1994. – С.126–152.

⁶ Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / На пути к свободе совести. – М., 1991. С.46–49; Он же. Вероисповедные реформы в России (1985–1997 гг.) // Религия и право. – 1999, №2–4; Он же. Государство и церковь в России: XX век. – М., 1994; Он же. Хожение по мукам. 1954–1960 гг. // Наука и религия. – 1991. – № 7.

⁷ Шин Д.Х. Деятельность Совета по делам русской Православной церкви при Совете Министров СССР в первое десятилетие его существования. 1943–1953 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2002; Он же. Сталинская внутренняя церковная политика в 1947–1949 гг. / Церковь в истории России. Сб.5. – М., 2003. – С.282–313

⁸ Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны. Дисс. ... канд.ист.наук. – М., 1990; Она же. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.-М., 1999; Она же. Государство, Русская православная церковь и экуменизм: исторические аспекты проблемы // Исторический вестник. – 2000. – № 5; Шин Д.Х. Деятельность Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР в первое десятилетие его существования. 1943–1953 гг. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук.– М., 2002. Он же. Сталинская внутренняя церковная политика в 1947–1949 гг. / Церковь в истории России. Сб.5. – М., 2003.

⁹ Маслова И.И. Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская православная церковь (1965–1991 гг.) // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С.52–65.

¹⁰ Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000; Он же. Русская Православная церковь в 1958–1964 годах // Вопросы истории. – 1999. – № 2.

¹¹ Чумаченко Т.А. Советское государство и Русская Православная церковь в 1941–1961 гг. // Религиоведение, 2002. – № 1. – С.14–37; Она же. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. – М., 1999.

¹² Панков Г. О политике Советского государства в отношении к Русской православной церкви на рубеже 50–60-х годов. / Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып.2.– М., 1993.– С.217–231.

¹³ Письма и диалоги «хрущевской оттепели» // Отечественные архивы.– 1994.– № 5.

¹⁴ Чумаченко Т.А. Советское государство и Русская Православная церковь в 1941–1961 гг. // Религиоведение.– 2002.– № 1.– С.35.

¹⁵ Набиев Р.А. На путях научного мировоззрения: История, Проблемы, Уроки.– Казань, 1991; Он же. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке.– Казань, 2002.

¹⁶ Одинцов М.И. Совет министров СССР постановляет: «выселить навечно!»: Сб. документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951–1985).–М., 2002; Иваненко С.И. Эволюция идеологии и деятельности религиозной организации Свидетелей Иеговы в России. Социально-философский анализ. Дисс...докт.филос. наук. – М., 2002; Он же. О людях, никогда не расстающихся с Библией. – М., 1999; Гордиенко Н.С. Российские Свидетели Иеговы: история и современность. – СПб, 2000.

¹⁷ Иваненко С.И. Эволюция идеологии и деятельности религиозной организации Свидетелей Иеговы в России. Социально-философский анализ. Дисс...докт.филос. наук. – М., 2002.– С.180.

¹⁸ Курило О.В. Лютеране в России (XVI–XX вв.). Дисс. ... канд.ист.наук.– М., 1995; Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). Дисс. ... канд.ист.наук.–Саратов, 1997; Лютеранская церковь в Советской России (1918–1950 гг.): Документы и материалы./ Сост. Курило О.В.– М., 1997; Шкаровский М., Черепенина Н. История евангелическо-лютеранской церкви на Северо-Западе России. 1917–1945 гг. – СПб., 2004.

¹⁹ Пассат В.И. Русская Православная Церковь в Молдавии в 40 – начале 60-х годов XX века / Церковь в истории России. Сб. 4. – М., 2000. – С.293–326; Абдулов Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений. 1917–1991 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2006; Каплин П.В.

Взаимоотношения Русской Православной церкви и государственной власти в СССР в 1927–1938 гг. (на материалах Урала). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2006; Балыбердин А.Г. Безумие: хрущевские гонения на Вятской земле. – Вятка, 2006. – 248 с.

²⁰ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999; Корнилов И.П. Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в.–80-е гг. XXв.). Автореф. дисс. ... канд.ист. наук.–М., 2003; Фасихова М.Н. Политика Советского государства по отношению к религиозным объединениям в Татарстане (60–80-е годы XX века). Историко-политический анализ. Дисс. ... канд.ист. наук. – Казань, 2002.

²¹ Ефимов И. Церковники и сектанты Удмуртии. – Ижевск, 1960; Самсонов В.И. Происхождение и вред религиозных обрядов. – Ижевск, 1970; Андрусенко В.А., Трофимов В.К. Религия в современной идеологической борьбе. – Устинов, 1986; Тронина Г.И. Атеистическое воспитание трудящихся. – Ижевск, 1981.

²² Ивонин Ю.М. Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии. – Ижевск, 1973; Он же. Христианство в Удмуртии: история и современность. – Устинов, 1987.

²³ Шумилов Е.Ф. Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархии. XX век. – Ижевск 1996; Он же. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI–начало XX века. – Ижевск, 2001.

²⁴ Ившина А.Р., Сыркин В.А. Церковно-государственные отношения в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (на материалах Удмуртии) / Духовная культура финно-угорских народов: история и проблема развития. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. – Глазов, 1997; Дерюшев А.Б. Борьба с православием в Удмуртии. 20–30-е годы XX века (по документам ЦДНИ УР) // gasur.udmnet.ru

²⁵ Ильинский С.И. Государственно-конфессиональные отношения в Удмуртской Республике: опыт вероисповедной политики в регионе (1991–2002). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2003; Он же. Христианский вектор государственно-церковной политики современной России: государственно-церковные отношения в Удмуртской Республике. 1985–2000 гг. // Христианство в истории и культуре Удмуртии: Сб. материалов к республиканской научно-теоретической конференции. – Ижевск, 2000. – С.51-59.

²⁶ Шумилов Е.Ф. Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархии. XX век. – Ижевск 1996. – 264 с.

²⁷ Конфессии и религиозные объединения Удмуртской Республики: Православие: Справочник / Сост. С.И. Ильинский.– Ижевск, 1999.– 62 с.

²⁸ Малых А. Архиепископ Ювеналий, молитвенник о нас пред Богом // Православные вести. – 2005. – № 12; 2006. – № 1; Харитонов Е.Д. Страницы жизни игумена Ювеналия, в конце жизни Архиепископа Ижевского и Удмуртского (1875–1958) // Православная Удмуртия. – 2006. – № 8–11; Архиепископ Воронежский и Липецкий Михаил (1968–1972) // www.vob.ru.

²⁹ Шемякина Е.П. Старообрядцы белокриницкого согласия в Ижевске: страницы истории / Стабильность государственно-конфессиональных отношений- залог гражданского мира и согласия: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Ижевск, 2004. – С.53–55; Ежков В.В. Из истории церкви христиан адвентистов седьмого дня в Удмуртии / Там же. – С.13–17; Шумилов Е.Ф. Из истории формирования первых неправославных общин на территории Удмуртии. Первая половина XX в. / Там же. – С.56–59.

³⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1971. Т.7 1955–1959. – М., 1971, т.8 1959–1965. – М., 1972.; Материалы XXII съезда КПСС. – М., 1962; XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы: Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы 25–28 декабря 1961 г. – М., 1962.

³¹ Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – 336 с.; Собрание узаконений РСФСР. – 1929. – № 35. – Ст.353; Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1944 гг. – М., 1945.; Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1961. – № 18 (139). – Ст.273.

³² ГАРФ Ф.Р-6991, РГАНИ Ф.5, Ф.72

³³ ЦГА УР, Ф.Р-442, Ф.Р-551, Ф.Р-845, Ф.Р-1152, Ф.Р-1671

³⁴ ЦДНИ УР, Ф.16, Ф.311, Ф.313, Ф.393, Ф.407, Ф.654, Ф.686, Ф.690, Ф.716, Ф.721, Ф.726, Ф.727, Ф.756, Ф.814, Ф.4750, Ф.4754, Ф.4755, Ф.4756, Ф.4757, Ф.4758, Ф.4761, Ф.4772

³⁵ АОО МО «г. Глазов», Ф.Р-31

³⁶ ЦГА УР, Ф.Р-1152, оп.1, д.48, д.49, д.54, д.87, д.109

³⁷ Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. – М., 1960. ЦГА УР, Ф.Р-845, оп.5, д.253.

³⁸ Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ. Я полюбил страдание...Автобиография. – М., 1995.

³⁹ Новоселов М.А. Письма к друзьям. – М., 1994.

⁴⁰ Вышеславцева О.Н. Пастырь во времена безбожия. Об отце Николае (Голубцове). – СПб., 1994.

⁴¹ Уфимские епархиальные ведомости. – 1998. – № 7-9, 1999. – № 5-6, 2000. – № 8.

⁴² Архиепископ Цицикарский Ювеналий (Килин) // www.pravoslavie.ru

⁴³ Глинская мозаика. Воспоминания паломников о Глинской пустыни (1942-1961). – М., 1997.

ГЛАВА I. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

На протяжении всего советского периода политика КПСС и государства строилась на базе марксистского мировоззрения. Применительно к религии идеи К.Маркса и Ф.Энгельса сводились к следующему.

Во-первых, религия-это социально-историческое явление.

Марксистское понимание сущности религии было сформулировано Ф.Энгельсом в работе «Анти-Дюринг»: «Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, - отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»¹.

Во-вторых, религия- явление преходящее. Ее отмирание произойдет вследствие разрушения классового общества, то есть ликвидации условий, порождавших религиозные верования. В частности, К. Маркс в интервью корреспонденту американской газеты «Chicago Tribune» в 1878 г. сказал: «... Религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм. Ее исчезновение должно произойти в результате общественного развития, в котором крупная роль принадлежит воспитанию»².

Однако перспектива отмирания религии в коммунистическом обществе не обуславливает безразличного к ней отношения. Основоположники марксизма требовали активной планомерной пропаганды атеизма среди рабочего класса, критики религии. Для этого они считали необходимым воспитывать рабочих в духе материалистического мировоззрения, распространять среди них научно-атеистические произведения ученых и писателей, пропагандировать достижения естествознания и общественных наук.

К. Маркс и Ф. Энгельс считали невозможным бороться против религии с помощью административных мер. Они доказывали, что это может только

усилить религиозные чувства верующих и принести большой вред делу борьбы с предрассудками и суевериями.

В-третьих, религия должна быть частным делом для государства, но не для революционной партии пролетариата, которая должна вести активную антирелигиозную работу.

Воплощение марксистской теории в жизнь в России связано в первую очередь с именем В.И. Ленина. Его взгляды на религию применительно к России высказаны в работах: «Социализм и религия», «Об отношении рабочей партии к религии», «Классы и партии в их отношении к религии и церкви», «О значении воинствующего материализма», в резолюциях РКП(б). После занятия поста председателя СНК РСФСР идеи марксизма в интерпретации В.И. Ленина выражались в постановлениях правительства, всевозможных решениях и инструкциях.

После прихода к власти партии большевиков и монополизации этой власти религия перестала быть частным делом, как для партии, так и для государства. Отныне партия определяла отношения с религиозными объединениями в Советской России, выраженные в нормативно-правовых актах, издаваемых советскими органами, что с одной стороны противоречило марксистскому учению о религии, как частном деле для государства, а с другой стороны, выливалось в принятие административных мер в борьбе с религией.

На протяжении всего советского периода политический курс в отношении религии менялся не единожды, являясь следствием всей внутренней политики государства. Изменение этой политики напрямую связано с пониманием руководителями коммунистической партии и государства марксистско-ленинского учения о государстве. В отечественной исторической науке существует несколько вариантов периодизации государственно-конфессиональных отношений в СССР. Р.А. Набиев выделяет 3 этапа конфессиональной политики государства: 1917–1940 гг., 1941–сер. 1950-х гг., II пол. 1950-х – кон. 1980-х гг.³ А.Б. Юнусова выделила

1917–1943 гг., 1943–1948 гг., 1948–1980-е гг.⁴ М.В. Шкаровским была предложена такая периодизация: 1917–1920, 1921–1928, 1929–1938, 1939–1943, 1943–1948, 1948–1953, 1953–1958, 1958–1964, 1965–1988, 1988–1991.⁵ О.Ю. Васильева выделила 6 этапов: 1917–1929 гг., 1929–1943 гг., 1943–1953 гг., 1953–1958 гг., 1958–1964 гг., 1965–1991 гг., основанных на политической периодизации советской истории применительно к общей государственной политике в отношении к религии и церкви.⁶

Большинство исследователей придерживаются последних двух периодизаций, которые отличаются наличием или отсутствием выделяемых более мелких подэтапов. Наиболее приемлемой для себя считаю периодизацию, предложенную О.Ю. Васильевой, и состоящей из 6 этапов.

1917–1929 гг. охватывает время от октябрьского переворота, Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» до постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Для этого этапа характерно юридическое оформление положения церкви – лишение гарантий ее правовой защищенности, отделение церковной жизни от общественной жизни страны, провозглашение свободы совести и равенства конфессий. В эти годы борьба с религией осуществляется путем идеологического воздействия (силами атеистов и безбожников) и репрессивных методов.

1929–1943 гг. охватывает период от постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» до встречи И.В. Сталина с религиозными лидерами, создания государственных органов по работе с религиозными объединениями. В этот период реализуется целенаправленная политика разгрома религиозной жизни в СССР. Для этого этапа характерно наиболее жесткое административное давление на религиозные объединения и применение репрессивных методов борьбы с ними, что привело к почти полному истреблению легального духовенства всех конфессий. Перед государством стояла задача истребления духовенства и верующих как класса.

1943–1953 гг. В этот период государство отказывается от планов уничтожения религии и переходит к возрождению церковной жизни в стране под строгим контролем. Расширяются права религиозных объединений, устанавливаются льготы, церковь вовлекается во внешнеполитическую деятельность.

1953–1957 гг. Очередной этап начинается с постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», осуждавшего примиренческую политику в церковном вопросе. В этот период решение этих вопросов постепенно перемещалось в сферу партийного влияния и увязывалось с целями и задачами атеистической работы. Это был противоречивый этап. С одной стороны, предпринимались попытки ужесточения религиозной политики, а, с другой, процесс либерализации затронул и священнослужителей, в отношении которых были прекращены репрессии. Двойное положение было обусловлено наличием в руководстве КПСС двух группировок, придерживавшихся противоположных точек зрения в религиозной политике.

1958–1964 гг. Новый этап государственно-конфессиональных отношений начинается с принятия постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»», когда в руководстве КПСС одержала победу группа сторонников жесткой линии и началась ее реализация. Новый этап характеризовался принятием административных мер, базирующихся на партийных установках, направленных на сокращение числа религиозных обществ, подавление религиозности населения.

1965–1991 гг. Новый период охватывает время окончательного оформления в СССР системы государственных органов, деятельность которых была специально направлена на контроль за деятельностью религиозных объединений, принятия Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и завершается упразднением Совета и института

его уполномоченных в областях, краях, автономных и союзных республиках в 1991 г. Для этого периода было характерно не форсированное вытеснение религии из общественной жизни государства, а лишь сдерживание распространения религиозных воззрений.

Свод нормативно-правовых актов, регулирующих отношения между советским государством и религиозными объединениями, носил в советское время название «законодательство о религиозных культах» и включал в себя следующие виды актов:

1. законы и подзаконные акты (нормативные документы высших, республиканских и местных органов власти), а также распоряжения, инструкции;
2. положения и инструкции о контроле за выполнением законодательства о религиозных культах;
3. нормативные акты, определяющие ответственность за нарушение законодательства о религиозных культах (предваренные высказываниями основоположников марксизма-ленинизма о религии и церкви, а также документами КПСС по тому же вопросу).

Такая классификация законодательства в официальных сборниках юридических документов⁷ и некоторых работах исследователей⁸ некорректна с точки зрения источниковедения.

В частности, на протяжении 1950–1960-х гг. политика советского государства в отношении религиозных объединений определялась такими основополагающими документами, как Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и Конституция СССР 1936 г. Указы Верховного Совета СССР и РСФСР, постановления СМ СССР, РСФСР и УАССР по вопросам религии, а также разъяснения и инструкции Советов по делам Русской православной церкви и религиозных культов при Совете Министров СССР уточняли,

дополняли и конкретизировали положения основополагающих документов. Содержание же всех этих документов определялось партийными решениями.

Поэтому наиболее приемлемой классификацией документов законодательной базы о религиозных культах по теме диссертации для конца 1950-х - середины 1960-х гг. полагаю считать следующую:

1. Документы центральных, республиканских и местных органов КПСС.
2. Законодательные акты союзных, республиканских и местных органов государственной власти.
3. Делопроизводственная документация Советов по делам Русской православной церкви и религиозных культов при Совете Министров СССР (инструкции, инструктивные письма, приказы, решения и др.).

Внутри этих блоков целесообразно выделить группы документов по тематике рассматриваемых вопросов:

- правовое положение религиозных обществ (регистрация, снятие с регистрации, открытие, закрытие, снос молитвенных зданий);
- хозяйственное положение религиозных обществ;
- права и обязанности служителей культов, исполнение обрядов;
- религиозные права граждан;
- контроль за соблюдением законодательства о культах;
- ответственность за нарушение законодательства о культах (административная и уголовная).

Базовым документом, изменившим принципы отношения государства к религиозным объединениям, стал Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В соответствии с этим документом закреплялся светский характер государства, провозглашались свобода совести, включающая в себя свободу исповедовать

любую религию или не исповедовать никакой, право свободного отправления религиозных обрядов и антирелигиозной пропаганды, запрещалась религиозная пропаганда (в данном случае запрет не касался религиозной пропаганды в форме проповедей в храмах и издания специальной литературы) и дискриминация по религиозному признаку. Эти положения уравнивали все религиозные объединения перед государством. РПЦ потеряла привилегированное положение, а из ее тени вышли старообрядческие, мусульманские, протестантские, иудейские организации.

С одной стороны, декрет содержал ряд демократических положений, ликвидировав дифференцированное отношение власти к конфессиям, что теоретически давало возможность равноправно развиваться всем конфессиям, с другой стороны, декрет заложил и основы будущего бесправного положения религиозных организаций, запретив религиозным общинам владеть собственностью, лишил их прав юридического лица, национализировал все церковное имущество, которое лишь передавалось органами власти в бесплатное пользование религиозным обществам.⁹

Впоследствии свобода отправления религиозных культов, ведение антирелигиозной пропаганды, а также право верующих избирать и быть избранными были закреплены в ст.124 и ст.135 Конституции СССР 1936 г.¹⁰, действовавшей в исследуемый период.

Весь комплекс документов, составляющих законодательство о религиозных культах исследуемого периода, позволяет более детально проследить реализацию государственной политики в отношении религии, религиозных объединений и верующих при анализе всех затрагиваемых в законодательстве вопросов в тематических блоках.

1. Правовое положение религиозных обществ (регистрация, снятие с регистрации, открытие, закрытие, снос молитвенных зданий); хозяйственное положение религиозных обществ.

Деятельность религиозных объединений в СССР в соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. и Инструкцией

Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» (утв. Постановлением Президиума ВЦИК от 30 января 1931 г.) разрешалась лишь после регистрации их в виде религиозного общества (при наличии 20 и более членов) или религиозной группы (менее 20 человек). Существенной разницы между этими образованиям не было. Общество и группа не обладали правом юридического лица, поэтому сделки, связанные с управлением и использованием имущества могли заключаться только членами исполнительных органов религиозных обществ или уполномоченными групп верующих от своего имени, в то же время исполнительные органы обществ и групп могли пользоваться штампами, печатями и бланками с обозначением своего наименования¹¹. Общества и группы могли использовать для молитвенных собраний любое здание на правах аренды, при условии удовлетворения их строительно-техническим и санитарным нормам. Разница состояла в том, что для регистрации религиозного общества его учредители направляли в исполком местного Совета ходатайство не только о регистрации общества (как это было установлено и при регистрации религиозной группы), но еще и об открытии молитвенного здания (церкви, мечети и др.), кроме того, количество членов исполнительных органов в обществе было определено в 3 человека, а в группе – 1 человек.

После же появления специальных органов – Советов по делам РПЦ (в 1943 г.) и религиозных культов (в 1944 г.) – регистрация осуществлялась их уполномоченными, действующими при Советах Министров союзных и автономных республик, край(обл)исполкомах.

До 16 марта 1961 г. по вопросу открытия молитвенных зданий продолжали действовать постановления СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» и от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов», но с некоторыми изменениями, внесенными постановлением СМ СССР от 17 февраля 1955 г. «Об изменении

порядка открытия молитвенных зданий». Смысл этих документов состоял в следующем.

Ходатайства религиозных объединений об открытии молитвенного здания поступали в районные и городские исполкомы Советов, откуда они вместе с необходимыми приложениями (но без решений исполкомов) направлялись в СМ союзной, автономной республики, край(обл)исполком, где уполномоченные Советов по делам РПЦ или религиозных культов, соответственно, проверяли обоснованность ходатайства и составляли заключение, после чего СМ или край(обл)исполком выносил постановление, которое вместе с заключением уполномоченных Советов по делам РПЦ или религиозных культов направляли в соответствующий Совет на согласование. После полученного решения Совета его уполномоченные регистрировали новое религиозное общество и оформляли передачу верующим молитвенного здания.

В соответствии с постановлением СМ СССР от 17 февраля 1955г. № 259 «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий» решение о регистрации и открытии молитвенного здания принимали Советы Министров союзных республик по согласованию с Советами по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР. Этим же постановлением Советам по делам РПЦ и религиозных культов было предоставлено право зарегистрировать фактически действующие, но не зарегистрированные религиозные общества, имеющие молитвенные здания.

Данное изменение в 1962 г. было внесено в новую редакцию постановления «О религиозных объединениях». Заключение по ходатайству верующих давали уполномоченные по делам РПЦ и религиозных культов, определяя тем самым содержание постановления местного Совета Министров. Перечень причин, являющихся основанием для регистрации религиозного общества, определялся специальными разъяснениями Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР без официальных постановлений СМ СССР.

В 1959 г. после состоявшихся совещаний уполномоченных Советов по делам РПЦ и религиозных культов в связи с принятием 4 октября 1958 г. секретного постановления ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» оба Совета подготовили информационные письма и др. документы для своих уполномоченных, где разъясняли их новые задачи и методы работы.

В частности, в отношении РПЦ уполномоченным было дано указание не допускать открытия новых храмов, для чего требовалось проводить специальные мероприятия, как то: отклонять ходатайства об открытии церквей, предупреждая священнослужителей, являющихся инициаторами, о незаконности их действий, а также информировать местные органы для принятия мер по усилению научно-атеистической пропаганды среди населения в случае поступления ходатайств от групп верующих¹².

Тогда же была поставлена задача борьбы с деятельностью религиозных объединений, которые не могут быть зарегистрированы «в силу антигосударственного, изуверческого и крайне мистического характера их вероучения, целей и методов деятельности».¹³ Перечень религиозных объединений, которым отказывалось в регистрации, был включен в Инструкцию по применению законодательства о культах от 16 марта 1961 г. К ним были отнесены: иеговисты, пятидесятники, истинно-православные христиане, истинно-православная церковь, адвентисты-реформисты, мурашковцы и др.¹⁴ Примечательно, что в письме Генерального прокурора СССР Р. Руденко в декабре 1964 г. в отдел административных органов ЦК КПСС отмечалось, что в Совете по делам религиозных культов при СМ СССР «нет ясности какие религиозные общества и секты следует считать запрещенными».¹⁵

Снять с регистрации религиозные объединения можно было в случае нарушения ими законодательства о культах постановлением СМ автономной

республики, край(обл)исполкома по согласованию с Советами по делам РПЦ или религиозных культов.

Одним из способов решения проблемы сокращения количества религиозных объединений стала ликвидация «затухающих» приходов, которые не поддерживались населением. Искусственное увеличение количества таких «затухающих» приходов было связано с акцентированием внимания Советов по делам РПЦ и религиозных культов и их уполномоченных на недопустимость благотворительной деятельности, выражающейся в выделении епархиальными управлениями, другими религиозными центрами дотаций экономически слабым религиозным обществам. Данное указание появилось, но с другой формулировкой, в информационном письме Совета по делам РПЦ в 1959 г.¹⁶, затем в постановлении Совета по делам РПЦ от 28 июня 1961 г.¹⁷ «О ходе выполнения постановления СМ СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», а затем и 26 июля 1961 г. в виде документа «Разъяснение о порядке применения законодательства о культах», подписанного руководителями обоих Советов.¹⁸

Закрытие молитвенных зданий производилось, во-первых, если религиозное общество, использующее здание, было снято с регистрации, во-вторых, если здание подлежало сносу вследствие его ветхости или реконструкции населенного пункта. Решение о сносе или переоборудовании молитвенного здания принималось СМ союзной, автономной республики или край(обл)исполкомом по согласованию с Советом по делам РПЦ или религиозных культов при СМ СССР.

В случае ветхости молитвенного здания, специально созданная исполкомом техническая комиссия после осмотра выносила свое заключение о сносе или ремонте здания. При необходимости проведения ремонта определялся срок выполнения работ. До устранения дефектов в молитвенном здании запрещалось проведение молитвенных и иных собраний, а в случае

отказа верующих от производства ремонта заключенный с ними договор на пользование зданием и имуществом подлежал расторжению. При необходимости сноса здания с верующими расторгался только договор о предоставлении в пользование им здания.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. теоретически разрешалось строительство новых молитвенных зданий. Однако данное право не было реализовано в 1950–1960-е гг. в Удмуртии.

Как уже отмечалось, религиозные объединения получали имущество только в пользование и управление. Эти функции исполняли представители религиозного объединения, избираемые в исполнительные органы и ревизионные группы. До 1961 г. управление финансово-хозяйственной деятельностью общины фактически было сосредоточено в руках священнослужителей, являющихся одновременно и председателями исполнительных органов. По требованию Совета по делам РПЦ, адресованному патриарху Алексию I, изменения были внесены в «Положение об управлении РПЦ», принятое в июле 1961 г. Архиерейским собором, в котором значилось: «...настоятель храма осуществляет духовное руководство прихожан, наблюдает за благолепием и уставностью богослужений, за современным и тщательным удовлетворением религиозных нужд прихожан...»¹⁹, без указания на руководство финансово-хозяйственной деятельностью. С целью ограничить влияние священнослужителей на решения исполнительных органов и ревизионных комиссий, ограничения деятельности самих «церковников» необходимо было иметь послушный состав этих органов. С этой целью в Инструкции по применению законодательства о культах от 16 марта 1961 г.²⁰, а также в Разъяснении о порядке применения законодательства о культах от 26 июля 1961 г.²¹ было зафиксировано право исполкомов местных Советов отводить отдельных лиц из состава членов исполнительного органа и ревизионной комиссии, причем этого права лишались служители культа и религиозные центры. Это право было зафиксировано еще в первой редакции закона «О религиозных

объединениях» от 8 апреля 1929 г.²² и Инструкции 1931 г.²³, но в этих документах не было упоминания о лишении этой возможности служителей культа и религиозных центров.²⁴

Сама идея об ограничении руководства жизнью прихода духовенством была записана еще 13 января 1960 г. в постановлении ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», в соответствии с которым, все функции по управлению приходом должны были быть переданы исполнительному органу, избираемому из числа верующих.²⁵

Религиозным объединениям запрещалось делать то, что разрешалось общественным объединениям, к которым они были приравнены Декретом СНК РСФСР (1918 г.). Им запрещалось милосердие как таковое: нельзя было оказывать материальную поддержку членам религиозных объединений, создавать общежития для бедных, нельзя было создавать какие-либо кружки, в т.ч. и по обучению религии, запрещалось вести и воспитательную работу, т.к. нельзя было организовывать детские, юношеские, женские объединения, литературные, рукодельнические кружки, запрещались экскурсии.

В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (1929 г.) они имели право собирать добровольные пожертвования как в молитвенном здании, так и за его пределами среди членов данного религиозного объединения, но только на содержание здания, культового имущества, исполнительных органов и служителей культа. Все добровольные пожертвования деньгами, культовым имуществом подлежали учету. В редакции постановления 1962 г. место сбора добровольных пожертвований было ограничено молитвенным зданием.

В соответствии с указанными на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам религиозных культов при СМ СССР (ноябрь 1958 г.) недостатками в области государственно-конфессиональной политики, в январе 1959 г. Советом по делам религиозных культов при СМ СССР был разработан документ «Основные задачи и план работы Совета по делам

религиозных культов и его уполномоченных в республиках, краях и областях на 1959 год», в котором среди прочих ставились задачи: 1) разработка и осуществление мероприятий, направленных на пресечение нарушений законов и постановлений правительства, воспрещающих религиозным объединениям и духовенству проведение работы среди детей, молодежи, женщин; 2) пресечение других противозаконных действий религиозных объединений и служителей культов, в т.ч. проведение сбора пожертвований по домам и квартирам верующих, присвоение религиозными объединениями прав юридического лица в виде самовольной (без санкции Совета по делам РПЦ или религиозных культов и их уполномоченных) аренды, строительства и покупки строений, приобретения транспортных средств и другого имущества.²⁶

Постановлением СМ СССР от 16 марта 1961 г. Советы Министров ССР, АССР и край(обл)исполкомы получили право принимать решения по согласованию с соответствующим Советом об ограничении колокольного звона, «если это вызывается необходимостью и поддерживается населением»²⁷.

Ряд документов определили имущественное положение религиозных объединений. В частности, 16 октября 1958 г. СМ СССР принял постановление «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей», в соответствии с которым повышался налог на доход свечных мастерских, причем начало взимания данного налога началось с 1 октября 1958 г.²⁸

Приобретение имущества, проведение ремонта культового здания Законом 1929 г. разрешалось лишь с согласия уполномоченного Совета по делам РПЦ или религиозных культов при СМ СССР. В соответствии с постановлением СНК СССР от 22 августа 1945 г. «По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям» церковные органы (патриархия, епархиальные управления, приходские общины и монастыри), получив ограниченные права юридического лица, могли приобретать

транспортные средства и дома для церковных надобностей, но также лишь с разрешения уполномоченного.²⁹ Аналогичные права были предоставлены другим религиозным культам постановлением СМ СССР от 28 января 1946 г. «О молитвенных зданиях религиозных культов».³⁰

На Всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам РПЦ в январе 1959 г. член Совета Сивенков И.И. в своем докладе подверг критике работу Совета по толкованию положений постановления и дал понять что под понятием «церковная надобность» должно пониматься лишь право церкви арендовать, строить и покупать дома для молитвенных целей, отправления религиозных обрядов, исключая возможность продавать, передавать жилые дома другим лицам. В то же время разъяснялось, что строительство жилых домов для причта не является «церковной надобностью».³¹

В исследуемый период оформилась тенденция на предотвращение открытия новых храмов и религиозных обществ при помощи административных мер со стороны государства: руководство закрытыми рекомендациями, в т.ч. перечнем культов, запрещенных к регистрации, искусственное создание «затухающих приходов». Законодательно оформилось ограничение руководства духовенства жизнью прихода. Принимались меры по созданию финансовых проблем у религиозных обществ, а также сложностей в реализации имущественных и иных прав.

2. Права и обязанности служителей культов, исполнение религиозных обрядов.

Деятельность служителей культа разрешалась, как и деятельность религиозных объединений, только после их регистрации уполномоченными соответствующих Советов. В соответствии с законом 1929 г. район деятельности служителей культа ограничивался местожительством членов обслуживаемого им одного или нескольких религиозных объединений в

зависимости от специфики той или иной конфессии. При этом служителям культа было запрещено заниматься другим видом деятельности.

Изначально служителям культа было разрешено совершать обряды в домах верующих³². В августе 1959 г. Совет по делам РПЦ при СМ СССР направил своим уполномоченным указания об ограничении совершения треб духовенством в домах верующих.³³ Данное ограничение в отношении всех религиозных объединений в виде необходимости получения разрешения от исполкомов на проведение религиозных обрядов в квартирах и домах верующих, а также под открытым небом, совершении религиозных шествий, не являющихся неотъемлемой частью богослужения, вскоре было прописано в п.9 Инструкции по применению законодательства о культах (1961 г.), а в 1962 г. в качестве редакции ст.59 постановления «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.

Согласно постановлению СМ СССР от 16 марта 1961 г. все священнослужители и церковнослужители, к которым данным постановлением были отнесены и певчие хоры, регенты и органисты, облагались подоходным налогом по ст. 19 Указа Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения»³⁴. Данной статьей Указа доходы священнослужителей, церковнослужителей были приравнены к доходам «от некооперированных кустарно-ремесленных промыслов, строений, от сельского хозяйства в городских поселениях» и размер обложения этих доходов был значительно выше всех остальных, предусмотренных Указом.

В 1962 г. по указаниям Советов по делам РПЦ³⁵ и религиозных культов служители культа всех религиозных организаций в стране были переведены на твердые денежные оклады; взимаемые же ими деньги за совершение обрядов должны были оформляться квитанциями церковными казначеями или специально выделенными людьми. В том же 1962 г. была введена обязательная регистрация совершения таинств и обрядов с указанием фамилий, паспортных данных, адресов участников.³⁶ Для крещения ребенка

требовалось обязательное присутствие обоих родителей. Цель этой меры – лишение духовенства материальной заинтересованности в священнической деятельности и получение более точных сведений о лицах, причастных к церковной обрядности.

В Инструкции по применению законодательства о культах от 16 марта 1961 г. появилось несколько новых пунктов по сравнению с Инструкцией 1931 г. В частности, религиозным объединениям и служителям культов запрещалось: «...7... использовать молитвенные собрания верующих для политических выступлений, противоречащих интересам советского общества; побуждать верующих отказываться от выполнения своих гражданских обязанностей; вести пропаганду, направленную на отрыв верующих от активного участия в государственной, культурной и общественно-политической жизни страны...». Были обозначены и другие запретительные меры: «воспрещалось применять к верующим меры принуждения или наказания», а также «организовывать паломничества верующих к т.н. «святым местам», совершать обманные действия с целью возбуждения суеверия в массах населения...»³⁷

Таким образом в исследуемый период в соответствии советским законодательством служители культа находились под жестким контролем государства: они не могли свободно совершать религиозные обряды в домах верующих, впоследствии им было запрещено совершать требоисправления без оформления квитанций, они не могли организовывать паломничества верующих. Также под контроль были поставлены доходы священно- и церковнослужителей. Основной целью акции было лишение духовенства материальной заинтересованности в священнической деятельности.

3. Религиозные права граждан

Особое внимание государства в советский период было уделено религиозным правам детей и молодежи. Декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» было запрещено преподавание религиозных вероучений в общеобразовательных

учебных заведениях, а обучение религии разрешалось лишь частным образом. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» религиозные общества лишались права создания детских, юношеских, женских молитвенных и других организаций, а преподавание религиозных учений было разрешено лишь в духовных учебных заведениях, открытых в установленном порядке.

На совещании уполномоченных Совета по делам РПЦ при СМ СССР 20 января 1959 г. член Совета Сивенков И.И. в рамках критики деятельности Совета и его уполномоченных в своем докладе указал на неверное понимание задач Совета и как следствие искажение в реализации законодательства о культах. В докладе говорилось: «Советское государство воспрещает духовенству проводить работу среди детей и молодежи. Исповедывание или неисповедывание религии – это дело совести каждого гражданина. Поэтому нельзя насильственно вколачивать в сознание молодого поколения, тем более несовершеннолетних, антинаучного религиозного учения. Недопустимо, чтобы церковнослужители вмешивались в государственные функции воспитания детей»³⁸. Сивенков И.И. обратил внимание всех присутствующих на неправильное решение вопроса о допустимости участия детей и подростков в церковных службах, рассматривавшегося на совещании в ноябре 1950 г., когда было принято решение о недопустимости участия в церковных службах детей до 14 лет, а с 14 лет – участие рассматривалось как нежелательное, но допустимое с согласия родителей. На совещании в ноябре 1959 г. было дано новое толкование данного вопроса: участие детей и подростков до 18 лет в церковных службах не должно было иметь места вообще.

В феврале 1959 г. Советом по делам религиозных культов при СМ СССР был установлен особый контроль за духовенством неправославных конфессий за исполнением недопустимости проведения работы среди детей и юношества.³⁹

Статья 37 Кодекса законов о браке, семье и опеке (1926 г.) о том, что «соглашение родителей о принадлежности детей к той или иной религии никакого значения не имеет»⁴⁰ трактовалась И.И. Сивенковым как запрещение родителям навязывать своим детям ту или иную религию путем привлечения их к соблюдению обрядов и пр. Показательны в этом плане рекомендации уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по УАССР Д.М. Шестакова: «...разъяснять родителям учащихся, что, поскольку в нашей стране церковь отделена от школы и введено обязательное 8-летнее образование в сельской и 10-летнее в городской местности, родители должны целиком положиться на школу за образование и воспитание своих детей; они до совершеннолетия не должны навязывать своим детям антинаучных мировоззрений...»⁴¹

В апреле 1962 г. на XIV съезде ВЛКСМ было заявлено, что «свобода совести не распространяется на детей и ни один родитель не имеет права калечить свое дитя духовно»⁴². Законное основание под этим тезисом было подведено вскоре в журнале «Советское право»: «родители могут быть лишены прав на своих детей государством, так как они государством и дарованы».⁴³

Вызывало беспокойство у государства и паломничества верующих к святым местам. 28 ноября 1958 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам»». Во исполнение данного постановления обоими Советами на Всесоюзных совещаниях и в информационных письмах 1958-1959 гг. уполномоченным было поручено ликвидировать святыне места и паломничество к ним путем использования духовенства, с одной стороны, и проведения научно-атеистической пропаганды среди населения, с другой. Советы обращали внимание своих уполномоченных на необходимость закрытия мест паломничества с одобрения местного населения, а также на проведение работы с духовенством с целью объяснения ими верующим отсутствия необходимости в паломничестве.

В данном вопросе Советы стремились добиться результата руками религиозных центров и духовенства. Так, патриарх Алексей I, еще до постановления ЦК КПСС, дал указание, запрещающее священнослужителям совершение всяких молебствий у так называемых «святых» деревьев, колодцев, родников и ключей. Связано это было с тем, что у этих «святых мест» работают шарлатаны, распространяя суеверие, которое по церковным законам рассматривается как грех.⁴⁴

Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири по рекомендации уполномоченных Совета по делам религиозных культов при СМ СССР выпустило специальное обращение к верующим, в котором разъясняло, что поклонение «святых мест» противоречит догматам мусульманской религии, а надежды на исцеление от болезней, пророчества являются обманом.⁴⁵ Мусульманские лидеры сами шли на сужение функций духовенства, изменение правил религиозной обрядности, отмену некоторых из них. Они не признавали незарегистрированных мулл и объявили о том, что проводимые такими муллами намазы не достигают Аллаха, отрицательно относились к посещению верующими старинных мусульманских захоронений. По этим вопросам в 1960 г. и 1961 г. были сделаны специальные обращения к верующим- фетвы. Высшее мусульманское духовенство стало проявлять конформизм. По мнению А.Б. Юнусовой, у официального религиозного чиновничества не хватало, а может и не было чувства внутренней свободы, чтобы отстаивать конституционные права верующих.⁴⁶

В конце 1950-х – сер. 1960- х гг. законодательные акты ограничивали право граждан на свободу совести, причем особое внимание уделялось предотвращению привлечения детей и молодежи к религии. С этой целью законодательно запрещалось создание различных кружков и организаций при религиозных обществах, за духовенством устанавливался контроль в целях предотвращения работы с детьми, родители ограничивались в праве прививать своим детям религиозное мировоззрение. Дополнительно

принимались меры по предотвращению паломничества к святым местам, в т.ч. руками религиозных центров и духовенства.

4. Контроль за соблюдением законодательства о культах и деятельностью религиозных объединений

В исследуемый период контроль за деятельностью религиозных объединений, соблюдением ими законодательства о культах, а также принятие мер к ликвидации правонарушений осуществлялся регистрирующими органами: Советами Министров ССР, АССР, исполкомами Советов, Советами по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР, их уполномоченными на местах⁴⁷.

Со времени появления специальных органов, призванных осуществлять государственную религиозную политику, – Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР, основная работа в области контроля на местах была сосредоточена в руках уполномоченных, учрежденных в годы Великой Отечественной войны.

14 сентября 1943 г. постановлением СНК СССР был образован Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР, на который была возложена задача осуществления связи между Правительством СССР и патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви. Положением о Совете при Совнаркомах союзных и автономных республик и обл(край)исполкомах, утвержденным 7 октября 1943 г.⁴⁸, вводилась должность уполномоченных, действующих в соответствии с данным Положением и инструкциями Совета.

В обязанность уполномоченного входило:

- наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь на всей территории СССР законов и постановлений Правительства СССР, относящихся к Русской православной церкви;
- представление Совету народных комиссаров СССР заключений по вопросам Русской православной церкви;

- своевременное информирование Правительства СССР о состоянии Русской православной церкви в СССР, ее положении и деятельности на местах;
- общий учет церквей, молитвенных зданий, составление статистических сводок по данным, представляемым Совету местными советскими органами.

По аналогии с Советом по делам Русской православной церкви 19 мая 1944 г. постановлением СНК СССР был создан Совет по делам религиозных культов при СНК СССР для осуществления связи между Правительством СССР и руководителями религиозных объединений за исключением Русской православной церкви.⁴⁹ Положение о Совете было утверждено СНК СССР 29 мая 1944 г.⁵⁰ Права, обязанности, сфера компетенции и организационная структура вновь созданного Совета строилась по аналогии с Советом по делам РПЦ.⁵¹

Уполномоченные Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР по УАССР осуществляли государственную политику в отношении религиозных объединений, духовенства и верующих на республиканском уровне. Эти должностные лица координировали работу советских и партийных органов, общественных организаций по вопросам взаимоотношений государства с верующими и религиозными объединениями; являлись центром по сбору данных о положении религиозных культов и анализу религиозной ситуации.

На протяжении исследуемого периода уполномоченные точно выполняли свою работу в соответствии с решениями ЦК КПСС, постановлениями Совета Министров СССР, указаниями Советов по делам РПЦ или религиозных культов при Совете Министров СССР.

В соответствии с письмом СМ УАССР от 26 июля 1960 г.⁵² исполкомам рай(гор)советов в этом же году при исполкомах рай(гор)советов депутатов трудящихся были образованы первые группы общественного контроля за соблюдением советского законодательства о культурах. В первую очередь они

появились в тех городах и районах, где имелись религиозные общины. Всего в состав групп было введено 108 человек из советского и партийного актива.⁵³ Группы создавались с целью усиления контроля за соблюдением духовенством советского законодательства о культах и изучения деятельности религиозных общин.

Необходимость усиления контроля за выполнением законодательства о культах со стороны советских органов вызвало появление постановления СМ СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Этот документ обязывал местные советские органы обеспечить строгий контроль за выполнением законодательства о культах и своевременно принимать меры к ликвидации нарушений духовенством и религиозными объединениями. В то же время в постановлении обращалось внимание на необходимость обеспечения гражданам свободы совести, недопустимость незаконного снятия с регистрации и закрытия молитвенных зданий. Данным постановлением Советам по делам РПЦ и религиозных культов поручалось давать разъяснения министерствам и ведомствам, различным организациям, а также местным советским органам по вопросам, касающимся применения законодательства о культах.⁵⁴

После изменений в административно-территориальном делении Удмуртии, произошедших в 1962 – 1963 гг., когда были укрупнены сельские районы республики, а в г. Ижевске образованы Ленинский, Октябрьский, Первомайский и Индустриальный районы, при исполкомах городских и районных Советов депутатов трудящихся создаются комиссии содействия по контролю за соблюдением законодательства о культах. В соответствии с «Примерным положением о деятельности комиссии...», утвержденным СМ УАССР 8 июля 1963 г. в функции комиссий входило: 1) сбор сведений о деятельности зарегистрированных и незарегистрированных религиозных объединений; 2) выявление граждан, посещающих молитвенные собрания, исполняющих религиозные обряды; 3) выявление фактов нарушения

законодательства о культах; 4) выработка и осуществление мер по ограничению и ослаблению деятельности религиозных обществ и служителей культа и пр.⁵⁵ В состав комиссий должны были быть включены лица, наиболее подготовленные для осуществления этих функций: депутаты местных Советов, работники культурно-просветительных учреждений, финансовых органов, органов народного образования, пропагандисты, пенсионеры, работники сельсоветов и другие из числа местного актива.

В сфере контроля за соблюдением законодательства о культах в исследуемый период отмечалась активизация и ужесточение этой работы. Полномочия по контролю были возложены на Советы по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР и их уполномоченных. В целях осуществления более тщательного контроля за соблюдением законодательства духовенством и верующими в эти годы в помощь уполномоченным Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР были организованы группы общественного контроля при исполкомах Советов депутатов трудящихся, осуществлявших постоянное наблюдение за деятельностью духовенства и верующих.

5. Ответственность за нарушение законодательства о культах

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», обе Инструкции по применению законодательства о культах (1931 г. и 1961 г.) обязывали регистрирующие органы в случае нарушения религиозными объединениями или служителями культа законодательства о культах требовать исправления отмеченных нарушений, а в случае отказа или повторных нарушений – ставить вопрос о снятии с регистрации служителей культа или религиозного общества, отводить нарушителей из состава исполнительных органов, расторгать договор на пользование зданием и имуществом.⁵⁶

Снятие с регистрации служителей культа Всесоюзным совещанием уполномоченных Совета по делам РПЦ (1959 г.) разрешалось в случае привлечения ими детей и подростков до 18 лет к прислуживанию в церкви,

но лишь после предупреждения.⁵⁷ В инструктивном письме Совета по делам РПЦ от 14 марта 1963 г. уполномоченным рекомендовалось снимать с регистрации служителей культа только «в крайних случаях и лишь за грубые нарушения законодательства о культах».⁵⁸ В практике снять с регистрации служителей культов можно было за неоднократное нарушение законодательства и отказ со стороны служителей ликвидировать их, а также после неоднократного предупреждения со стороны уполномоченного.

11 марта 1952 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о спецпоселении участников запрещенных сект «Свидетели Иеговы», «истинно-православные христиане», «иннокентьевцы», «адвентисты-реформисты» и членов их семей. Они подвергались административному надзору органов охраны общественного порядка в местах спецпоселений, при выселении у участников сект и членов их семей конфисковывалось имущество. Данный указ действовал до 30 сентября 1965 г., когда Указом Президиума ВС СССР были отменены постановления о спецпоселении по религиозным мотивам, но конфискованное имущество высланным не возвращалось, а сами спецпоселенцы могли вернуться на прежние места проживания лишь с разрешения исполкомов областных (краевых) Советов депутатов трудящихся или Советов Министров республик, на территории которых они раньше проживали.⁵⁹

Зарегистрированные служители культов и верующие могли быть привлечены и к уголовной ответственности. По Инструкции 1931 г. уголовная ответственность наступала в случае принудительных сборов в пользу религиозного общества (ст. 124 УК РСФСР)⁶⁰. В соответствии с инструктивным письмом 1959 г. к уголовной ответственности могли быть привлечены священнослужители и другие лица, «совершающие обманные действия с целью возбуждения суеверия в массах населения для извлечения таким путем каких-либо выгод...»⁶¹.

Руководители религиозных объединений, запрещенных к регистрации, подлежали уголовной ответственности лишь в том случае, если в их

действиях имелись преступления, наказания за которые были предусмотрены в Уголовном кодексе РСФСР.⁶²

В Уголовном кодексе РСФСР, принятом на сессии Верховного Совета РСФСР 27 октября 1960 г., было три статьи, непосредственно связанные с нарушениями религиозного законодательства: ст.142 «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви», ст.143 «Воспрепятствование совершению религиозных обрядов», ст.227 «Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов». В первом случае за нарушение законов виновные наказывались исправительными работами на срок до 1 года или штрафом до 50 руб.. При этом уточнялось, что уголовная ответственность по ст.142 возникала лишь в случае совершения преступления, представляющего большую общественную опасность, в противном случае – виновные несут административное наказание.⁶³ По второй статье – ст.143 - за воспрепятствование исполнению обрядов, не нарушающих общественного порядка и не сопровождающиеся посягательством на права граждан, виновные наказывались исправительными работами на срок до 6 мес. или общественным порицанием. По третьей статье – ст.227 – за «организацию или руководство группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедования религиозных вероучений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан, или иными посягательствами на личность или права граждан, либо с побуждением граждан к отказу от общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей, а равно с вовлечением в эту группу несовершеннолетних наказывается лишением свободы на срок до 5 лет или ссылкой на тот же срок с конфискацией имущества или без таковой; за активное участие в деятельности группы..., а равно систематическая пропаганда, направленная к совершению указанных действий наказывается лишением свободы на срок до 3 лет, или ссылкой на тот же срок, или исправительными работами на срок до 1 года.»⁶⁴ В примечании ко второй

части статьи говорилось о возможном применении к лицам, активно участвовавшим в деятельности группы, мер общественного воздействия, если деяния и лица, их совершившие, не представляют общественной угрозы.

4 мая 1961 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни», под который попадали и верующие. В соответствии с данным Указом совершеннолетние трудоспособные граждане, уклоняющиеся от общественно полезного труда, живущие на нетрудовые доходы от эксплуатации земельных участков, автомашин, жилой площади, а также занимающиеся запрещенными промыслами, частнопредпринимательской деятельностью, попрошайничеством, спекуляцией, производящие строительство домов и дач из незаконно добытых строительных материалов или совершающие иные антиобщественные поступки, «...подвергаются по постановлению городского (районного) народного суда выселению в специально отведенные местности на срок от 2-х до 5 лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения...».⁶⁵ Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от того же 4 мая 1961 г. «О порядке применения Указа...», не подлежащим опубликованию, под действие документа попадали «лица, возглавляющие нелегальные религиозные секты».⁶⁶

Уголовной ответственности подвергались верующие и руководители религиозных объединений, не подлежащих регистрации. Но среди них были и мусульмане, евангельские христиане-баптисты и меннониты, не отнесенные статьей 23 Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г. к запрещенным организациям.

Существенным фактом было то, что на протяжении всего исследуемого периода не существовало официальной трактовки статей Уголовного кодекса, касающихся религиозных культов, что позволяло применять статьи в соответствии с субъективным пониманием судьями той или иной статьи.

В конце 1950-х – середине 1960-х гг. были приняты дополнительные законодательные акты, расширявшие ответственность духовенства и верующих за нарушения законодательства о культах. Кроме того, указания Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР давали возможность привлекать к ответственности за то, что раньше не считалось нарушением или за такие нарушения, к которым в предыдущие годы относились благосклонно. Именно в это время в УК РСФСР появились статьи, связанные с нарушениями религиозного законодательства.

Подводя итог, следует отметить, что в конце 1950-х– середине 1960-х гг. политика государства строилась на антирелигиозных установках КПСС и преследовала цель- «освобождение сознания от религиозных предрассудков и суеверий». Для достижения поставленной цели было обновлено законодательства о религиозных культах.

Дополнительно принимались законодательные акты, ограничивавшие имущественные и финансовые права религиозных обществ; отстранявшие духовенство от руководства приходом; ущемлявшие права граждан на свободу совести, на совершение паломничества, получение духовного образования; устанавливавшие контроль за доходами священно- и церковнослужителей.

В исследуемый период отмечалась активизация и ужесточение в сфере контроля за соблюдением законодательства о культах, осуществляемая Советами по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР, их уполномоченными и группами общественного контроля при исполкомах Советов депутатов трудящихся. Были также приняты дополнительные законодательные акты, усиливающие административную и уголовную ответственность духовенства и верующих за нарушения законодательства о культах.

Особенностью законодательства этого периода было то, что с одной стороны, продолжали действовать законы, предоставлявшие религиозным обществам различные права, а с другой, в соответствии с негласными

указаниями Советов по делам РПЦ и религиозных культов при помощи административных мер чинились всевозможные препятствия по их реализации.

-
- ¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О религии. – М.: Политиздат, 1975. – С.5.
- ² Интервью К. Маркса корреспонденту американской газеты «Chicago Tribune» в первой половине декабря 1878 г. / Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О религии. – М.: Политиздат, 1975. – С.20.
- ³ Набиев Р.А. Ислам и государство. – Казань, 2002. – С.72.
- ⁴ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.
- ⁵ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000. – С.8–9
- ⁶ Васильева О.Ю. Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание / www.pravoslavie.ru
- ⁷ Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М., 1971. – 336 с.
- ⁸ Фасихова М.В. Политика Советского государства по отношению к религиозным объединениям в Татарстане (60-80-е годы XX века). Историко-политический анализ. Дисс... канд. ист. наук. – Казань, 2002. – С.24.
- ⁹ Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» / Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М., 1971. – С.53–55
- ¹⁰ Конституция СССР. 1936 / Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М., 1971. – С.76.
- ¹¹ Вопреки данному положению Декрета и постановления, в соответствии с Постановлением СНК СССР от 22 августа 1945 г. приходским общинам было даровано право ограниченного юридического лица (им разрешалось создавать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, открывать предприятия, осуществлять найм работников). (См.Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. –М., 2000. – С. 333.)
- ¹² Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. – М., 1999. – С.188.
- ¹³ ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.139, л.221.
- ¹⁴ Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М.,1971.– С.157.
- ¹⁵ РГАНИ, ф.5, оп.55, д.72, л.154.
- ¹⁶ Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. – М., 1999.– С.189.
- ¹⁷ ЦГА УР, ф. Р-551, оп.1, д.147, л.121.
- ¹⁸ Там же, л.218.
- ¹⁹ Цит. по: Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. – М., 1999. – С.221
- ²⁰ Инструкция по применению законодательства о культах / Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М., 1971. – С.151.
- ²¹ ЦГА УР, ф. Р-551, оп.1, д.147, л.217.
- ²² См. Собрание узаконений РСФСР. – 1929. – № 35. – Ст.353. – С.476.
- ²³ Инструкция по применению законодательства о культах / Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М., 1971. – С.183.
- ²⁴ См. Собрание узаконений РСФСР. – 1929. – № 35. – Ст.353. – С.476.
- ²⁵ Алексеев В. А. Отвечали ли принципам свободы совести церковно-государственные отношения в СССР в период «оттепели» / Свобода совести в духовном возрождении Отечества. – М., 1994. – С.131.
- ²⁶ ЦГА УР, ф. Р-551, оп.1, д.139, л.219.
- ²⁷ Там же, оп.2, д.2879, л.45об.
- ²⁸ Постановление Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г. «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». / Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М., 1971. – С.108.
- ²⁹ ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.62, л.327-328.
- ³⁰ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С.209.
- ³¹ ЦГА УР, ф. Р-551, оп.2, д.139, л.19-20
- ³² См. пп. 24, 26 Инструкции Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» от 30 января 1931 г. / Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М., 1971. – С.187.
- ³³ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. - М., 2000. – С.368.
- ³⁴ См. ЦГА УР, ф.Р-551, оп.2, д.625, л.4-6, оп.2, д.2879, л.45-46, Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – М., 1945. – С.172-173.
- ³⁵ ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.152, л.73-74, 77.
- ³⁶ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000. – С.383.

-
- ³⁷ Инструкция по применению законодательства о культах от 16 марта 1961 г. / Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М., 1971 – С.152, 153.
- ³⁸ ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.139, л.49.
- ³⁹ Там же, л.219.
- ⁴⁰ Там же, л.50.
- ⁴¹ Там же, д.142, л.138.
- ⁴² Цит. по: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000. – С.384.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Письма и диалоги «хрущевской оттепели» // Отечественные архивы. – 1994. – № 5.– С.47.
- ⁴⁵ ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.139, л.233.
- ⁴⁶ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С.258.
- ⁴⁷ Ст.64 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» / Законодательство о культах. – М., 1971.– С.97; ст.14 Инструкции по применению законодательства о культах от 16 марта 1961 г. / Там же. – М., 1971. – С.154.
- ⁴⁸ ЦГА УР, ф.Р-551, оп.2, д.422, л.16-18.
- ⁴⁹ Там же, д.481, л.143.
- ⁵⁰ Там же, л.166.
- ⁵¹ Там же, л.167-168.
- ⁵² Там же, оп.1, д.142, л.179-180.
- ⁵³ Там же, д.147, л.15.
- ⁵⁴ Там же, оп.2, д.2879, л.45-45об.
- ⁵⁵ Там же, д.3180, л.38-40.
- ⁵⁶ Пп.43-44, 51 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г., п.9, 52 Инструкции 1931 г., п.4, 15 Инструкции 1961 г.
- ⁵⁷ ЦГА УР, ф. Р-551, оп.1, д.139, л.51.
- ⁵⁸ Там же, д.158, л.34.
- ⁵⁹ ГАРФ, ф.6991, оп.4, д.119, л.15; Одинцов М.И. Совет Министров СССР постановляет: «выселить навечно!»: Сб. документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951-1985). – М., 2002. – С.30-31 .
- ⁶⁰ Инструкция Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах»./ Законодательство о религиозных культах. – М., 1971. – С.183.
- ⁶¹ ЦГА УР, ф. Р-551, оп.1, д.139, л.216-217.
- ⁶² Там же, л.250.
- ⁶³ Церковь и государство (история правовых отношений). – М., 1997. – С.175-176.
- ⁶⁴ Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М., 1971. – С.272-273.
- ⁶⁵ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1961. – № 18 (139). – Ст.273. – С.286-287.
- ⁶⁶ ЦГА УР, ф.Р-551, оп.2, д.2876, л.28.

ГЛАВА II. РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УДМУРТИИ

2.1. Политика КПСС по отношению к религиозным объединениям и верующим

Смена политического руководства страны в 1950-е гг. и избрание Н.С. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС имели своим последствием крупные изменения во внутренней политике государства, в т.ч. и в отношении к религии.

На внеочередном XXI съезде КПСС, проходившем 27 января – 5 февраля 1959 г., в докладе Н.С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы», а также в постановлении по докладу констатировалось: «...XXI съезд КПСС исходит из того, что Советский Союз вступил в новую полосу исторического развития. Социализм одержал в нашей стране полную и окончательную победу... Советская страна... вступила в новый период своего развития – период развернутого строительства коммунистического общества...».¹

Таким образом, в новых условиях социально-экономического развития СССР, ставились и новые задачи в социальной сфере, в т.ч. и идеологической области, преследующие одну общую для всех цель – построение коммунистического общества.

Вплоть до конца 1950-х гг. Н.С. Хрущев был далек от религиозных проблем. Первоначально вопросы религиозной политики не занимали какого-либо определенного места в его планах по переустройству советского общества. Идеологическим обеспечением развития страны руководили секретари ЦК КПСС М.А. Суслов и Л.Ф. Ильичев. Появление на повестке дня задачи строительства коммунистического общества обострило религиозный вопрос. КПСС считала, что построить коммунистическое общество без освобождения сознания людей от религиозных предрассудков и суеверий невозможно.²

В государственно-конфессиональной сфере КПСС принимала решения, которые определяли направление и содержание антирелигиозной деятельности, что стало основой для периодизации этого процесса.

Весь комплекс документов, отражающих политику партии по исследуемому вопросу, включает в себя следующие группы документов:

1. Документы высших органов КПСС (Устав, Программа КПСС, материалы съездов, пленумов, конференций, политбюро и секретариата ЦК).
2. Документы Удмуртского обкома КПСС.
3. Документы местных органов КПСС – горкомов и райкомов КПСС.

В связи с тем, что КПСС определила единственно возможный путь развития в сфере государственно-конфессиональных отношений, необходимо рассмотреть и выявить специфику применявшихся **методов и форм работы** партии с различными социальными группами населения, государственными и общественными организациями, а также **этапы** изменений в этих отношениях.

Для выявления особенностей реализации политики партии представляется целесообразным выделить следующие пары субъектов взаимоотношений:

- партия и парторганы;
- партия и Верховный Совет УАССР, Совет Министров УАССР, местные Советы, уполномоченные по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР по УАССР;
- партия и беспартийные;
- партия и религиозные объединения;
- партия и Общество «Знание»³.

1-й этап: октябрь 1958 г. – октябрь 1961 г.

Как уже отмечалось ранее, первым признаком начала нового периода религиозной политики в стране стало постановление ЦК КПСС от 4 октября

1958г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды». В этом документе говорилось о необходимости «усилить», «активизировать», «придать наступательный характер» научно-атеистической пропаганде. Особенностью же постановления стала постановка перед государственными органами власти задачи принятия административных мер, направленных на ограничение прав религиозных организаций.⁴

Этим постановлением был задан определенный тон и направление в отношениях государства с религиозными организациями. Отныне в целях реализации всех указаний ЦК КПСС Совет Министров СССР, а также правительства союзных республик и АССР, обл(край)исполкомы, Советы по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР, их уполномоченные, местные партийные и советские органы принимали постановления и решения, соответствующие выработанному ЦК КПСС курсу.

Все документы партии, появившиеся в исследуемый период по вопросам государственно-церковных отношений, непосредственно и в первую очередь являлись обязательными для изучения и исполнения руководством партийных организаций всех уровней и членами партии, как этого требовал Устав КПСС.

В 1958 г. на ноябрьском пленуме Удмуртского ОК КПСС в ходе обсуждения вопроса «О состоянии и мерах улучшения партийной пропаганды» особое внимание было уделено вопросам атеистической пропаганды. Обкомом КПСС был намечен широкий план мероприятий по совершенствованию научно-атеистической пропаганды:

- составление перспективных годовых планов публикации статей всеми республиканскими газетами, выступлений на радио и телевидении;
- проведение кустового семинара в г. Ижевске для лекторов по пропаганде атеизма;
- проведение совещания работников министерства просвещения, министерства культуры, обкома ВЛКСМ, Удмуртского отделения

Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР, где планировалось заслушать информацию об исполнении решения ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения»⁵.

Одним из документов, обязывающих реализовать новые задачи, стало постановление ЦК КПСС от 11 марта 1959 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди трудящихся Сталинской области». После его выхода в 1959 г. в районных парторганизациях Удмуртии, в т.ч. на пленумах Вавожского, Кезского, Мало-Пургинского, Игринского РК КПСС обсуждался этот вопрос, применительно к своему району.⁶

На пленумах указанных райкомов констатировалось, что районные отделения Удмуртского отделения Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР проводят недостаточную антирелигиозную пропаганду. Следствием этого недостатка называлось наличие в районах действующих религиозных групп, совершение религиозных обрядов населением, в т.ч. и коммунистами, наличие в домах жителей икон. Примечательно, что иконы были и в домах коммунистов-руководителей колхозов, наличие которых они объясняли проживанием в их домах лиц старшего поколения – родителей, дедов и бабушек.

По утверждению секретаря Кезского РК КПСС Иванова И.Н. парторганизации не обращали внимания на соблюдение населением района религиозных обрядов, не проводили с ними соответствующей работы, а районное отделение Удмуртского отделения Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР занимается только разговорами о разворачивании атеистической пропаганды.⁷

С целью активизации антирелигиозной пропаганды в Игринском районе, в частности, пленум Игринского РК КПСС принял постановление, в котором районное отделение Удмуртского отделения Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР и его сельские

группы обязывались улучшить работу в области чтения лекций на с/х, научно-технические и атеистические темы, а со стороны отдела пропаганды и агитации РК КПСС требовалось повысить руководство сельскими группами общества. Одновременно с этим в конце 1959 г. в районе планировалось открыть 3 кружка по изучению вопросов атеизма. Основная сложность при подготовке антирелигиозных лекций в районе состояла в недостаточном количестве антирелигиозной литературы.⁸

Выполнение постановления ЦК КПСС от 11 марта 1959 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди трудящихся Сталинской области» давало некоторые результаты. В 1959 г. в результате усиления научно-атеистической пропаганды Сарапульский ГК КПСС и исполком горсовета, Камбарский РК КПСС добились распада групп ЕХБ и мусульман в г. Сарапуле и не позволили перенести деятельность группы ЕХБ в Камбарку.⁹ Можгинский РК КПСС и общественные организации района добились прекращения деятельности незарегистрированного общества мусульман;¹⁰ Увинским РК КПСС предпринимались попытки разложения группы пятидесятников и «трезвенников».¹¹

Особая роль в достижении поставленной цели отводилась Удмуртскому отделению Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР.

9 января 1960 г. было принято постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», свидетельствовавшее об усилении внимания партии к антирелигиозной пропаганде. В постановлении ЦК партии отметил низкий уровень борьбы с религией и потребовал усилить борьбу против религиозных предрассудков.¹²

Постановление ЦК КПСС обсуждалось на заседаниях пленумов райкомов КПСС и партактивов Удмуртии.¹³ На них в очередной раз говорилось о недостаточной работе парторганизаций районов, которые не направляют работу лекторских групп и агитколлективов на усиление

антирелигиозной пропаганды. Главным недостатком в антирелигиозной пропаганде признавалось отсутствие индивидуальной работы с верующими, присутствие на антирелигиозных лекциях только неверующих. Задачей пропаганды объявлялось разоблачение реакционной сущности религии, вредности религиозных предрассудков.

В январе же было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», которым запрещалось приходскому духовенству осуществлять какое бы то ни было руководство жизнью прихода, передав все функции исполнительному органу, избираемому из числа верующих.¹⁴ Это было прямое вмешательство КПСС во внутренние дела религиозных обществ.

На Увинской районной партконференции 12 ноября 1960 г. председатель колхоза «Дружба» Ермаков И.Г. выступил с предложением закрыть церковь в с.Сям-Можга, что, по его мнению, было бы даже лучше, чем просто вести антирелигиозную пропаганду.¹⁵ В Кизнерском и Нылгинском¹⁶ районах коммунисты держат в домах иконы, молодежь посещает молитвенные собрания, имеются случаи исполнения религиозных обрядов комсомольцами.¹⁷

В Ярском районном отделении Удмуртского отделения Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР не было создано атеистической секции, лекторы выступали в основном на центральной усадьбе колхоза, парторганизации не контролировали работу лекторских групп на местах.

В целях усиления и повышения идейного уровня лекционной пропаганды перед Кизнерским и Нылгинским райкомами КПСС, первичными парторганизациями была поставлена задача принять меры к улучшению лекционной пропаганды районными отделениями Общества по распространению политических и научных знаний, лекторскими группами райкомов КПСС; активнее привлекать интеллигенцию районов и передовиков промышленности и с\х производства; больше читать лекций на

удмуртском языке; обратить особое внимание на индивидуальную работу с верующими, контролировать качество лекций.

В марте 1960 г. на пленуме Можгинского РК КПСС уполномоченный комитета госбезопасности УАССР Вьюшинский, анализируя работу в районе, отметил, что РК КПСС не выписывает для библиотеки журнал «Наука и религия», плохо организована работа учителей с родителями, комсомол не проводит никаких мероприятий по антирелигиозной пропаганде, священники православной церкви из с. Можга проводят религиозную пропаганду среди жителей г. Можги.¹⁸ Председатель РК КПСС Никифоров И.Н. констатировал, что в районе действует две православные церкви (в с. Можга и с. Поршур), группы баптистов, пятидесятников, мусульман, группа ИПЦ. За 1959 г. в районе было прочитано 339 лекций на научно-атеистические темы, но общий уровень научно-атеистической пропаганды был весьма низок. В результате отмечались паломничество граждан из города в храм с. Можги, наличие среди верующих молодежи. Поэтому перед лекторами ставилась задача, чтобы лекции носили более наступательный характер, читались с учетом возрастных особенностей групп и национальности слушателей.¹⁹

В целях усиления научно-атеистической пропаганды в Можгинском районе райкомом КПСС были намечены следующие мероприятия:

- разработать тематику лекций на научно-атеистические темы с привлечением членов Удмуртского отделения Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР, преподавателей общественных и естественно - научных дисциплин средних и специальных учебных заведений;
- проводить систематическое обсуждение лекций с целью улучшения их качества;
- организовать систематическое чтение лекций, тематических вечеров, вечеров вопросов и ответов на научно-атеистические темы на предприятиях, учреждениях, колхозах;

- организовать проведение циклов лекций на научно-атеистические и естественно-научные темы в районном ДК, клубах, библиотеках, изба-читальнях, красных уголках;
- систематически публиковать в районной газете «Ленинское знамя», транслировать в передачах местного радиовещания материалы, разоблачающие деятельность сект;
- ввести в практику новые формы работы лекторов-атеистов – индивидуальные беседы с верующими.²⁰

Общей проблемой для райкомов КПСС на протяжении всего указанного периода была неудовлетворительная постановка атеистической пропаганды при действующих религиозных объединениях, соблюдение населением религиозных обрядов и праздников, наличие в жилых домах икон, недостаточное количество читаемых лекций на научно-атеистические темы и охват ими населения, ограниченная индивидуальная работа с верующими.

Во всех районах республики отмечалась недостаточная атеистическая работа с детьми и молодежью. Так, например, учащиеся школ Нылгинского района носили нательные кресты, заучивали молитвы.²¹

В марте 1961 г. Вавожский РК КПСС, обсудив письмо уполномоченного по делам РПЦ «О церковной обстановке в Вавожском районе»²² потребовал от парторганизаций колхозов, председателей сельсоветов и руководителей школ, на территории которых отмечалась высокая религиозность среди населения, в антирелигиозной пропаганде особое внимание уделять разъяснению родителям учащихся закона об отделении церкви от государства и школы от церкви, делая акцент на отсутствии у родителей права навязывать своим детям антинаучные взгляды. Кроме того, рекомендовалось осуждать родителей на родительских собраниях, комитетах, собраниях коллективов за принуждение детей к посещению церковных служб.²³

Работа, проводимая Обществом по распространению политических и научных знаний РСФСР, считалась наиважнейшим и масштабным

направлением в деле коммунистического воспитания трудящихся и ликвидации религиозных предрассудков в сознании людей, в частности. Накануне нового этапа в развитии государственно-конфессиональной политики президиум правления Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР сетовал на сохраняющееся неудовлетворительное состояние научно-атеистической пропаганды, проводимой Обществом. Постановлением от 23 апреля 1957 г. президиум правления Общества обратил внимание правлений республиканских, краевых и областных отделений на необходимость рассматривать научно-атеистическую пропаганду как важнейшую составную часть деятельности Общества. При этом требовалось вести систематическую пропаганду, разработать меры по повышению ее идейного и научного уровня; в основу же должно было быть положено «популярное разъяснение наиболее важных явлений природы и общества».²⁴

Состояние научно-атеистической пропаганды в Удмуртии, как и в России в целом, имело существенные недостатки: этой пропагандой не были охвачены все слои трудящихся, почти не готовились и не размножались тексты лекций по научно-атеистической тематике. В Удмуртии в 1958 г. была подготовлена лишь одна лекция «В чем сущность религии», текст которой был распространен среди участников межрайонного республиканского семинара атеистов в г.Глазове; недостаточно публиковались антирелигиозные статьи в печати; мало антирелигиозных лекций читалось на селе, кроме того, не хватало лекторов-атеистов. В целях подготовки новых и переподготовки имевшихся кадров лекторов по научно-атеистической тематике президиум правления Удмуртского отделения Общества призвал во всех районных отделениях усилить работу по вовлечению преподавателей ВУЗов, сельских учителей, врачей и агрономов для чтения лекций по научно-атеистической тематике.²⁵ В 1959–1960 гг. Удмуртским отделением Общества было проведено 7 занятий кустовых семинаров по научно-атеистической пропаганде в г. Ижевске, Сарапуле и

Глазове. Ряд семинаров был организован и в районах, куда для помощи были направлены лекторы и тексты лекций, разработанные секцией философских, естественнонаучных и атеистических знаний Удмуртского отделения Общества. Тогда же была проведена значительная работа по совершенствованию научно-атеистической пропаганды: изданы на удмуртском языке и направлены в районы тексты ряда лекций, в т.ч. «Коммунизм и религия», «Религия и женщина», «Церковники и сектанты в Удмуртии». В тот период в ряде районных и сельских клубов проводились тематические вечера: «Чудеса без чудес» и «Химия в борьбе с религией». Проведенный в Удмуртском государственном пединституте атеистический вечер успешно был повторен в одном из Ижевских Дворцов культуры, в ряде агитпунктов и колхозах Як-Бодьинского района. Проводился цикл бесед на научно-атеистические темы по местному телевидению.²⁶

Не осталась в стороне от антирелигиозной пропаганды и молодежь. Только на научно-атеистические темы в первом полугодии 1960 г. для молодежи было прочитано 400 лекций.²⁷ Тематика лекций составлялась Удмуртским отделением Общества совместно с ОК ВЛКСМ. В некоторых районных комсомольских организациях практиковались теоретические конференции, как например, в г.Камбарке – «Дети и религия».²⁸

Несмотря на положительную картину, рисуемую Удмуртским отделением Общества при рассмотрении состояния научно-атеистической пропаганды в городских (районных) отделениях оказывалось, что картина вовсе даже не благополучная. Так, в частности, отмечалось, что в 1960 г. в Граховском районе не было системы в научно-атеистической пропаганде, лекции читались редко. Правлению Граховского отделения Удмуртским отделением Общества было указано: проводить атеистические вечера вопросов и ответов; широко использовать метод индивидуальной работы среди верующих; внедрять в быт новые традиции, «лишенные религиозного содержания и соответствующие принципам коммунистической морали», как то: день рождения ребенка, первый школьный день, прием в пионеры и в

ВЛКСМ, получение паспорта, окончание школы, совершеннолетие, заключение брака, трудовые юбилеи и др.²⁹

Для проведения систематической научно-атеистической работы с гражданами создавались народные университеты. К середине 1961 г. в республике работало 75 народных университетов с охватом слушателей 11150 чел. В работе университетов использовались различные формы: лекции, консультации, диспуты, устные журналы. Занятия иллюстрировались наглядными материалами: демонстрацией кинофильмов, диапозитивов и диафильмов, выставками. Занятия в университетах проводили преподаватели ВУЗов, техникумов и школ, специалисты сельского хозяйства, учителя и врачи. Среди недостатков в работе университетов ответственный секретарь Удмуртского отделения Общества Я.А. Кривицкий отмечал их незначительную сеть на предприятиях, в колхозах и совхозах, однообразие форм изложения материала, отсутствие квалифицированных лекторских кадров и материальной базы, что сказывалось на идейном и научном уровне занятий.³⁰

В марте – апреле 1961 г. состоялся семинар-совещание руководителей молодежных комиссий районных отделений Общества. Представитель Шарканского района лектор-атеист Князева привела примеры работы с верующими. Она заметила, что отсутствие церквей не означает, что в районе нет верующих. В Шарканском районе практиковалась индивидуальная работа с верующими, как с пожилыми людьми, стремящимися приобщить своих внуков к религии, так и со школьниками, носящими нательные кресты по желанию родителей. Проводилась в районе и отдельная работа с женщинами. Лекции здесь читали и на русском языке и на удмуртском, наряду с лекциями использовались чтения отдельных художественных произведений с антирелигиозными мотивами. Отсутствие красивого светского обряда бракосочетания привлекало молодежь венчаться в церкви. Это очень беспокоило местных пропагандистов. В качестве

решения проблемы ставилась задача добиться торжественного проведения нерелигиозных обрядов в районе.³¹

Но, несмотря на принимаемые Обществом меры, религиозная ситуация в районах республики продолжала оставаться относительно стабильной, а количество верующих не снижалось.

Для нового этапа политики партии по отношению к религии характерно нарастание требований к местным партийным и общественным организациям по коммунистическому воспитанию трудящихся. В 1958–1959 гг. КПСС была дана негативная оценка научно-атеистической пропаганде в стране, признана необходимость ограничения прав религиозных объединений и поставлена главная цель – преодоление религиозных пережитков в сознании людей. При этом основная работа по достижению поставленной цели отводилась Обществу по распространению политических и научных знаний РСФСР, которое должно было активизировать чтение лекций на антирелигиозные темы. Реализация решений КПСС партийными организациями осуществлялась через систему политического просвещения в виде политшкол, различных кружков, университетов марксизма-ленинизма.

2-й этап: Октябрь 1961 г. – октябрь 1964 г.

На XXII съезде партии (1961 г.) был принят важный документ – III-я Программа КПСС. Важная роль отводилась идеологической работе, причем на первое место ставилось коммунистическое воспитание советского народа. «Коммунистическое воспитание, – говорил в отчетном докладе съезду первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, – предполагает освобождение сознания от религиозных предрассудков и суеверий, которые все еще мешают отдельным советским людям полностью проявить свои творческие силы»³². Средством решения этой задачи должна была стать «продуманная и стройная система научно-атеистического воспитания, которая охватила бы все слои и группы населения, предотвращала распространение религиозных воззрений, особенно среди детей и подростков»³³.

На съезде был принят новый Устав КПСС, который закреплял обязанность каждого члена КПСС «вести решительную борьбу... с религиозными предрассудками...»³⁴. По существу XXII съезд партии дал импульс новому этапу антирелигиозного наступления.

После XXII съезда КПСС все парторганизации республики провели заседания, на которых были поставлены задачи пропаганды решений и материалов съезда, в т.ч. борьбы с религиозными предрассудками среди населения.³⁵ Основными методами антирелигиозной работы становились научно-атеистическая пропаганда среди населения и индивидуальная работа с верующими.

Наступательная деятельность в борьбе с религиозными верованиями не могла быть успешной без специальной литературы и поэтому к этой работе были подключены отделы культуры исполкомов рай (гор)советов, которым вменялась организация при библиотеках уголков атеистов и выставок литературы по научному атеизму.

Несмотря на обязанность коммунистов по Уставу вести решительную борьбу с религиозными пережитками, имелось много случаев проявления ими религиозности. В сельской местности религиозные обряды часто сопровождались пьянками. Коммунисты, позволявшие себе любое проявление религиозности, рассматривались парторганизациями как недостойные быть членами партии. Так, например, в январе 1960 г. решением Ижевского ГК КПСС член КПСС Петров, работник одного из Ижевских заводов, был исключен из партии за совершение религиозных обрядов. Данное решение было утверждено в феврале 1960 г. на заседании бюро Удмуртского ОК КПСС. Петров обвинялся в посещении церкви, наличии в доме икон, крещении четверых своих детей, соблюдении религиозных обрядов.³⁶ Та же участь в течение 1958–1964 гг. постигла еще 17 коммунистов.³⁷

Атеистическая работа со школьниками, как правило, организовывалась непосредственно в школе. Особый упор должен был делаться на

преподавании всех дисциплин с учетом атеистической направленности. Учителя также призывались к работе с верующими родителями учащихся. Школьные парторганизации определяли перечень необходимых мероприятий, включавший проведение вечеров вопросов и ответов, бесед по атеизму в классах, совершенствование преподавания с целью формирования у учащихся научно-материалистического мировоззрения, вступление в октябрята, пионеры и комсомол.³⁸

Ввиду важности идеологической работы в условиях «коммунистического строительства», в декабре 1961 г., после XXII съезда КПСС, состоялось Всесоюзное совещание работников партийных организаций, центральных и местных идеологических учреждений по вопросам идеологической работы. Основным докладом на совещании был сделан главным идеологом страны – секретарем ЦК КПСС Л.Ф. Ильичевым, в котором он коснулся и «борьбы с пережитками в сознании людей». В его докладе говорилось: «Формирование научного мировоззрения у трудящихся и воспитание их в духе коммунистической морали предполагает непримиримую борьбу с пережитками капитализма в сознании людей. Формирование коммунистического мировоззрения и морали невозможно без борьбы с религиозной идеологией».³⁹

Далее Л.Ф. Ильичев утверждал, что в результате проведения работы по атеистическому воспитанию советские люди в подавляющем большинстве стали сознательными атеистами, но последующие положения доклада утверждали обратное: «...религиозные пережитки...цепко держат многих трудящихся нашей страны... Все еще значительные слои населения, особенно в некоторых областях Украинской ССР, Молдавской ССР, в Рязанской, Ульяновской и других областях РСФСР, прибегают к таким религиозным обрядам, как крещение, венчание... Упорно держатся пережитки на селе».⁴⁰ В докладе указывались и причины религиозности населения: «Факты все еще широкого распространения религиозных предрассудков говорят прежде всего о слабости нашей научно-атеистической

работы, об ограниченности сферы ее действенности, примитивизме и формализме, которые мы нередко допускаем... Наши пропагандисты-атеисты до сих пор плохо изучают современные формы религий, не ведут убедительной критики тех аргументов религиозных проповедников, которыми они прежде всего и воздействуют на людей».⁴¹

Л.Ф. Ильичев констатировал, что «...церковники умело приспособляются к условиям... Зная о приверженности советских людей коммунистическим идеалам, они стремятся доказать «совместимость», даже «совпадение» этих идеалов с религиозным учением...».⁴² На XXII съезде КПСС была принята новая Программа партии, в которой был сформулирован моральный кодекс строителя коммунизма. Кодекс содержал этические и нравственные требования к каждому советскому человеку. Он был построен на принципах коллективизма и человеколюбия. Среди положений кодекса: любовь к социалистической Родине, гуманные отношения и взаимное уважение между людьми, честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни, непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству и др.⁴³ Докладчик умолчал, что «моральный кодекс строителя коммунизма» в значительной мере был заимствован из библейских заповедей.

Важной вехой в реализации антирелигиозной политики партии являются постановления ЦК КПСС от 6 июня 1962г. «О руководстве Минского обкома Коммунистической партии Белоруссии идеологической работой» и «О руководстве Куйбышевского обкома партии идеологической работой». На примере работы этих парторганизаций признавалось, что в целом идеологическая работа не отвечала решениям XXII съезда партии, в частности в пропаганде и агитации не всегда учитывались возрастные, национальные, образовательные и другие особенности. В антирелигиозной пропаганде недостатки этих парторганизаций состояли в следующем: «антирелигиозная пропаганда не затрагивает основной массы верующих, ведется бессистемно... многочисленные государственные, профсоюзные,

комсомольские и другие общественные организации, призванные под руководством партийных организаций вести идейно-воспитательную работу, действуют нередко разрозненно и бесконтрольно».⁴⁴

В качестве задач этим парторганизациям указывалось: «...настойчиво осуществлять научно-атеистическое воспитание всего населения, предотвращать распространение религиозных воззрений, особенно среди детей и молодежи. Обратить особое внимание на разоблачение антиобщественного характера деятельности изуверских религиозных сект, грубо попирающих советские законы, проповедующих отказ трудящихся от участия в общественной жизни и созидательном труде, оказывающих разлагающее влияние на детей и молодежь. Необходимо привлекать руководителей этих сект в соответствии с советскими законами к строгой ответственности за их антиобщественную деятельность и одновременно усиливать воспитательную работу среди честных советских граждан, попавших под влияние сект... Обязать обком и партийные организации лучше использовать такие сильные и массовые средства идейного влияния, как печать, кино, радио и телевидение...».⁴⁵

Вопросы усиления контроля за соблюдением законодательства о культах и улучшения атеистической работы были рассмотрены 23 октября 1962г. на пленуме Удмуртского ОК КПСС. Постановлением пленума горкомы, райкомы партии, Удмуртское отделение Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР обязывались регулярно проводить лекции и доклады по разным темам в каждом населенном пункте не реже 1 раза в месяц. Партийные органы разных уровней обязывались уделять особое внимание идейно-политическому воспитанию молодежи, вовлекать ее в активную трудовую и общественную жизнь, активизировать деятельность культурно-просветительских учреждений, агитпунктов, кинолекториев, повседневно разъяснять верующим антинаучный характер и вред религиозной идеологии, добиваться отхода от религии.⁴⁶

Во всех районных отделениях Общества были созданы научно-атеистические секции. В вечерних университетах марксизма-ленинизма гг.Ижевска, Воткинска и Сарапула открыты факультеты научного атеизма.⁴⁷

В 1962 г. для населения республики прочитано 5440 лекций на научно-атеистическую тематику.⁴⁸

В 1962 г. обозначилось новое направление в антирелигиозной кампании: ЦК КПСС сориентировал партийные, советские и общественные организации на борьбу с религиозными обычаями и традициями путем вытеснения последних новыми праздниками и ритуалами. Отныне акцент был сделан на популяризацию новых нерелигиозных обрядов. Начало положила Всесоюзная конференция по научно-атеистической пропаганде, проходившая в феврале 1962 г., на которой получило поддержку мнение, что «религиозные обычаи и традиции следует вытеснять новыми праздниками и ритуалами для удовлетворения эстетических и эмоциональных потребностей верующих».⁴⁹ Закрепило эту позицию в качестве обязательного направления в работе решение бюро ЦК КПСС по РСФСР от 25 августа 1962 г.⁵⁰

В УАССР активное внедрение советских гражданских обрядов среди трудящихся началось в 1963 г. и возлагалось в первую очередь на органы ЗАГС, культурные учреждения.

18-21 июня 1963 г. был проведен пленум ЦК КПСС, целиком посвященный задачам идеологической работы партии. На первый план ЦК партии выдвинул именно идеологическую составляющую, так как считал, что именно убеждение в правильности политики партии является залогом успеха. В соответствии с постановлением пленума одним из основных направлений было обозначено «преодоление пережитков прошлого в сознании и поведении советских людей». Пленум призвал «вести настойчивую борьбу против религиозных пережитков, шире развернуть научно-атеистическую работу»⁵¹. Общими задачами в идеологической сфере были определены следующие: организация пропаганды марксизма-ленинизма, для чего партийные комитеты должны были улучшить дело

подбора и воспитания кадров пропагандистов; для усиления качества лекционной пропаганды в обкомах, крайкомах, горкомах партии, парткомах требовалось иметь группы штатных лекторов, а также привлекать к этой работе членов Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР. Среди имевшихся недостатков в идеологической работе назывались стремление оценивать работу по количеству проведенных мероприятий, отсутствие дифференцированного подхода к разным национальным и возрастным группам населения, а также отсутствие постоянного идейного влияния на определенные группы трудящихся, неудовлетворительная работа в сельских районах.⁵²

Особенностью всех постановлений и решений съездов и пленумов ЦК партии по идеологическим проблемам является их обтекаемость, так как они определяли лишь направления деятельности всех партийных и советских органов, общественных организаций страны в той или иной сфере. Конкретных мер для достижения поставленных партией задач эти документы никогда не содержали. Считалось, что это компетенция исполнительных органов – Советов разных уровней и общественных организаций.

На пленумах парткомов районных производственных управлений Удмуртии обсуждались итоги июньского пленума ЦК КПСС 1963 г. и задачи районных парторганизаций по улучшению идеологической работы.⁵³ На этих пленумах констатировалось неудовлетворительное состояние идеологической работы, выражающееся в существовании в некоторых населенных пунктах действующих зарегистрированных и нелегальных религиозных объединений и, как следствие, бытование религиозной обрядности среди населения; сопровождение религиозных обрядов пьянством и прогулами; наличие икон в домах жителей, в том числе коммунистов и комсомольцев; незначительное количество прочитанных лекций на научно-атеистическую тематику; привлечение к религии

школьников и молодежи; слабое ведение индивидуальной работы с верующими.

В выступлениях на пленумах не было речи о дифференцированной работе агитаторов-атеистов с верующими разных конфессий и национальностей, что говорило об отсутствии таковой работы. Признавалось, что проводимая антирелигиозная пропаганда касается только атеистов и не имеет никакого влияния на верующих. В подтверждение этого факта на заседании пленума парткома Бalezинского производственного управления секретарь парткома Д.М. Акатьев в своем докладе привел высказывание муллы Падеринской мечети: «Тут все зависит от искусства умения привлечь людей и тот, кто повседневно работает с народом, к тому народ и идет. Вы обвините меня за то, что часть народа все еще тянется к мечети. Выходит, я лучше работаю с народом. Вот, вам, товарищи, весь секрет».⁵⁴

На пленумах некоторых парткомов (Бalezинского, Кизнерского, Сарапульского, Можгинского) признавалась значительно более активная работа служителей культов, которые выписывают и читают газеты, информированы о политической ситуации в стране, читают проповеди в значительно большем количестве, чем пропагандисты и лекторы парткомов.

В частности, в с.Короленко Кизнерского района сельской интеллигенцией за год было прочитано 5 лекций на антирелигиозные темы, в то время как сельский священник за то же время прочитал 60 проповедей.⁵⁵ Подобная обстановка существовала и в некоторых других населенных пунктах (с.Новогорское Кизнерского района⁵⁶, с. Балаки Сарапульского района⁵⁷).

На пленумах давалась характеристика религиозной ситуации и научно-атеистической пропаганды в районе. Приводились факты совершения религиозных обрядов коммунистами, сохранения ими религиозных атрибутов в своих квартирах. Например, в 26 из 34 домов коммунистов колхоза «Авангард» Увинского района имелись иконы.⁵⁸

Местные парторганизации обязывались проводить «боевую, наступательную, действенную»⁵⁹ атеистическую работу с целью сокращения числа верующих. В докладе зам. секретаря парткома Можгинского производственного колхозно-совхозного управления И.Н. Никифорова на пленуме парткома прозвучало напоминание о том, что для коммуниста мало самому не верить в Бога, его цель – быть воинствующим атеистом, вести активную борьбу против религии, которая была закреплена в 1961 г. в Уставе КПСС.⁶⁰

В борьбе партии с религией существенно важным было заседание идеологической комиссии ЦК КПСС по вопросу о формировании научного мировоззрения и атеистического воспитания трудящихся, проходившее 25–26 ноября 1963 г.⁶¹ На заседании с основным докладом выступил секретарь ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев. В его докладе говорилось о современном состоянии атеистической работы и путях преодоления религиозных пережитков. Он говорил, что «главным содержанием работы по атеистическому воспитанию должно быть разоблачение антинаучного и антикоммунистического характера религиозной идеологии»⁶². Тем самым утверждалось, что всякая религиозная идеология является враждебной советскому государству. И далее: «Необходимо развернуть широкое наступление против религиозной идеологии, против всех пережитков прошлого в сознании людей. Путь к успеху – в систематической и разнообразной по формам идеологической работе, построенной с учетом особенностей различных групп населения, охватывающей все стороны жизни людей».⁶³ Особая роль партией отводилась врачам и учителям, как лучше всех представителей других профессий знающих личную жизнь трудящихся, верующих, в частности. Л.Ф. Ильичев сделал акцент на необходимости реального сокращения числа верующих, а не простого снятия с регистрации религиозных общин. Он даже высказал мысль о гипотетической возможной регистрации всех религиозных групп, имеющих на это право, и одновременно принятии более строгих мер против запрещенных законом

сект.⁶⁴ Но высказанная мысль не нашла выражения в постановлениях правительства и партии в последующие годы.

На этом же совещании Л.Ф. Ильичев поставил под сомнение необходимость дальнейшего существования двух параллельных правительственных органов – Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Одной из причин в пользу объединения называлась несогласованность действий Советов и их уполномоченных, когда в условиях широкой практики закрытия православных церквей, усиливалась работа неправославных групп, в частности баптистских, под влияние которых попадали верующие после закрытия церквей, становясь уже объектами «заботы» другого Совета. Л.Ф. Ильичев утверждал, что появление новых групп сектантов оказывалось неожиданным для работников Совета по делам религиозных культов.

В данной ситуации следует иметь в виду, что в Удмуртии функции уполномоченных обоих Советов были возложены на одного работника еще в 1957 г.⁶⁵ В этих условиях ни о какой несогласованности действий уполномоченных в Удмуртии речь не шла. Данный факт скорее позволял местному уполномоченному сконцентрировать в своих руках рычаги управления, владеть информацией о религиозной ситуации в республике в целом, но при этом выполнять распоряжения обоих Советов.

Идеологическая комиссия наметила обширные «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения», оформленные 2 января 1964г. как постановление ЦК КПСС. Эти мероприятия стали «государственным планом преодоления религиозного сознания масс».⁶⁶ В соответствии с этим постановлением: 1) в Академии общественных наук при ЦК КПСС создавался Институт научного атеизма, который должен был руководить всей научной работой в области атеизма, готовить кадры высшей квалификации, организовывать комплексную разработку актуальных проблем научного атеизма, выпускать сборник «Вопросы научного атеизма» и пр.; 2) с нового учебного 1964 года на исторических и философских

факультетах ВУЗов вводилась специализация студентов по научному атеизму, в ряде университетов и пединститутов создавались соответствующие кафедры; 3) вводилось обязательное преподавание курса «Основы научного атеизма» в университетах, медицинских, сельскохозяйственных и педагогических ВУЗах, в остальных ВУЗах – факультативно; 4) усиливалась антирелигиозная направленность школьных программ, особенно обществоведения; 5) активизировалась работа по изданию атеистической литературы; 6) ставились задачи более активного внедрения в быт советских людей безрелигиозных праздников и ритуалов, путем строительства Дворцов счастья, создания торжественной обстановки при проведении регистрации новорожденного, получении паспорта, бракосочетании и др.; 7) должна была активизироваться работа комиссий по контролю за соблюдением законодательства о культах при рай(гор) исполкомах Советов депутатов трудящихся.⁶⁷

Документ имел характер организации тотального наступления партии и государства на религию. В статье Л.Ф. Ильичева, опубликованной в журнале «Коммунист» ставилась задача через 12–17 лет полностью освободить сознание советских людей от религиозных предрассудков.⁶⁸

Постановление ЦК КПСС в Удмуртии обсуждалось в местных парторганизациях, которые одобрили спланированные мероприятия по усилению атеистического воспитания населения. Среди прочих мер требовалось создать при каждой парторганизации специальный орган или выделить ответственного за координацию работы по атеистическому воспитанию населения, увеличить количество кружков и семинаров по изучению основ научного атеизма, разработать районным отделениям Общества «Знание» лекции на атеистические темы, систематически публиковать в районных газетах и местных радио и телепередачах материалы по разоблачению религиозной идеологии, учесть всех верующих в населенных пунктах и вести с ними разъяснительную работу, активнее внедрять в быт советских людей безрелигиозные обряды и праздники, вести

атеистическое воспитание школьников, используя внеклассную и внешкольную работу.

В 1964 г. партийные организации стали рекомендовать исполкомам Советов, районным(городским) отделениям Общества «Знание», учреждениям образования и здравоохранения более действенные формы работы с разными социальными группами населения.

Несмотря на многочисленные постановления и решения парторганизаций качество работы в районах республики по пропаганде атеистических знаний изменялось медленно. Так, например, состояние атеистического воспитания в колхозе «Родина» Кизнерского района обсуждалось на заседании парткома колхоза, но оказалось формальным, так как никаких реальных действий со стороны парткома принято не было. В то же время отсутствовал контроль за выполнением коммунистами требований Устава о борьбе с религиозными пережитками, показателем чего явилось наличие икон в домах у 47 коммунистов из 58. За 5 месяцев 1964 г. лекторская группа из 26 человек прочитала только 6 лекций на атеистические темы.⁶⁹ Эти и некоторые другие факты говорили о невыполнении парткомом колхоза ряда пунктов постановления по вопросу об усилении атеистического воспитания населения района, принятого парткомом Кизнерского производственного колхозно-совхозного управления в феврале 1964 г.⁷⁰ и поэтому секретарю парткома колхоза «Родина» был объявлен выговор.

Недостатками работы парторганизаций всех районов республики считалось сохранение деятельности религиозных объединений, большого количества верующих, соблюдающих религиозные обряды и праздники, в т.ч. коммунистами и комсомольцами, сохранения ими икон в домах, слабое внедрение безрелигиозных обрядов. Все это свидетельствовало о формализме в работе и заведомо невыполнимой задаче.

Народные университеты пытались активизировать антирелигиозную работу. В Ижевске в клубе «Строитель» Ленинского района в конце 1962 г. начал свою работу университет научного атеизма. В афише среди тем,

предполагавшихся к обсуждению, назывались отношение КПСС к религии и церкви; Программа КПСС о преодолении религиозных пережитков; научная критика Бога; реакционная сущность современного православия и сектантства; происхождение религиозных пережитков и их вред; выдающиеся достижения советской науки и техники в освоении космоса и их атеистическое значение.⁷¹

В этом же клубе с сентября 1963 г. работал университет педагогических знаний для родителей, в учебный план которого был включен устный журнал «Атеистическое воспитание детей в семье».⁷²

Отмечались в работе Общества и недостатки. В Кезском районе в Кулигинской первичной организации Общества «Знание», обслуживавшей два колхоза секция атеистов не была создана вообще. Отсутствовала система в чтении лекций. Читаемые лекции никто не рецензировал. Индивидуальная работа с верующими не велась.⁷³

Особое внимание в деле преодоления религиозных пережитков отводилось индивидуальной работе с верующими. Партийные установки, а также практика проведения индивидуальной работы свидетельствовали, что эта работа должна проводиться корректно и не оскорблять чувства верующих, иначе она будет иметь обратный эффект. Работа строилась по-разному. В некоторых парткомах создавались научно-атеистические секции, активисты которых сначала выявляли и изучали верующих, а затем приступали к индивидуальной работе с ними по месту жительства и работы. Во многих школах организовывались кружки, в которые привлекались и дети из верующих семей. При горкомах КПСС создавались школы атеистов, слушатели которых вели индивидуальную работу с верующими.

В одной из деревень Ижевского района в результате проведения индивидуальной работы с верующими было отвлечено от религиозной общины 25 человек из 32.⁷⁴ В г. Можге индивидуальная работа с некоторыми верующими привела к их уходу из религиозных групп⁷⁵. Но такие результаты не были массовыми, а являлись скорее исключением. Редко где подобная

работа была организована. Например, в колхозе «Родина» Балезинского района индивидуальная работа с верующими подменялась лекциями по радио, в клубах, которые, как правило, верующие не посещали, радио не слушали.⁷⁶ Нередко некоторые руководители коллективов старались просто избавиться от верующих, опасаясь, с одной стороны, их влияния на других членов коллектива, а с другой, не хотели прослыть организацией, где работают верующие.

Одной из проблем в атеистической работе было слабое внедрение в быт безрелигиозных ритуалов. Проводившиеся же ритуалы были однообразны и формальны, при этом на селе они проводились только на центральных усадьбах колхозов. Вместе с тем партийные и государственные органы распространяли положительный, по их оценке, опыт атеистической работы. Так, например, в колхозе «Мир» Ижевского района работал кружок атеистов, члены которого читали лекции на антирелигиозные темы: «Происхождение христианства и его сущность», «Религия – враг науки», «Борьба с религиозными предрассудками». В Балезинском районе, благодаря совместной работе парткома и комитета ВЛКСМ в ноябре 1963 г. состоялась первая молодежная свадьба в Каменно-Задельском клубе.⁷⁷ В этом же районе в 1963 г. в большинстве колхозов в православный праздник Троицы в целях отвлечения тружеников от исполнения обрядов был проведен «День колхозника». На празднике были организованы игры, танцы, работали аттракционы.⁷⁸ В Увинском колхозно-совхозном управлении партком и комитет комсомола в 1963-1964 гг. рассылали методические разработки проведения советских праздников. В итоге в 14 колхозах, а также в селах Сюмси, Селты, Нылга состоялся праздник русской зимы. Проводились и комсомольские свадьбы в совхозе «Поршурский», колхозе им. XX партсъезда, организовывались проводы в ряды Советской Армии.⁷⁹ В колхозе «Родина» Балезинского района практиковалось проведение вечеров вопросов и ответов, вечеров с демонстрацией химических опытов, начала работу комиссия по организации и внедрению гражданских праздников и обрядов.⁸⁰

Парткомом Балезинского производственного управления была создана школа лекторов-атеистов. При Архангельской и Новоселовской 8-летних школах этого же района работали семинары научного атеизма.⁸¹ В колхозе «Путь к коммунизму», где была Каменно-Задельская церковь, открылась библиотека с «Уголком атеиста».⁸² Результатом антирелигиозной работы в Балезинском районе стало сокращение религиозных обрядов в Каменно-Задельской церкви. В 1963 г. в этом храме было совершено 100 крещений против 280 в 1962 г., за 7 мес. 1964 г. было крещено только 2 человека (из г.Глазова и Кезского района), в 1963 г. и 7 мес. 1964 г. не было ни одного случая венчания.⁸³

В 1964 г. работал кружок по научному атеизму для родителей учащихся ижевской школы № 65, занятия в котором проходили с регулярностью два раза в месяц и охватывали 300-400 родителей. В г.Глазове работал кино-лекторий, при Воткинском горкоме КПСС – филиал факультета атеизма университета марксизма-ленинизма.⁸⁴

Несмотря на активизацию атеистической работы партийных, советских и общественных организаций число религиозных обрядов сокращалось медленно. Так, по сравнению с 1963 г., в целом по республике сократилось число венчаний на 0,6 % к числу зарегистрированных, на 1,3 % – число захороненных по церковным обрядам православной церкви. Количество же крещений, напротив, увеличилось на 3,2 %.⁸⁵

Сами же парторганизации отмечали, что не все коммунисты выписывали журналы и газеты, не во всех библиотеках, отделениях Общества были журналы антирелигиозной направленности, а служители культов зачастую выписывали несколько газет и журналов, порой лучше разбирались в современной внутренней и международной обстановке, чем пропагандисты, агитаторы и лекторы.

Особняком в системе власти был уполномоченный Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР по УАССР, числившийся в аппарате СМ УАССР, но подчинявшийся Советам по делам РПЦ или

религиозных культов при СМ СССР. Роль Удмуртского обкома КПСС в руководстве работой уполномоченного сводилась к получению отчетов, информации и устным указаниям. Уполномоченный информировал исполкомы городских и районных Советов с разрешения обкома КПСС. Иногда уполномоченный обращался в обком с целью указать какому-либо райкому партии на неправильно поставленную атеистическую работу. Так, например, 26 июня 1962г., по представлению уполномоченного было принято постановление Удмуртского ОК КПСС «О серьезных ошибках в антирелигиозной работе Бalezинского райкома КПСС».⁸⁶ Дело в том, что по предложению райкома КПСС в апреле-мае 1962г. в 24 населенных пунктах района директорами и учителями школ были проведены собрания родителей и сходы граждан по вопросу закрытия церкви в с. Каменное Заделье. Тогда собрания и сходы были проведены без специальной подготовки населения и вызвали не спад деятельности религиозного общества, а, напротив, усиление его активности, а также озлобление значительной части верующих. По рекомендации уполномоченного обком КПСС указал Бalezинскому РК КПСС на ошибочность его приемов и методов борьбы с религией, на необходимость улучшения антирелигиозной пропаганды среди верующих.

Уполномоченный также подготовил материалы для доклада секретаря Удмуртского обкома КПСС на пленуме (23 октября 1962 г.) об идеологической работе в республике.

В мае 1962 г., мае и сентябре 1963 г. на заседаниях бюро и секретариата Удмуртского ОК КПСС обсуждались информационные записки уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР Д. Шестакова «О политических настроениях служителей религиозного культа и о некоторых сторонах религиозной обстановки в УАССР», «О контроле за выполнением законодательства о культах и некоторых сторонах религиозной обрядности в Удмуртской АССР»⁸⁷, «О приобщении детей школьного возраста к церковной обрядности». Все три записки решениями обкома КПСС были направлены горкомам и райкомам КПСС, исполкомам районных и

городских Советов депутатов трудящихся для сведения и принятия соответствующих мер.

В первой записке уполномоченный Д.М. Шестаков указывал на стремление духовенства внушить верующим тождественность целей религии и коммунизма, сообщал о числе действующих религиозных культов, высокой посещаемости верующими молитвенных собраний, о значительном количестве совершаемых в республике религиозных обрядов, нарушении служителями культов советского законодательства о культах. Уполномоченный считал, что данная обстановка требовала дальнейшего улучшения научно-атеистической пропаганды среди населения, усиления контроля за выполнением советского законодательства о культах.⁸⁸

Во второй записке была отмечена недостаточная работа гор(рай)комов партии по организации научно-атеистической пропаганды и слабое внедрение советской гражданской обрядности. В очередной раз были поставлены задачи улучшения контроля за выполнением законодательства о культах, наблюдения за деятельностью исполнительных органов религиозных обществ и введение в них желательных людей, в то же время не допускать оскорбления чувств верующих и администрирования.⁸⁹

В третьей записке речь шла о крещении детей, причастии и исповеди их по настоянию родителей, посещении детьми церковных служб. Приводились примеры: в 1962 г. в православных церквях УАССР было крещено 7916 детей, за первое полугодие 1963 г. – 3850 младенцев.⁹⁰ В дни религиозных праздников церковные службы в церквях Ижевска, Сарапула, в селах Новогорское и Короленко Кизнерского района, Можга Можгинского района, Перевозное Воткинского района посещали 20-30 детей школьного возраста и подростков.⁹¹

Причину привлечения детей к религиозной обрядности уполномоченный видел в отсутствии антирелигиозного воспитания в школе и слабого внедрения в быт трудящихся советской гражданской обрядности.

По итогам рассмотрения записки уполномоченного «О приобщении детей школьного возраста к церковной обрядности» Удмуртский ОК КПСС постановил обязать горкомы и райкомы КПСС, парткомы производственных колхозно-совхозных управлений и промышленных зон, Министерство просвещения УАССР, обком ВЛКСМ усилить атеистическое воспитание учащихся; предложить горкомам и райкомам партии, парткомам производственных колхозно-совхозных управлений и промышленных зон, республиканскому отделению Общества «Знание» создать городские, районные школы атеистов для использования их слушателей для индивидуальной работы среди верующих; обязать редакции республиканских и местные газет, Комитет по радиовещанию и телевидению при СМ УАССР систематически публиковать материалы и организовывать радио-телепередачи на атеистические темы.⁹²

По результатам изучения религиозной обстановки на местах или проверки выполнения местным Советом того или иного постановления СМ УАССР уполномоченный информировал райком (горком) КПСС и исполком райсовета (горсовета). Эти обзоры содержали и рекомендации и Совету и парткому. Комитеты партии формально признавали замечания и предложения, изложенные в информации, правильными и намечали перечень мероприятий, давая поручения первичным парторганизациям, исполкому, сельсоветам, районному отделению Общества «Знание», редакциям газет. Примером тому может служить постановление Вавожского РК КПСС от 18 марта 1961 г., принятое по итогам рассмотрения письма уполномоченного «О церковной обстановке в Вавожском районе»⁹³.

Наиболее значимые постановления СМ УАССР в религиозной политике утверждались обкомом КПСС. Среди них были проект постановления СМ УАССР от 13 мая 1961 г «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах»⁹⁴, в котором излагались конкретные мероприятия в деятельности местных Советов депутатов трудящихся в этой области (одобрен 9 мая 1961 г.), проект постановления

СМ УАССР от 24 ноября 1960г. «О нарушениях правящим архиепископом Ижевско-Удмуртской епархии советского законодательства о культурах. Об упразднении в Удмуртской АССР епархиального управления»⁹⁵, проект постановления СМ УАССР от 9 декабря 1961 г. «Об итогах проведения единовременного учета религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находящегося в пользовании церковных органов в Удмуртской АССР».⁹⁶

Второй этап политики Коммунистической партии в отношении религиозных объединений и верующих характеризовался совершенствованием научно-атеистической пропаганды среди разных социальных слоев населения, что было обусловлено задачей построения коммунистического общества к 1980 г. В этот период были приняты жесткие партийные установки, состоялся пленум ЦК КПСС, посвященный идеологическим вопросам и заседание идеологической комиссии ЦК КПСС, что свидетельствовало о важности данного вопроса для партии. С конца 1961 г. усилилось внимание власти к молодежи и детям, предъявлено требование к коммунистам принимать активное участие в борьбе с религиозными пережитками. Активно в это время внедряется практика индивидуальной работы с верующими, опробованная некоторыми организациями еще на предыдущем этапе, появляется новое направление-внедрение безрелигиозных обрядов. В решениях партии появились специальные пункты, посвященные работе против сектантских организаций. По сравнению с предыдущим периодом существенно улучшилась научно-атеистическая работа, в т.ч. в системе политического просвещения. Новым явлением стало введение в ВУЗах специального курса «Основы научного атеизма» и создание специальных кафедр, активизировалась работа по подготовке и изданию атеистической литературы, в т.ч. лекций Общества «Знание».

Период активизации наступления партии на религию характеризовался постепенным углублением и конкретизацией задач, форм и методов работы

по преодолению религиозности населения. В Удмуртии реализация партийных установок осуществлялась через местные партийные, советские органы, общественные организации. Партийные организации, выполняя решения вышестоящих органов, руководили антирелигиозной работой всех учреждений республики, концентрируясь на научно-атеистической пропаганде и антирелигиозном воспитании. Парторганизации ставили перед советскими органами, образовательными учреждениями и общественными организациями практические задачи. Своеобразны были взаимоотношения между партийными организациями и уполномоченными Советов по делам РПЦ и религиозных культов при ЦМ СССР по УАССР. В руках уполномоченных была сосредоточена информация о религиозной ситуации в республике, которую он получал в т.ч. с помощью местных советских органов. Именно уполномоченный отслеживал правильность реализации законодательства о религиозных культах в Удмуртии, получая своевременные рекомендации из центра по уточнению осуществления этой политики, и на основе их корректировал работу как советских, так и партийных органов в республике. Важнейшие решения по осуществлению государственной политики в сфере религии он согласовывал с Удмуртским обкомом партии, совместно с республиканским и городскими (районными) комитетами КПСС разрабатывал мероприятия по ограничению деятельности церковнослужителей, по самоликвидации церковных обществ и групп. Одновременно уполномоченный не имел права самостоятельно вмешиваться в деятельность партийных органов по осуществлению научно-атеистической пропаганды и политического воспитания граждан.

Особенностью политики партии по преодолению религиозности населения в рассматриваемый период была установка на проведение систематической, грамотной научно-атеистической пропаганды среди разных социальных групп, исключая оскорбление чувств верующих. И все же, антирелигиозная работа оказалась неэффективной из-за формализма в проведении этой работы, некачественной подготовки атеистов-

пропагандистов, отсутствия специалистов, владевших удмуртским и татарским языками, отсутствия достойной замены религиозным обрядам.

В сравнении с периодом борьбы с религией в 1930-е годы, отличавшемся агрессивностью и нетерпимым отношением, связанными с принятием общего курса на свертывание нэпа, насильственную коллективизацию, обострением классовой борьбы в городе и деревне, когда церковь и религия воспринимались как инструмент эксплуататорских классов, атрибут старой власти, период конца 1950-х – середины 1960-х гг. качественно отличался в сторону более лояльного отношения как к самой церкви, так и к верующим.

2.2. Деятельность советских органов власти по реализации религиозной политики КПСС и государства

Обсуждение постановления ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 4 октября 1958 г. было вынесено на Всесоюзные совещания уполномоченных Совета по делам религиозных культов в ноябре 1958 г. и Совета по делам РПЦ в январе 1959 г. В докладах председателя Совета по делам религиозных культов А.А.Пузина и члена Совета по делам РПЦ И.И. Сивенкова складывавшиеся с 1943 г. государственно-конфессиональные отношения объявлялись деформацией «церковной политики» государства. Особо подчеркивалось, что вместо того, чтобы добиваться всемерного ограничения деятельности религиозных организаций, способствовать сокращению религиозной сети, Советы шли на уступки религиозным организациям. Результатом совещаний стала формулировка конкретных задач, направленных на ограничение деятельности церкви.

В 1960 г. сменилось руководство Советом по делам РПЦ. 21 февраля Г.Карпов был отправлен на пенсию, а председателем Совета был назначен

партийный функционер, в прошлом идеологический работник В.А. Куроедов. На первой встрече с патриархом он заявил, что «нет никаких оснований для изменения политики по отношению к церкви и религии»⁹⁷ и в заключение сказал, что нормальные отношения между церковью и государством, в том числе между председателем Совета и патриархом, возможны лишь на основе строжайшего соблюдения законодательства о культурах. На всесоюзном совещании уполномоченных Совета В. Куроедов выступил с критикой в адрес самого Совета, вменяя ему в вину непоследовательное проведение линии политики партии и правительства по отношению к церкви, защиту церкви вместо борьбы с нарушениями законодательства о культурах, сохранении устаревших методов работы. Он также обратил внимание на неверное отношение Совета и уполномоченных к актам благотворительности, проводимых церковью: «... она (благотворительность – М.М.) является сильным рычагом укрепления церкви и расширения ее влияния. Дело в том, что церковь путем разных подачек отравляет сознание отдельных слоев трудящихся, воспитывает у них этим симпатию к себе, привлекает их в свое лоно. Поэтому, строго говоря, благотворительность есть ни что иное, как попытка покушения церкви на свободу совести советского гражданина, а это есть нарушение нашей конституции. Я уже не говорю о том, что подобные подачки унижают достоинство советских людей...»⁹⁸

В докладе В. Куроедова было зафиксировано важное изменение в функциях Совета по делам РПЦ, который с этих пор должен был представлять инструктивные письма, предназначенные уполномоченным, на рассмотрение комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных отношений. Тем самым непосредственный контроль за деятельностью Совета, за точным выполнением им партийных указаний возлагался на ЦК КПСС.

Основная мысль доклада В. Куроедова заключалась в следующем: «Совету надо освободиться от неправильного стиля в своей деятельности,

четко понять новые задачи в области борьбы с религией на современном этапе коммунистического строительства...»⁹⁹.

Деятельность уполномоченных в Удмуртии, как и по всей стране, строилась в соответствии с решениями ЦК КПСС, постановлениями Совета Министров СССР, указаниями Совета по делам религиозных культов.

Первым уполномоченным Совета по делам РПЦ по УАССР стал Родин Михаил Андреевич, который приступил к своим обязанностям в феврале 1944г.¹⁰⁰ После него эту должность занимали: Мошкин Николай Алексеевич (1949–1953 гг.), Халевин Аркадий Александрович (1953–1957 гг.).

На запрос председателя Совета по делам религиозных культов при СНК СССР И.В. Полянского о целесообразности организации при СНК УАССР аппарата уполномоченного Совета по делам религиозных культов заместителем председателя СНК УАССР А.В.Соловьевым в июле 1944 г. был дан положительный ответ.¹⁰¹ Первым уполномоченным в республике, назначенным СНК УАССР в феврале 1945 г. по согласованию с Удмуртским обкомом ВКП(б), был Васильев Иван Иванович¹⁰² (1945–1957 гг.).

После него эту должность занимали уполномоченные Советов по делам РПЦ и религиозных культов: Халевин Аркадий Александрович (1957–1959 гг.)¹⁰³, Шестаков Демьян Макарович (1959–1964 гг.)¹⁰⁴, Зубарев Степан Парфенович (1964–1966 гг.), в 1966–1974 гг. – уполномоченный Совета по делам религий.¹⁰⁵

Местной особенностью был тот факт, что с 1957 г.¹⁰⁶ по рекомендации Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР от 29 марта 1957 г.¹⁰⁷ функции уполномоченных обоих Советов были возложены на одного работника по причине «небольшого объема работы в Удмуртской АССР для уполномоченных».¹⁰⁸

Уполномоченные Советов по делам РПЦ и религиозных культов при Совете Министров СССР по УАССР осуществляли государственную политику в отношении религиозных объединений, духовенства и верующих на республиканском уровне. Этот орган координировал работу советских и

партийных органов по вопросам взаимоотношений государства, верующих и религиозных объединений; был центром по сбору данных о положении религиозных культов и анализу религиозной ситуации.

Немаловажное значение играл и личностный фактор, от которого зависели содержательность отчетов уполномоченных, глубина и методы изучения религиозных объединений, особенность взаимоотношений с религиозными объединениями и, как следствие, степень реализации государственно-конфессиональной политики государства в республике.

Все уполномоченные, работавшие в 1958-1964 гг. (А.А. Халевин, Д.М.Шестаков, С.П. Зубарев), были назначены на эту должность в предпенсионном возрасте – 51–54 лет, и имели большой опыт работы в сфере образования и в партийных организациях. Все они были уроженцами Вятской губернии, имели высшее историческое образование и более 20 лет партийного стажа (23–28 лет). Наибольший опыт работы в партийных органах имел Шестаков Д.М., который в годы Великой Отечественной войны был политработником на фронте, после войны работал секретарем РК и ГК ВКП(б) в Кировской области и Удмуртской АССР, инструктором в аппарате уполномоченного ЦК ВКП(б) по Узбекской ССР, единственный из всех уполномоченных учился на курсах переподготовки партработников. У другого уполномоченного-Зубарева С.П. имелся опыт работы в отделе пропаганды и агитации Удмуртского ОК КПСС. Все эти факты биографии сыграли важное значение в работе уполномоченных и отразились на качестве информационных документов в Советы по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР.

Правовое и хозяйственное положение религиозных обществ

В течение исследуемого периода жители некоторых населенных пунктов республики изъявляли желание открыть церкви. С этой целью группы людей обращались или к уполномоченному, или прямо в СМ УАССР, Советы по делам РПЦ и религиозных культов, СМ СССР, ЦК КПСС. Но в любом случае заявление направлялось для рассмотрения по

месту жительства ходатаев – уполномоченному Совету по делам РПЦ или религиозных культов.

В 1958 г. поступило 10 заявлений об открытии церквей в 7 населенных пунктах: с. Колесниково, с. Сюмси, пос. Кизнер, с. Ильинское, с. Вавож, с. Узи, с. Старые Зятцы¹⁰⁹. Ходатайства на открытие церквей в с. Колесниково и с. Ильинское были недооформлены, потому СМ УАССР не рассматривались. По двум другим – об открытии церквей в с. Вавож, с. Узи – СМ УАССР отказал в открытии по рекомендации уполномоченного Совета по делам РПЦ, в связи с наличием в районах действующих церквей, а по заявлению граждан из с. Узи Старо-Зятцинского района, еще и в связи с малочисленностью заявителей (66 подписей членов колхоза «Красная звезда»)¹¹⁰. Верующим с. Узи предлагалось ездить за 10–15 км. в церковь с. Удугучин.

По сведениям уполномоченного инициаторами обращений являлись бывшие церковные старосты и «монашки», непременно преследующие «корыстные цели». Однако в поддержку заявлений об открытии храмов подписывались рядовые колхозники, служащие и рабочие, в т.ч. и молодые люди до 37 лет.

Община мусульман г. Сарапула добивалась регистрации и разрешения на приобретение молитвенного дома с 1956 г. На очередное заявление, поступившее через Совет по делам религиозных культов при СМ СССР в декабре 1958 г., 28 мая 1959 г. последовало постановление СМ УАССР, в очередной раз (после постановления 2 августа 1956 № 327) отказывавшее в регистрации по причине отсутствия молитвенного дома или мечети и духовного руководителя – муллы¹¹¹.

Не один год добивалась регистрации религиозного общества группа мусульман г. Можги. 7 декабря 1958 г. вопрос о регистрации этого общества рассматривался Советом по делам религиозных культов, который своим постановлением разрешил уполномоченному зарегистрировать означенное общество. Однако уполномоченный отказал в регистрации по причине

несоответствия арендуемого верующими помещения санитарным и противопожарным нормам.¹¹²

Просили в 1958 г. об открытии церкви и старообрядцы белокрыницкого согласия г. Сарапула, но по рекомендации уполномоченного им было в этом отказано по причине того, что в 1940-е гг. они сами отказались от церкви в связи с отсутствием средств на ее содержание.¹¹³

В том же году просили о регистрации религиозного общества и верующие ЕХБ г. Сарапула. СМ УАССР не рассматривал их заявление из-за раскола группы и отсутствия общепризнанного руководителя.¹¹⁴

В начале 1959 г. община ЕХБ все же оформилась в г. Сарапуле и пожелала зарегистрироваться, однако СМ УАССР отказал ей в этом, ввиду незначительного количества верующих – 100 чел., большинство из которых желало влиться в общину г. Ижевска, а также из-за отсутствия молитвенного дома, отвечающего санитарным и противопожарным требованиям и пресвитера (приглашенный для руководства Широков Е.И. не мог быть зарегистрирован из-за отсутствия прописки в г. Сарапуле¹¹⁵).

В 1959–1964 гг. по информационным отчетам уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по УАССР в Совет со стороны православных общин не подавалось заявлений о регистрации новых обществ и открытии церквей. Но в 1960 г. уполномоченный Д.М. Шестаков в связи с поступлением заявления об открытии церкви в с. Кулюшево обращался в Каракулинский РК КПСС с просьбой, чтобы исполком райсовета передал церковное здание в с. Кулюшево колхозу с целью лишения верующих основания для ходатайства об открытии церкви.¹¹⁶

Отсутствие заявлений об открытии культовых зданий и регистрации религиозных обществ в Удмуртии объясняется заведомой бесплодностью обращений верующих и активизацией партийных и советских органов по разложению нелегально действующих религиозных групп. В то же время расхождение сведений в документах, направляемых в Совет и на места, может свидетельствовать о том, что в Москву отправлялась информация не в

полном объеме, что, скорее всего, говорит о желании уполномоченного не показывать реальную ситуацию в республике и стремлении решить ряд вопросов самостоятельно.

Первым религиозным обществом, снятым с регистрации в этот период, стало общество РПЦ с. Сада Ярского района (1959). (См. таблицу 5). Здание Вознесенской церкви было передано Садинскому детскому дому под складское помещение и электростанцию¹¹⁷. Причиной расторжения договора с религиозной общиной на пользование зданием церкви послужил ее отказ отремонтировать здание, ввиду отсутствия средств.¹¹⁸ Закрытие данного прихода было безболезненным для епархии, так как на протяжении нескольких лет церковь посещало мало верующих и не все благополучно было с назначенными священнослужителями. Со стороны уполномоченного Совета по делам РПЦ были предприняты действия против возможного ремонта здания церкви. Он рекомендовал председателю исполкома Ярского райсовета Ю.Г.Симанову разъяснить ситуацию председателю колхоза и уклониться от выполнения договора между правлением колхозом «Сада» и церковным советом на поставку деревянных реек для постройки церковной изгороди, а также «отвести стремления церковного совета и священника от проведения намечаемого ими ремонта здания церкви»¹¹⁹. Жалоб и просьб со стороны верующих не последовало. Им было рекомендовано удовлетворять свои религиозные потребности в церкви пос. Фаленки Кировской области¹²⁰, находящегося на расстоянии 18 км.

В 1960 г. было снято с регистрации православное религиозное общество в с. Полько Кизнерского района, а здание церкви передано для использования под детский сад или школу.¹²¹ После единовременного учета 1961 г. были сняты с регистрации еще 4 религиозных общества: Спасской церкви с. Данилово Киясовского района (1962 г.)¹²², Георгиевской церкви г. Глазова (1962 г.)¹²³, церкви в с. Сов. Никольское Ижевского района (1962 г.)¹²⁴, Георгиевской церкви г. Сарапула (1963 г.)¹²⁵.

К постановлениям республиканского правительства о снятии с регистрации были приложены заключения уполномоченных по Удмуртии, чаще всего составленные на основе решений исполкомов, в которых были более подробно освещены причины закрытия религиозного общества.

Для разложения религиозных общин уполномоченный применял особую тактику. В 1959 г. уполномоченный в отчете в Совет по делам религиозных культов сообщал, что он «тактическим способом влияет на усиление вражды» между двумя группами в общине ЕХБ г. Ижевска и тем самым способствует организационному ослаблению деятельности руководящего ядра общины.¹²⁶

Особая ситуация сложилась при закрытии Георгиевской церкви в г. Глазове. Она располагалась в районе планируемой застройки жилыми домами и данный факт был использован местным исполкомом с помощью уполномоченного Д.М. Шестакова. В 1964 г. секретарь исполкома Глазовского горсовета Булдаков А.С. в информации «О деятельности комиссий по контролю за соблюдением законодательства о культах» подробно описал меры, которые были приняты исполкомом в предыдущие годы для ликвидации религиозного общества и сноса здания церкви. Сначала был ослаблен церковный совет путем удаления двух неуступчивых членов, проведена индивидуальная работа с председателем совета, вследствие чего совет распался.¹²⁷ Затем 21 февраля 1962 г. последовало постановление СМ УАССР об утверждении решения исполкома Глазовского горсовета о сносе здания церкви, как препятствующее строительству жилых домов и культурно-бытовых учреждений.¹²⁸ Снос церкви был организован ночью 4 апреля 1962 г. Слом продолжался 4 часа, после чего площадка была расчищена, «чтобы не вызвать особую реакцию со стороны верующих». Формально религиозному обществу было предоставлено право аренды помещения для проведения религиозных служб, однако по утверждению секретаря исполкома Булдакова А.С., исполком не мог на это пойти, в связи с чем, была проведена соответствующая работа с санэпидемстанцией и

пожарными, чтобы не допустить открытия молитвенного здания в частном доме. В итоге религиозное общество не смогло арендовать частный дом в установленный срок, часть членов церковного совета вышла из состава учредителей и была трудоустроена при участии комиссии по соблюдению законодательства о культурах. Священник 5 апреля 1962 г. сразу после сноса церкви сдал уполномоченному свою справку о регистрации.¹²⁹ Все это дало возможность 7 мая 1962 г. снять религиозное общество г. Глазова с регистрации по причине отсутствия молитвенного здания и служителя культа.¹³⁰

К концу исследуемого периода в УАССР осталось 18 действующих православных церквей в 9 районах из 19 и в 4 городах из 5, а также 5 мусульманских, 2 старообрядческих и 1 общество ЕХБ. Таким образом, за весь период ни одно религиозное общество не было открыто и зарегистрировано, так как все просьбы о регистрации были отклонены по разным причинам. Часть религиозных обществ была снята уполномоченными с регистрации из-за ветхости молитвенных зданий или распада «двадцатки», а также на основе генерального плана застройки.

Особенность проведения работы по закрытию культовых зданий и снятию с регистрации религиозных обществ в Удмуртии состояла в том, что сокращению приходов подвергались преимущественно общины РПЦ (закрыто 11 приходов). Мусульманские общества смогли сохранить свои мечети и право легально молиться и совершать религиозные обряды, несмотря на небольшое количество верующих, посещавших мечети, в первую очередь в сельской местности.

Количество снятых с регистрации религиозных обществ в Удмуртии стоит в одном ряду с Мордовской АССР, в которой с 1958 г. по 15 сентября 1963 г. было снято 7 из 27 православных обществ. Намного активнее процесс снятия с регистрации был развернут в Башкирской АССР, где за этот же период было снято 19 из 41 православных общества. Очень слабо была поставлена эта работа в Чувашской АССР: там было снято только 3 общества

из 41, Марийской АССР и Татарской АССР- по 3 из 16 и 15 обществ соответственно.¹³¹ Что касается мусульманских приходов, то активный процесс по их сокращению шел в тех регионах, где преобладало мусульманское население и было большое количество мечетей. Так, например, в Башкирской АССР к началу 1965 г. осталось 16 зарегистрированных и 98 незарегистрированных мусульманских приходов из 27 и 19 соответственно, действовавших на 1 июля 1957 г.¹³²

Еще одной спецификой закрытия церквей в Удмуртии было отсутствие сопротивления со стороны верующих. Исключение составила ситуация со сносом бездействовавшего каменного Вознесенско-Преображенского собора в г.Глазове (1887 года постройки), когда после появления решения Глазовского горсовета в 1960 г. о сносе храма в исполком приходили делегации верующих с просьбой не сносить здание.¹³³

В других регионах имелись факты закрытия церквей, сопровождавшиеся защитой верующими культовых зданий. В Челябинской области в начале 1960г. закрытие и снос здания церкви в г. Златоусте по причине реконструкции города вызвало недовольство среди верующих, т.к. никакой работы с ними не проводилось, и данный факт оказался для верующих неожиданным. Еще одним административным решением уполномоченного по Челябинской области стало разрешение на закрытие кафедрального собора в г. Челябинске, якобы ввиду его аварийного состояния. Церковь закрыли, но церковный совет, пригласив специалистов-инженеров, доказал, что здание не аварийное, а лишь нуждается в небольшом текущем ремонте.¹³⁴

Религиозные общества не могли иметь собственность и получать доход, не предусмотренные законодательством о культурах. Но многие сельские религиозные общества Удмуртии использовали земельные участки внутри оград молитвенных зданий, на которых выращивали овощи и траву на сено, которые впоследствии и продавали. Доходы от продажи не всегда поступали в церковные кассы, а распределялись между членами

исполнительного органа. Данные нарушения были зафиксированы в 1960-1961 гг. со стороны православных и мусульманских религиозных обществ в Балезинском, Селтинском, Киясовском районах.¹³⁵ Выявленные нарушения были ликвидированы по требованию уполномоченных Советов по делам РПЦ и религиозных культов через соответствующий исполком Совета.

Исполкомами местных Советов Удмуртии неоднократно было использовано право отвода отдельных лиц из состава исполнительного органа религиозного общества. Но это право стало осуществляться лишь с 1960 г., когда появилось постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культурах». Члены «двадцатки» религиозного общества отводились за самовольное расширение здания церкви. Например, за пристрой к Успенской православной церкви г. Камбарки был отстранен староста.¹³⁶ Главными причинами смены членов исполнительных органов в религиозных обществах явилось присвоение ими денежных средств и пожертвованных материалов, а также поддержка и проведение политики духовенства. По этим причинам были отведены староста и казначей Вознесенской церкви с. Перевозное Воткинского района в 1961 г.¹³⁷, староста и его помощник «двадцатки» Воскресенской церкви г. Сарапула в 1962 г.¹³⁸, староста, его помощник и счетовод исполнительного органа религиозного общества Воскресенской церкви с. Сов. Никольское Ижевского района¹³⁹.

В 1961 г. из состава исполнительного органа старообрядческой церкви белокрыницкого согласия г. Ижевска были отведены церковный староста и казначей за закупку свечей у частных лиц.¹⁴⁰

В 1960 г. имелся факт отвода из исполнительного органа общества ЕХБ г. Ижевска двух проповедников за «реакционные выпады против советской действительности»¹⁴¹.

В то же время не было ни одного случая отвода из исполнительного органа члена мусульманского религиозного общества.

Данные факты свидетельствуют о более пристальном внимании государства к РПЦ, чем к другим религиозным обществам, так как с одной стороны, количество православных общин в Удмуртии было гораздо больше, чем старообрядческих, мусульманских и протестантских общин, а с другой стороны, мусульманское духовенство имело большое влияние на местное население, кроме того, на местах не хватало специалистов, владевших татарским языком.

Неоднократно на протяжении всего периода выявлялись факты отстранения священнослужителями исполнительных органов православных, старообрядческих, мусульманских религиозных обществ от финансово-хозяйственной деятельности, когда священнослужители единолично определяли состав исполнительных органов, принимали и увольняли церковнослужителей, распоряжались финансовыми средствами общины. Данные факты имели место и в других регионах России. Так, например, к 1960г. в Башкирской АССР распоряжениями епископа и настоятелей церквей из 39 православных религиозных обществ из состава учредителей было удалено 152 члена, как неугодных.¹⁴² Аналогичные факты имелись в Воронежской, Калининской, Кировской и др. областях, Краснодарском крае.¹⁴³

Несмотря на законодательное запрещение всем религиозным обществам любых форм проявления милосердия, в Удмуртии они наблюдались сплошь и рядом.

Наиболее часто встречавшееся нарушение в республике - это материальная поддержка священно- и церковнослужителей, а также членов их семей, рядовых членов общества. В 1959–1960 гг., начиная с приезда нового правящего архиерея Михаила (Чуба), активизировалась выдача денежных ссуд священно- и церковнослужителям православных церквей на приобретение домов.

В 1958 г. архиепископ Ювеналий открыл приют для 4 старух в доме заезжих для служителей культа. Уполномоченный А. Халевин разъяснил ему,

что данный факт является нарушением законодательства о культах, после чего приют был ликвидирован в недельный срок.¹⁴⁴ В 1962 г. Совет религиозного общества ЕХБ г. Ижевска оказывал материальную поддержку верующим, находящимся на лечении, за что члены исполнительного органа были строго предупреждены¹⁴⁵. Премирование членов религиозных обществ также рассматривалось как проявление благотворительности и пресекалось уполномоченным и исполкомами Советов.

Благотворительная деятельность была присуща большинству православных епархий. Денежную помощь «затухающим приходам» в 1960 г. оказывали архиереи в Пермской области, Чувашской АССР; материальную поддержку верующим – бедным, сиротам, погорельцам оказывали также в Кировской, Свердловской областях и др.¹⁴⁶

Законодательно с 1962 г. был запрещен сбор добровольных пожертвований за пределами молитвенного здания, но вплоть до 1964 г. члены религиозного общества мусульманского вероисповедания дер. Тат-Парзи Глазовского района продолжали сбор пожертвований не только в мечети, но и по дворам деревни с целью своевременного внесения платежей государству, а также чтобы не допустить закрытия мечети и снятия религиозного общества с регистрации из-за «маломощности».¹⁴⁷

В соответствии с постановлением СМ СССР от 16 марта 1961 г., разрешившим местным советам ограничивать колокольный звон, СМ УАССР принял свое постановление от 13 мая 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», которое запретило колокольный звон в Ижевске, Воткинске, Сарапуле и Глазове.¹⁴⁸ Данное решение вызвало недовольство со стороны некоторых настоятелей церквей.¹⁴⁹

В ведении Ижевской и Удмуртской епархии находилась мастерская по производству свечей, открытая в 1949 г. Свечное производство обслуживало приходы только одной епархии. Свечи частично производились на материале, поставляемом церквями (огарки свечей), а с 1 октября 1958 г. на материале, приобретаемом мастерской на рынке, у частных лиц или через

церковные советы. Увеличение налога на доходы свечных мастерских, установленного с 1 октября 1958 г., вызвало экономические трудности во многих православных церквях страны, особенно в сельской местности.¹⁵⁰ В соответствии с указанием Совета по делам РПЦ при СМ СССР уполномоченный докладывал в мае 1960 г. о деятельности свечной мастерской в г. Ижевске. До 1 октября 1958 г. отпускная цена за 1 кг свечей здесь составляла 50 руб., а с 1 октября - 200 руб., как это и было предусмотрено постановлением СМ СССР от 16 октября 1958 г.

Результатом увеличения налога стало сокращение веса свечи: количество 3-х рублевых свечей в одном килограмме возросло с 150 до 200 шт. Однако доход свечной мастерской в 1958-1959 гг. увеличился. Это стало возможным благодаря приобретению епархией технического воска у Московской патриархии по низкой цене (7 руб. за 1 кг), снижению цен на огарки свечей, принимаемых от местных церквей, увеличения количества свечей из 1 кг сырья, позволившие сократить себестоимость свечей, а также за счет увеличения отпускной цены. Наибольшее количество свечей приобретали городские церкви – Троицкий собор г. Ижевска – 1208 кг, Воскресенская церковь г. Сарапула – 208 кг, Преображенская церковь г. Воткинска – 260 кг, тогда как большинство сельских церквей брали на реализацию от 10 до 30 кг свечей.¹⁵¹ Стоимость свечей в городских церквях составляла 30–60 коп. и 1 руб. 20 коп., а в сельских – 30 коп. Доходы от продажи свечей в церквях составляли основную статью, на втором месте находились доходы от требоисправлений. В 1962–1964 гг. наблюдался обратный процесс – увеличивается количество производимых свечей и, соответственно доходов. (См. **Таблицу 6**). С целью сокращения доходов от реализации свечей в церквях республики по требованию уполномоченного в Троицкой и Успенской церквях г. Ижевска были снижены цены на свечи до 20 коп. за штуку, но эффект оказался обратным - число продаваемых свечей увеличилось, вследствие чего уполномоченный Совета по делам РПЦ отказался от введения такой практики в других церквях Удмуртии.¹⁵²

В обязанность религиозного общества входило наблюдение за сохранностью и своевременным ремонтом предоставленного в аренду молитвенного здания. Однако со стороны уполномоченных Советов по делам РПЦ и религиозных культов и местных советских органов делалось все возможное для предотвращения осуществления ремонта и дополнительного украшения помещений молитвенных зданий.

В 1959-1960 гг. общиной православной Успенской церкви г. Камбарки была проведена реставрация алтаря, пристроена стеклянная веранда к южной части церкви без разрешения уполномоченного.¹⁵³ В ряде церквей г. Воткинска, с. Кекоран, с. Перевозное, с. Можга были проведены работы по реставрации живописи, приобретению домов для духовенства.¹⁵⁴

Сразу после приезда в Удмуртию в 1959 г. новый правящий архиерей Михаил планировал обновить живопись в церквях г. Ижевска: он обращался к уполномоченному с просьбой разрешить произвести позолоту иконостасов в Троицком соборе и Успенской церкви г. Ижевска. Однако уполномоченный разрешил произвести только бронзирование резных частей иконостасов и покраску 4-х икон, а также отклонил просьбу о замене печного отопления на паровое в Троицком соборе.¹⁵⁵

В 1960 г. община Успенской церкви с. Полько Кизнерского района самовольно заменила изгородь, а в 1957 г. в церковной ограде был построен жилой дом.¹⁵⁶

Чаще всего ремонт молитвенных зданий мусульманских религиозных обществ осуществлялся исполнительными органами самостоятельно без разрешения на переоборудование. В 1960 г. община мусульман дер. Падера Балезинского района произвела перекрытие крыши мечети и был построен дом для муллы, участие в которых приняло и колхозное руководство.¹⁵⁷ В 1960 г. религиозной общиной с. Тат-Парзи Глазовского района был приобретен тес для перекрытия всей крыши, тогда как уполномоченный Совета по делам религиозных культов разрешил заменить только сгнившие доски.¹⁵⁸

В 1960 г. был произведен ремонт старообрядческой церкви с. Балаки Камбарского района. В этом большая помощь была оказана исполкомом Камбарского райсовета: техническая комиссия, направленная исполкомом в церковь для осмотра здания, вынесла постановление о производстве ремонта. Благодаря предписанию технической комиссии община приобрела материалы и осуществила ремонт. Аналогичное заключение было дано технической комиссией в отношении старообрядческой церкви беглопоповского согласия г.Камбарки.¹⁵⁹ Данную работу исполкома уполномоченный оценил как «ненужное вмешательство в вопросы хозяйственной жизни религиозных общин, что объективно закрепляло материальную базу молитвенных домов» и рекомендовал исполкому отменить свое решение о проведении общиной ремонта здания церкви. В то же время он указал, что заключение технической комиссии необходимо было выдать лишь при невозможности общиной самостоятельно осуществить ремонт, т.к. перед советскими и партийными органами стояла задача препятствовать сохранности молитвенных домов.

С 1960 г. началась акция по изъятию имущества у религиозных общин, приобретенных без разрешения уполномоченного. В 1960 г. у религиозного общества Успенской православной церкви г. Камбарки был изъят жилой дом, приобретенный в 1957 г.¹⁶⁰ и у общины церкви с. Васильевское Красногорского района изъят жилой дом, приобретенный самовольно в 1959 г.¹⁶¹

Стремление религиозных обществ сохранить молитвенные здания в хорошем состоянии и привлекательном виде заставляло их решать эту задачу разными способами. Иногда члены общины обращались к уполномоченному о разрешении произвести те или иные работы, в результате чего получали разрешение на проведение небольших по объему усовершенствований. Но этот легальный способ поддержания сохранности здания не мог удовлетворить желания и потребности членов общества, поэтому иногда, заручившись поддержкой уполномоченного на проведение мелких работ,

самостоятельно проводились более существенные изменения по ремонту, переоборудованию или вообще постройке отдельных хозяйственных или жилых помещений. Но чаще ремонт зданий, украшение храмов проводилось религиозными обществами самовольно. Имелись случаи, когда существенную помощь в этой работе общинам мусульман и старообрядцам оказывали колхозы и исполкомы. Причин этому могло быть несколько. С одной стороны, сильное влияние мусульманского духовенства на жителей колхоза, причем член правления колхоза мог являться членом семьи муллы и иметь влияние на других членов правления, с другой стороны, незнание законодательства о культах и указаний Совета по делам религиозных культов при СМ СССР.

Права и обязанности служителей культов, исполнение обрядов

Особую активность по привлечению верующих к посещению молитвенных собраний проявляли муллы. В частности, со стороны муллы религиозного общества мусульман г. Ижевска Мухамедзянова высказывалось недовольство теми лицами, кто пропускал службы в мечети. С целью большего охвата верующих, мулла и совет религиозного общества несколько раз обращались к уполномоченному с просьбой разрешить им приобрести легковой автомобиль.¹⁶² Но в связи с запретом совершения треб духовенством в домах верующих им было отказано.

Для Удмуртии характерно получение священнослужителями твердого денежного вознаграждения еще до утверждения такового по всей стране в 1962 г. В 1959 г. руководители религиозных обществ мусульман и старообрядцев состояли на постоянном денежном окладе, получая в месяц от 600 до 2000 руб.¹⁶³ Такова же ситуация и среди православного духовенства. Так, например, настоятель церкви в с. Сям-Можга Увинского района Секретарев получал ежемесячно твердый денежный оклад в 2 тыс. руб.¹⁶⁴ На особом положении находился пресвитер общины евангельских христиан, который денежного вознаграждения не получал.¹⁶⁵

По состоянию на 1 января 1962 г. в 13 из 20 православных церквей духовенство уже состояло на твердом денежном содержании¹⁶⁶. В соответствии с указанием Совета по делам РПЦ при СМ СССР, согласованным с министерством финансов СССР, в оставшихся 7-ми православных религиозных обществах республики служители культа были переведены с 1 июля 1962 г. с доходов от треб на твердые денежные оклады. Как утверждал уполномоченный Совета по делам РПЦ Д.М.Шестаков, это мероприятие не встретило открытого сопротивления со стороны духовенства, но отдельные священники выдвинули свои требования, пытаясь обеспечить себе более высокую плату. Например, настоятель Воскресенской церкви г. Сарапула Колчин требовал дополнительной оплаты к установленному окладу за «переработку» в праздничные дни. Священник Троицкой церкви г.Ижевска Зорин поставил условие, чтобы денежные оклады священнослужителям устанавливались дифференцированно, с учетом духовного образования и священнического сана. Священник Пророко-Ильинской церкви с. Новогорское Граховского района предлагал устанавливать оклады духовенству с учетом их стажа работы. Все выдвинутые требования были отклонены исполнительными органами религиозных обществ. Духовенству были установлены денежные оклады с учетом их прежних доходов, показываемых ими в декларациях при исчислении подоходного налога. В среднем они составили в церквях сельской местности от 100 до 200 рублей, в городских – до 400 рублей в месяц.

Вместе с переводом духовенства на твердые оклады во всех церквях был введен квитанционный учет всех требоисправлений. Оформление квитанций возлагалось на членов церковных советов – церковных казначеев или иных специально выделенных лиц, а не на само духовенство. Немаловажным фактом явилось указание в квитанциях на крещение сведений о родителях ребенка или лица, принявшего крещение (ФИО, адрес

и дата совершения обряда), а также полные сведения о гражданах в квитанциях на венчание и отпевание.

Цель этой меры – отстранение священнослужителей от руководства финансово-хозяйственной деятельностью религиозного общества, лишение духовенства материальной заинтересованности в священнической деятельности, получение более точных сведений о церковной обрядности, выявление лиц, совершающих религиозные обряды. Эти сведения были необходимы органам государственной власти, учреждениям, организациям и предприятиям для получения данных о масштабах религиозности населения и определения круга лиц для проведения индивидуальной разъяснительной работы.

Если судить об эффекте этой меры, то, судя по количеству совершенных обрядов в храмах РПЦ резкого снижения обрядности в 1962-1963 гг. не наблюдалось, напротив, эффект был минимальным. (См. Таблицу 7). Существенное сокращение обрядов произошло лишь в 1964 г. – их число сократилось на 3652 по сравнению с 1963г. В мусульманских религиозных обществах существенное сокращение числа обрядов произошло лишь в 1963-1964 гг. – на 112 и 105 соответственно. (См. Таблицу 8). Для старообрядческих религиозных обществ в 1962–1963 гг. не наблюдалось резкого сокращения обрядов, в эти годы наблюдалась некоторая стабильность. (См. Таблицу 9).

При проведении обрядов священнослужители отходили от установленных законодательством права. Они не всегда соблюдали требование крестить детей в присутствии их родителей и при согласии обоих. Имелись факты крещения в присутствии только одного из родителей. Священнослужители шли навстречу верующим и заранее оформляли квитанции на крещение, где родители расписывались заранее, а само крещение проводилось без них или в присутствии одного из родителей. Данные факты отмечались в практике религиозных обществ Русской православной церкви, и старообрядческой общины г. Ижевска. Были также

выявлены в 1963 г. и факты подделки подписей родителей в корешках квитанций на крещение¹⁶⁷.

Одной из обязанностей религиозных обществ было отчисление денежных средств в фонд защиты мира, в связи с усилением ядерного противостояния в мире и, как следствие, желанием власти привлечь церковь к движению за запрещение ядерных испытаний, изготовление и накопление ядерного оружия¹⁶⁸. Следует также отметить, что акция власти по сдаче средств на защиту мира эксплуатировала чувства верующих, искренне желавших сохранения мира. Православные религиозные общества Удмуртии приняли участие в этой акции. Немаловажную роль в этом сыграл уполномоченный Совета по делам РПЦ, который настойчиво рекомендовал религиозным обществам сдавать свободные деньги в фонд защиты мира. Всего в 1960 г. было сдано 19300 руб., что составило 3,6% от церковного дохода¹⁶⁹. (См. Таблицу 11) В том же году лишь церковным советом Троицкого собора г. Ижевска было внесено 100 тыс. руб. или 1,5% от дохода всех православных религиозных обществ¹⁷⁰. В 1961 г. всеми православными религиозными обществами было перечислено 26300 руб. или 5% от дохода¹⁷¹. В 1962–1963 гг. значительно увеличились перечисления обществами средств в фонд мира. В 1962 г. – 102020 руб. – 19% от дохода¹⁷², в 1963 г. – 116700 руб. – 21% от дохода¹⁷³, в 1964 г. в фонд мира внесено 128050 руб. или 21% от дохода¹⁷⁴.

В 1963 г. старообрядческие религиозные общества белокриницкого согласия перечислили в фонд мира 50 руб. или 0,3% от дохода¹⁷⁵, а в 1964 г. – 100 руб. или 0,7% от дохода.¹⁷⁶ Евангельские христиане-баптисты перечислили в фонд мира в 1963 г. 400 руб. (5%) от 7992 руб. дохода,¹⁷⁷ в 1964 г. – не вносили средств вообще.¹⁷⁸

В сентябре 1962 г. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР информировал своих уполномоченных о создании Отдела международных связей мусульманских организаций СССР для осуществления «внешней деятельности в интересах государства» и необходимости отчислений

мусульманскими объединениями средств на финансирование этого отдела¹⁷⁹. В 1962 г. отделу международных связей мусульманских организаций СССР мусульманскими обществами Удмуртии было перечислено 1100 руб.¹⁸⁰ В 1963 г. мусульманские религиозные общества не перечисляли деньги в фонд мира, но перечислили 1100 руб. или 5% от дохода религиозному центру на внешнюю деятельность¹⁸¹, в 1964 г. – 3153 руб. или 17% от дохода¹⁸².

Масштаб «добровольной» сдачи средств религиозными обществами Удмуртии в фонд защиты мира объяснялся необходимостью использования государством церковного ресурса в решении внешнеполитических задач, на которые требовались значительные финансовые средства. Также нарастал интерес государства к мусульманским организациям, о чем говорили масштабы отчислений ими финансовых средств на внешнеполитическую деятельность.

Религиозные права граждан

Уполномоченные Советов по делам РПЦ и религиозных культов лично проводили наблюдение за посещением населением некоторых церквей в дни религиозных праздников, в ходе которых выявлялось недопустимое законом посещение храмов детьми и подростками, а также нежелательное присутствие молодежи. Начиная с 1960 г. к наблюдению были привлечены и члены групп общественного контроля за соблюдением советского законодательства о культах (с 1963 г. – комиссий содействия по контролю за соблюдением законодательства о культах при исполкомах Советов).

В частности, в ряде православных церквей республики в Пасху 1959 г. и 1960 г. на праздничных службах присутствовали дети, подростки и молодежь. В Свято-Троицком соборе г. Ижевска и его ограде находилось около 200 человек, среди которых большую часть составляли студенты высших учебных заведений и рабочая молодежь¹⁸³. Данные факты не оставались незамеченными. Уполномоченные информировали обком комсомола и рекомендовали через райкомы, горкомы комсомола, лекторов и интеллигенцию проводить среди молодежи разъяснительную работу «о

нецелесообразности и безрассудности посещения юношами и девушками церквей в праздничные церковные дни ради интереса и любопытства, т.к. ничего привлекательного и полезного для себя, что украшало бы их интеллектуальную жизнь, они там не получают»¹⁸⁴. Для отвлечения молодежи от церкви уполномоченный рекомендовал партийным и комсомольским организациям предприятий и учреждений проводить индивидуальную воспитательную работу со своими работниками.

Участие школьников и подростков в церковных службах в Удмуртии, как и в целом по стране, было недопустимым. В связи с чем, уполномоченный в 1959 г. рекомендовал епископу Ижевской и Удмуртской епархии напомнить священнослужителям о недопустимости прислуживания детей в церквях. Но, несмотря на это, в Ижевске и Сарапуле дети прислуживали в церквях, родители продолжали приводить детей на службы. В сельской местности в выходные дни 1959 г. на службах присутствовало от 25 до 50 детей школьного возраста¹⁸⁵.

Ежегодно уполномоченный в своих информациях обращал внимание на большое количество детей, посещавших церкви, при этом делая акцент на отсутствии интереса у детей к происходящему и присутствию их на службах по настоянию родителей или бабушек. В 1960 г. уполномоченный Д.М. Шестаков констатировал, что сельские церкви посещают 50-60 детей, городские – 80–100 человек, при этом они «охотно выполняли просьбы своих матерей по покупке свечей, раздавали нищим подаяние, принимали причастие» и «со свечами в руках молились в самой церкви и у окон алтаря»¹⁸⁶.

Вся ответственность за воспитание и образование детей была возложена на школу, в связи с чем, родители не должны были навязывать детям «антинаучных мировоззрений». Уполномоченный также рекомендовал педагогам активнее воздействовать на родителей, привлекающих своих детей к посещению церкви и приобщению к религиозным обрядам. В отношении родителей имела место практика проведения общественных судов по месту

жительства, обсуждение на родительских комитетах и собраниях в школе, которые давали свои результаты.

К 1960 г. относятся первые запрещения на занятие религиозной деятельностью на территории Удмуртии за привлечение детей к прислуживанию в церкви. За данное нарушение законодательства о культах был снят с регистрации священник с. Каменное Заделье, еще двое священников г. Камбарки и г. Ижевска строго предупреждены¹⁸⁷.

В последующие годы эти запреты не остановили приобщения детей к прислуживанию в церкви. В 1961 г. священник церкви с. Данилово Киясовского района вовлекал школьников в церковный хор¹⁸⁸. Мулла мусульманской мечети дер. Падеры Балезинского района Тагиров привлекал школьников для оповещения верующих о начале молебствий в мечети.¹⁸⁹

В 1963 г. уполномоченный Советов по делам РПЦ и религиозных культов Д.М. Шестаков подготовил информационную записку «О приобщении детей школьного возраста к церковной обрядности», которая была направлена партийным и советским органам, в т.ч. министерству просвещения УАССР. В информационной записке говорилось о сохраняющемся значительном количестве крещений детей, об участии их в религиозных обрядах, формальной работе учителей и директоров школ по изучению семейной обстановки школьников, слабой работе местных советов и общественных организаций по внедрению гражданской обрядности.

Для искоренения детей и подростков от участия в религиозных обрядах уполномоченный наряду с рекомендациями советским, партийным, комсомольским организациям, педагогам призывал священнослужителей не допускать детей к исповеди и не привлекать их в роли крестных.¹⁹⁰

Записка обсуждалась на совещаниях городских, районных отделов народного образования, августовских совещаниях учителей, работников аппарата министерства просвещения УАССР, а 12 сентября 1963 г. секретариат Удмуртского обкома КПСС принял постановление, обязывающее партийные, комсомольские организации и органы народного

образования улучшить работу по атеистическому воспитанию детей и юношества.

Данные факты свидетельствовали о стремлении государства запретить родителям прививать своим детям религиозное мировоззрение, совершать религиозные обряды вплоть до достижения ими совершеннолетия. Но и после 18 лет граждане СССР не были свободны в духовном выборе – исповедующие религию, посещающие церковь (мечеть, молитвенный дом), исполняющие религиозные обряды молодые люди становились объектом особого внимания со стороны партийных, комсомольских организаций образовательных учреждений и предприятий, где они учились или работали. С ними проводили индивидуальные беседы, обсуждали на собраниях, пытались отвлечь от религии. Гражданам страны чинились препятствия и при получении духовного образования. Государство прилагало особые усилия по сокращению количества студентов духовных семинарий и академий и самих этих учебных заведений.

Например, молодой рабочий Ижевского машиностроительного завода Ютин Ю.И., 1939 г.р., в 1960 г. подал заявление для поступления в Московскую духовную семинарию, о чем стало известно Совету по делам РПЦ при СМ СССР, который 9 августа 1960г. обратился к уполномоченному Д. Шестакову, чтобы тот через партийные органы принял необходимые меры по предотвращению поступления указанного лица в семинарию. Через две недели после получения извещения уполномоченный информировал Совет об успешном выполнении задания: Ютин Ю.И. решил вместо семинарии поступать в Ижевское медучилище, куда он и был зачислен уже 25 августа 1960 г. после сдачи экзаменов.¹⁹¹

Одним из способов замены религиозных обрядов, отличающихся торжественностью, стало внедрение советских гражданских обрядов. 5 января 1963 г. Совет Министров УАССР принял постановление «О внедрении советских гражданских обрядов среди трудящихся», в котором говорилось о медленном их внедрении, что способствовало сохранению

высокой религиозной обрядности в республике. В целях изменения ситуации правительство обязало исполкомы разработать мероприятия по внедрению советских гражданских обрядов, связанных с рождением, бракосочетанием, 25-летием, 50-летием супружеской жизни, похоронами. Для этого необходимо было предоставить органам ЗАГС удобные и оборудованные помещения; руководителям предприятий и учреждений рекомендовалось лично поздравлять работников, преподносить подарки по случаю того или иного события в их личной жизни; требовалось привести в благоустроенный вид гражданские кладбища, практиковать на похоронах возложение венков от организаций.¹⁹²

Конкретные шаги предпринимались исполкомами Ижевского, Сарапульского, Глазовского городских Советов. Наиболее активно внедрением гражданской обрядности занимался завком Ижевского машиностроительного завода. За 1,5 года в коллективе машиностроителей было проведено более 200 торжественных свадеб; часто проводились вечера трудовой славы, вечера встреч трех поколений. Во Дворце культуры Ижевского механического завода отмечали дни рождения бригад коммунистического труда, проводили торжественные регистрации бракосочетаний, рождений детей.¹⁹³ В Глазове в 1963–1964 гг. были проведены праздники «Русской зимы» и «Весны», организованы торжественные проводы молодых людей в Советскую Армию на предприятиях города с вручением наказов и памятных подарков от администрации, горкомов партии и комсомола, исполкома горсовета¹⁹⁴.

6 апреля 1964 г. Совет Министров УАССР принял постановление «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов», в котором была отмечена неудовлетворительная ситуация с внедрением безрелигиозных обрядов в некоторых районах республики. В республике продолжалась практика проведения регистрации браков и рождений в будничной, казенной обстановке. Для улучшения положения правительство обязало исполкомы образовать общественные комиссии по гражданским

обрядам, обеспечить выполнение постановления Совета Министров УАССР от 5 января 1963 г., активизировать работу комиссий по контролю за соблюдением законодательства о культах.

Перед уполномоченным, партийными и советскими органами стояла и другая задача – предотвращать паломничество верующих. На территории Удмуртии было два святых места, к которым верующие совершали паломничества – это Трифоновский святой ключ у дер. Каменное Заделье Балезинского района и святой ключ у дер. Зуевы Ключи Каракулинского района. В мае 1959 г. решением исполкома Балезинского райсовета ключ был преобразован в колодец общего пользования, после чего, по сведениям уполномоченного паломничество к нему прекратилось.¹⁹⁵

Во второй половине ноября 1960 г. уполномоченным Д. Шестаковым вместе с председателем исполкома Каракулинского райсовета В.Терещенко был выявлен святой ключ около дер. Зуевы Ключи, где наблюдались случаи скопления верующих и проведение молебствий под открытым небом у оборудованного иконостаса. Решением исполкома Каракулинского райсовета в декабре 1960 г. ключ был ликвидирован, а Новопоселеновским сельсоветом установлено постоянное наблюдение за сбором верующих у ключа. На протяжении 1961–1964 гг. по данным уполномоченного паломничество к ключу не наблюдалось¹⁹⁶.

Имелись факты паломничества верующих Удмуртии в начале июня 1958г. к месту явления чудотворной иконы Святителя Николая на р. Великой в Кировской области, где верующие брали воду, песок, камни, сосновую кору, совершали омовение. Об этом информировал исполком Кировского облсовета уполномоченного по Удмуртии А.А. Халевина и рекомендовал принять меры к предотвращению паломничества в 1959 г. Кировским облисполкомом в 1958–1959 г. были предприняты меры со своей стороны – часовня на берегу реки Великой была разобрана, а территория передана колхозу и местной больнице. Однако в 1960 г. Совет по делам РПЦ отмечал, что и в 1960 г. совершалось паломничество на р. Великую, причем шествие

верующих общим числом около 600 человек началось от кафедрального собора г. Кирова и на всем протяжении 7-км пути не встретило вмешательства общественных организаций области.¹⁹⁷

Сведений о том, были ли среди этих паломников верующие из Удмуртии, в материалах местного уполномоченного нет. Но слабая работа уполномоченного по Кировской области в деле изучения деятельности религиозных обществ, проведения мероприятий, направленных на сокращение действующих церквей и групп и пр., которая неоднократно ставилась ему в упрек Советом по делам РПЦ при СМ СССР, способствовала сохранению стабильной религиозной ситуации в области, которая могла привлекать верующих из других смежных с ней регионов, и в частности из Удмуртии.

Таким образом религиозные права граждан в Удмуртии всячески ограничивались. Детям и подросткам запрещалось посещать храмы, участвовать в богослужениях. Молодежи и остальным гражданам не рекомендовалось это делать, для чего проводились беседы и выносились общественные порицания. Паломничества также были запрещены. Особую роль в подведении обоснования под нежелательность паломничества сыграли сами религиозные центры, вынужденные пойти на эти меры под давлением государства с целью сохранения хотя бы действующих религиозных обществ. В эти годы были предприняты шаги по замене религиозных обрядов безрелигиозными. Наибольший успех был достигнут в городах Ижевске, Сарапуле и Глазове. Но в целом по республике данная работа была поставлена плохо и значительных результатов по отвлечению населения от религии не наблюдалось.

Контроль за соблюдением законодательства о культурах

Вскоре после выхода постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культурах», рассмотренного на заседаниях бюро Удмуртского обкома КПСС дважды в 1960 г. СМ УАССР обратился в исполкомы горсоветов и

райсоветов республики с рекомендацией о создании групп общественного контроля в целях усиления контроля за служителями культов по соблюдению ими советского законодательства о культах¹⁹⁸. Вскоре в районах и городах республики, где действовали религиозные общины, были созданы группы общественного контроля, в состав которых вошло всего 108 человек из партийного и советского актива.¹⁹⁹

Согласно письму СМ УАССР группы общественного контроля должны были состоять из 5–7 человек политически грамотных депутатов местных Советов, проверенных лиц из советского актива. Эти группы должны были наблюдать за проповеднической деятельностью духовенства, не допускать подворного обхода с молитвами и навязывания гражданам религиозных обрядов на дому; информировать исполком и уполномоченного Совета по делам РПЦ о нарушениях служителями культа советского законодательства; вместе с общественными организациями проводить мероприятия по сдерживанию деятельности церковников и религиозных общин. Участники группы не должны были вступать в контакт с духовенством, а о случаях нарушений - составлять акты.²⁰⁰

В целях активизации работы местных советских органов Совет Министров УАССР в развитие постановления СМ СССР от 16 марта 1961 г. принял постановление от 13 мая 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», которое было рассмотрено на заседании бюро Удмуртского обкома КПСС. В документе говорилось о слабом контроле со стороны местных Советов, что давало возможность духовенству нарушать советское законодательство о культах. В пример приводились факты совершения служителями культов религиозных обрядов на дому у верующих, проведением индивидуальной обработки верующих, сосредоточением в своих руках финансово-хозяйственного руководства общиной, присваиванием церковнослужителями общинных денежных средств и продажи предметов культа в спекулятивных целях.

По решению Совета Министров УАССР исполкомы должны были обеспечивать строгий контроль и своевременное принятие мер к ликвидации нарушений законодательства, привлекая к этой работе группы общественного контроля. Министерство финансов УАССР было обязано обеспечить выявление доходов и полноту обложения подоходным налогом духовенства, певчих и регентов церковных хоров. Исполкомы должны были периодически осматривать церковное имущество, проводить проверку приходо-расходных книг религиозных общин с целью выявления правильности пользования имуществом и установления сведений, необходимых для обложения налогом служителей культа, выявления фактов злоупотреблений. Наряду с улучшением научно-атеистической пропаганды и работы культурно-просветительных учреждений Совет Министров УАССР обязывал исполкомы не допускать мер администрирования по отношению к религиозным обществам.

С этого времени группы общественного контроля приступили к активной деятельности. Так, в частности, в 1961 г. группой общественного контроля г.Глазова было установлено, что священник православной церкви Попов тайно совершает религиозные обряды на дому у верующих и молитвы под открытым небом. В итоге он был снят с регистрации уполномоченным.²⁰¹ В 1961 г. группы контроля г. Сарапула, Кизнерского, Вавожского и Граховского райсоветов проводили индивидуальные беседы с родителями детей, посещавших церковные службы, в результате чего добились отвлечения школьников от посещения служб.²⁰² Члены групп общественного контроля наблюдали за деятельностью и старообрядческих, и мусульманских религиозных объединений и их священнослужителей. В 1961 г. члены группы общественного контроля Балакинского сельсовета Камбарского района выявили, что священник старообрядческой церкви с. Балаки Суханов посещал дома верующих под видом ремонта печей и совершал обряды на дому, за что был предупрежден исполкомом Камбарского райсовета.²⁰³ Благодаря членам группы общественного контроля Кестымского сельсовета

Балезинского района был выявлен бродячий мулла, совершавший обряды в домах жителей с.Кестым, а также было установлено, что мулла мечети с. Кестым В.Касимов присваивал деньги за совершение религиозных обрядов, за что Балезинским райфинотделом ему был начислен дополнительный подоходный налог.²⁰⁴ Немало нарушений было выявлено в финансовой деятельности религиозных обществ, за что виновные подвергались штрафам, им начислялся дополнительный подоходный налог или же они вообще отводились из состава исполнительного церковного органа.²⁰⁵

В октябре 1961 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ Д.М. Шестаков информировал Совет, а также Удмуртский ОК КПСС и СМ УАССР о ходе выполнения постановления СМ СССР от 16 марта 1961 г. В этом письме уполномоченный проинформировал и о работе, проводимой местными органами власти. Он сообщал, что члены исполкомов Советов и групп общественного контроля «проверяют и наблюдают за хозяйственной жизнью религиозных обществ, изучают состав церковных исполнительных органов, верующих, посещающих церковные службы».²⁰⁶ В мае 1963 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ подготовил информационную записку «О контроле за выполнением советского законодательства о культурах и некоторых сторонах религиозной обстановки в Удмуртской АССР», которую Удмуртский обком партии разрешил направить горкомам, райкомам партии (производственным колхозно-совхозным управлениям, промышленно-производственным парткомам). В ней уполномоченный указал на недостаточную работу гор(рай)комов партии, исполкомов гор(рай)советов и групп общественного контроля по научно-атеистической пропаганде, на слабое внедрение советской гражданской обрядности, что способствовало сохранению религиозной обрядности и религиозных взглядов. В очередной раз были поставлены задачи улучшения контроля за выполнением законодательства о культурах и наблюдения за деятельностью исполнительных органов религиозных обществ, введение в них желательных людей, в то же время не допускать оскорбления чувств верующих и администрирования.²⁰⁷

В июле 1963 г. СМ УАССР было принято постановление «О примерном положении деятельности комиссии содействия при исполкомах городских и районных Советов депутатов трудящихся по контролю за соблюдением законодательства о культах»²⁰⁸, в соответствии с которым в Удмуртии были образованы указанные комиссии. В отличие от рекомендации СМ УАССР от 26 июля 1960 г. в данном положении были подробно прописаны обязанности комиссий. Тогда в республике было образовано 17 комиссий с общим количеством членов в 175 человек.²⁰⁹

В 1963 г. комиссией содействия при исполкоме Можгинского райсовета было установлено, что в религиозных обществах сел Можга, Поршур, Водзимонье допускаются нарушения правил при регистрации церковных обрядов, исполнительными органами религиозных обществ присваивались пожертвованные верующими материалы, отдельные священники пытались выносить религиозную обрядность за пределы церкви.²¹⁰ Для улучшения контроля за выполнением законодательства о культах каждый член комиссии при исполкоме Увинского райсовета имел свое задание по выявлению и изучению верующих, работе среди детей, проведению бесед, докладов и лекций среди населения на атеистические темы.²¹¹ Аналогично была построена работа и некоторых других комиссий.

Фактически работа комиссий была направлена на ежедневное и глубокое изучение деятельности религиозных объединений, священнослужителей, выявление верующих и проведение с ними индивидуальной работы с целью отвлечения их от религии, выявление фактов нарушения законодательства. Образно говоря, комиссии были «глазами и ушами» исполкомов и уполномоченного, который, учитывая полученную информацию, составлял отчеты в Советы по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР.

Уполномоченный, наряду с комиссиями при исполкомах, также активно осуществлял контроль за соблюдением законодательства о культах, путем посещения религиозных обществ, бесед с нарушителями;

координировал работу исполкомов и их комиссий, партийных органов, организуя семинары и лекции по разъяснению законодательства о культурах, обобщая имевшийся материал о религиозной обстановке в республике и фактах нарушения законодательства, предлагая пути и способы решения отдельных проблем.

Ответственность за нарушение законодательства о культурах

В отчетах Советам по делам РПЦ и религиозных культов при Совете Министров СССР уполномоченные наряду с другими представляли сведения о нарушении советского законодательства о культурах зарегистрированными и нелегально действующими религиозными объединениями и духовенством, а также советскими и партийными органами. Основными нарушениями религиозных обществ и духовенства, имевшими место в УАССР, были следующие:

- деятельность незарегистрированных религиозных объединений и духовенства, в том числе не подлежащих регистрации;
- совершение религиозных обрядов на дому у верующих и под открытым небом;
- отстранение духовенством исполнительных органов обществ от финансово-хозяйственной деятельности;
- осуществление благотворительной деятельности религиозными объединениями;
- приобретение материалов и осуществление ремонта без разрешения исполкомов и уполномоченного;
- ведение проповеднической деятельности среди населения;
- осуществление специальных денежных сборов в культовых зданиях и по домам верующих;
- привлечение детей к религиозной обрядности;
- использование церкви в антиобщественных целях.

Нарушения законодательства со стороны духовенства РПЦ были систематическими. Первой мерой к предотвращению нарушений было

предупреждение уполномоченного о недопустимости их повторений. Следующим шагом было снятие с регистрации. В рамках общегосударственной цели по сокращению числа православных приходов в Удмуртии уполномоченные активно взялись за выполнение этого указания.

Самая громкая акция была проведена в отношении правящего архиерея Ижевско-Удмуртской епархии епископа Михаила. Сразу по приезде в Удмуртию в марте 1959 г. епископ приступил к упрочению положения РПЦ и ее духовенства в республике, нарушая законодательство о культурах. Он проводил курс на ограничение деятельности церковных органов: самовольно распоряжался церковными кассами общин для выдачи пособий священно- и церковнослужителям для приобретения домов в личную собственность, сам решал вопросы найма и увольнения обслуживающего персонала, устанавливал должностные оклады церковным старостам, распоряжался жилым фондом, транспортом, строительными материалами, принадлежащими церковным приходам, сосредоточил в своих руках проведение финансовых ревизий религиозных общин, установил определенный процент взимания денежных сумм (1/5 общего дохода) с каждого прихода на содержание епархиального управления, с его разрешения приобретались стройматериалы, жилые дома без разрешения контролирующих органов. Епископ не обращал внимания на нарушения со стороны духовенства, не требовал исполнения своих же предписаний, не разъяснял и не добивался от духовенства «правильного» понимания положения церкви в СССР и отношения государства к церкви, игнорировал замечания и рекомендации уполномоченного по предотвращению нарушений законодательства о культурах.²¹²

Впервые уполномоченный обратился в Совет по делам РПЦ при СМ СССР с просьбой об отзыве епископа из епархии в августе 1959 г., после приобретения секретарем епархиального управления по рекомендации епископа строительных материалов в г. Москве в нарушение правил. В июне и сентябре 1960 г. епископ дважды вызывался в Совет по делам РПЦ при СМ

СССР для объяснений по поводу нарушений законодательства о культах, но епископ не изменил своей политики²¹³.

Летом 1960 г. уполномоченный Д.М. Шестаков уже просил об упразднении епархиального управления и присоединении приходов Удмуртии к Кировской или Пермской епархии.²¹⁴ В сентябре 1960 г. он просил санкцию у Совета по делам РПЦ на снятие с регистрации епископа Михаила, причем решение о снятии им было согласовано с Удмуртским обкомом КПСС и СМ УАССР.²¹⁵ А уже 24 ноября 1960 г. СМ УАССР принял постановление «О нарушениях правящим архиепископом Ижевско-Удмуртской епархии советского законодательства о культах. Об упразднении в Удмуртской АССР епархиального управления».²¹⁶ Результатом действий власти стал указ патриарха Алексия I от 16 марта 1961 г. об увольнении епископа Михаил за штат. Этим же указом епархиальное управление и приходы УАССР были присоединены к Кировской области,²¹⁷ а с 5 мая 1961 г. управление Ижевской епархией было поручено епископу Казанскому и Марийскому Михаилу.²¹⁸

Жесткие меры принимались уполномоченным и в отношении другого духовенства.

Первым священнослужителем, снятым с регистрации в этот период стал И.Н.Трубецкой, священник Георгиевской церкви г. Сарапула, прибывший в Ижевскую епархию из Латвийской ССР по приглашению епископа Михаила в апреле 1959 г., где он был снят с регистрации в феврале 1959 г. Уполномоченный по УАССР снял его с регистрации 16 ноября 1959 г. за игнорирование полномочий церковного исполнительного органа и ревизионной комиссии, а также подлог протокола учредителей при выборе церковного совета.²¹⁹ После снятия И. Трубецкого в ноябре 1959 г., епископ Михаил направил его в Московскую патриархию и Совет по делам РПЦ с жалобой на уполномоченного. В итоге 7 декабря 1959 г. председатель Совета по делам РПЦ при СМ СССР Г. Карпов рекомендовал уполномоченному не препятствовать в регистрации Трубецкого на должность в одну из церквей

УАССР, а управляющий делами Московской патриархии Колчицкий дал указание епископу Михаилу назначить Трубецкого священником в ту же Георгиевскую церковь г. Сарапула.²²⁰ Летом 1960 г. он был повторно снят с регистрации, но уже за использование церкви в антиобщественных целях, а фактически за защиту епископа Михаила, который в общении с верующими сравнивал жизнь в Латвии при капитализме и социализме в пользу буржуазного строя.

В 1960 г. за совершение религиозных обрядов на дому священники Свинчук (Красногорский район), Головин (Можгинский район), Секретарев (Увинский район) получили от уполномоченного строгое предупреждение, а священник Захаров (г. Камбарка) вообще снят с регистрации с запрещением заниматься церковной деятельностью в УАССР²²¹. «За использование исповеди против советской печати» был снят с регистрации с запрещением заниматься церковной деятельностью в УАССР священник В.А.Семин (г. Ижевск). За привлечение детей школьного возраста к прислуживанию в церкви также снят с регистрации священник Трифоновской церкви с. Каменное Заделье И.Д.Тепляков, а священники Митрюковский (совхоз им. Короленко) и Зорин (г. Ижевск) строго предупреждены.²²²

В 1961 г. уполномоченным были сняты с регистрации 4 священника: Секретарев (церковь в с. Сям-Можга Увинского района) – за руководство административной и финансово-хозяйственной деятельностью религиозного общества, Попов (церковь г. Глазова) – за совершение религиозных обрядов на дому у верующих и под открытым небом, Гремячкин (церковь с. Данилово) – за приобщение детей школьного возраста к прислуживанию в церкви, единоличное управление финансово-хозяйственной деятельностью церковного прихода.

В 1962 г. за нарушение советского законодательства о культах были сняты с регистрации: настоятель Георгиевской церкви г. Глазова Баландин и диакон этой же церкви Драчев за использование церкви в целях личного

обогащения, настоятель церкви с. Кекоран Алиферов за финансово-хозяйственное руководство общиной.²²³

В 1962 г. были строго предупреждены настоятель Богородицкой церкви с. Можга Головин за совершение обрядов на дому у верующих, присвоение денег за требоисправления, настоятель Ильинской церкви с. Новогорское Коробейников за ведение учета материальных ценностей и денежных поступлений, священнослужители Воскресенской церкви г. Сарапула Колчин и Педашенко за крещение детей без согласия родителей и предъявления справки из ЗАГСа, за склонение исполнительного церковного органа к выплате премиальных певчим церковного хора, священник Вознесенской церкви с. Перевозное Лукин за приобщение школьников к церковному хору.²²⁴

В 1963 г. сняты с регистрации: настоятель Троицкой церкви г. Ижевска А.В. Щербаков за вмешательство в финансовую деятельность религиозного общества, самочинное смещение и перемещение отдельных лиц из обслуживающего персонала (по согласованию с Советом по делам РПЦ сроком на 2 года)²²⁵.

В 1963 г. были предупреждены: священник церкви с. Можга Головин за попытки совершения религиозных обрядов в домах верующих.²²⁶

В 1964 г. сняты с регистрации священники Ф.А. Попов и Д.Я. Яковлев²²⁷ сроком на 3 месяца.

За весь исследуемый период уполномоченные применяли к муллам только предупреждения за нарушения ими законодательства о культах. Было зафиксировано, что муллы получают наряду с твердым денежным содержанием от религиозных обществ еще и средства от совершения религиозных обрядов, завуалировано руководят финансово-хозяйственной деятельностью религиозных обществ.

Так, например, в 1961 г. предупрежден мулла мечети д. Кестым В. Касимов за получение денег от верующих за требоисправления при одновременном денежном вознаграждении от религиозного общества, за что

ему был увеличен подоходный налог.²²⁸ В 1962 г. за совершение религиозных обрядов на дому мулла Ижевской мечети был предупрежден уполномоченным, а финорганами ему был увеличен подоходный налог.

Уполномоченным также был предупрежден об ответственности за нарушение законодательства о культах мулла мечети д. Падера Балезинского района, который привлекал детей школьного возраста к оповещению верующих о начале молебствий в мечети.

Но ни разу уполномоченный не применил к муллам такую форму наказания как снятие с регистрации.

В отношении старообрядческого духовенства применялись предупреждения о нарушении законодательства о культах, выражавшиеся в проведении религиозных обрядов на дому, совершении крещений детей без согласия обоих родителей, единоличное руководство деятельностью общины.

В 1961 г. священник старообрядческой церкви белокриницкого согласия с. Балаки Камбарского района Суханов предупрежден за проведение религиозных обрядов на дому у верующих.²²⁹

В 1962 г. за единоличное руководство деятельностью религиозного объединения уполномоченным был снят с регистрации священник старообрядческой церкви г. Камбарки. В 1962 г. священник старообрядческой церкви г. Ижевска Новиков совершал обряды на дому у верующих, за что был предупрежден.²³⁰

Нарушения законодательства зарегистрированной общиной ЕХБ выражались в приобретении имущества без разрешения уполномоченного, оказания материальной помощи верующим, посещении молитвенных собраний детьми дошкольного и школьного возраста, за что руководитель предупреждался в 1962–1964 гг.²³¹

В отношении отдельных проповедников евангельских христиан-баптистов, допускавших в своих проповедях реакционные выпады против советской действительности, уполномоченный рекомендовал пресвитеру и

активу общины вывести их из состава исполнительных органов и лишить права проповеднической деятельности, что и было выполнено. Так, например, за то, что проповедник Лобастов в своей проповеди сказал о преследовании последователей учения Христа врагами христианства (коммунистами, объединившимися в коммунистическую партию), а также за то, что не одобрял нового Положения Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов, он был снят с регистрации.

В отношении незарегистрированных групп ЕХБ, мусульман, старообрядцев беспоповского согласия в 1958–1963 гг., открыто проводящих молитвенные собрания в частных домах, совершающих религиозные обряды (в т.ч. мусульманами под открытым небом и на кладбищах гг. Можги и Сарапула, пос. Пугачево Мало-Пургинского района)²³², применялись комплексные меры со стороны местных партийных и советских органов с целью разложения этих групп, в т.ч. усиление научно-атеистической пропаганды среди населения и улучшение культурного обслуживания сельского населения. Уполномоченный и местные советы неоднократно предупреждали руководителей о нарушении законодательства о культах, но результатов добивались не всегда. Аналогичные меры применялись к группам католиков и лютеран г. Сарапула и их руководителям.

В отношении некоторых незарегистрированных групп ЕХБ и пятидесятников, а также лиц мусульманского вероисповедания, живущих за счет подаяния, уполномоченный рекомендовал местным органам власти привлекать их за нарушения законов к ответственности в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественного полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Сведений же о реализации этого указа в Удмуртии не обнаружено.

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов и местные органы власти пристально наблюдали за деятельностью групп пятидесятников, истинно-православных христиан, истинно-православной

церкви, не подлежавших в соответствии с советским законодательством регистрации, организовывали мероприятия по разложению этих групп, проводили беседы с их руководителями о нарушении ими законодательства о культах, требуя прекратить религиозную деятельность. Уполномоченный, анализируя эту работу, признавал, что используемые одни лишь предупреждения о нарушении законодательства без применения административных мер не давали никакого результата. Это относилось как к деятельности пятидесятников г. Ижевска, так и иным не подлежащим регистрации группам, т.к. предупреждения приводили к переходу общин на законспирированную деятельность. В частности, в 1958 г. уполномоченный и исполком Ждановского райсовета г. Ижевска неоднократно предупреждали руководителя группы пятидесятников г. Ижевска В.М. Калегина о нарушении им законодательства о культах. Была предпринята попытка развенчать образ В. Калегина через печать, но она не принесла необходимого результата, т.к. Калегин продолжал организовывать молитвенные собрания в разных населенных пунктах, выдавая себя за стойкого ревнителя веры, готового пострадать за веру.²³³

В 1959 г. не увенчалась успехом попытка организации группы пятидесятников в г. Можге Н.Худяковым, проводившим проповедническую работу среди детей и молодежи. Он был признан медицинской экспертизой впавшим в умственное помешательство на почве фанатизма и решением народного суда в октябре 1959 г. направлен в больницу на принудительное лечение.²³⁴

Выявленные в ходе единовременного учета (1961 г.) группы истинно-православных христиан - странствующих и последователей истинно-православной церкви продолжали свою деятельность, несмотря на проводимые беседы с их членами и руководителями.

В Удмуртии к уголовной ответственности за нарушение советских законов привлекались некоторые руководители и члены религиозных объединений. Все четыре лица, привлеченные к ответственности, были

членами незарегистрированных религиозных групп, из них двое – члены запрещенных к регистрации объединений – пятидесятники и Свидетели Иеговы.

В 1961 г. – начале 1962 г. мулла незарегистрированного общества мусульман пос. Пугачево Мало-Пургинского района за нарушение советского законодательства о культах был привлечен к ответственности и выселен на 3 года.²³⁵

В марте 1962 г. руководитель группы Свидетелей Иеговы в г. Глазове В.А. Ульянова, 1921 г.р., была осуждена народным судом к 5 годам лишения свободы по ст. 227 УК РСФСР. Ей вменялось в вину запрещение членам группы участвовать в общественных мероприятиях, в частности, не участвовать в голосовании на выборах в Советы, не вступать в профсоюзы, комсомол, не служить в Советской Армии, не посещать кино, собрания. Ульянова запрещала пользоваться медицинской помощью, а также требовала от членов группы воспитывать детей в религиозном духе, приводить детей на собрания общины, заставлять их читать и заучивать молитвы, переписывать религиозную литературу, а в случае неподчинения – применять телесные наказания²³⁶.

В мае 1963 г. за «изуверскую антинародную» деятельность был приговорен к 3 годам лишения свободы руководитель группы пятидесятников пос. Кильмезь Увинского района М.В. Нестеров. Он нелегально проводил молитвенные собрания, запрещал членам группы участвовать в общественной и культурной жизни, своим сыновьям запретил вступать в комсомольскую организацию, проводил работу среди подростков. Он не раз предупреждался органами власти о необходимости прекращения деятельности, но не прекратил ее, за что и был осужден.²³⁷

В 1964 г. умерли двое детей после крещения их руководителем незарегистрированной группы старообрядцев беспоповского согласия ст. Кузьма Сабуровым. За это он был осужден на 5 лет лишения свободы условно.²³⁸

Обзор нарушений законодательства о культах свидетельствует о том, что государственная власть обращала самое пристальное внимание на православные общества и духовенство, а также на запрещенные к регистрации религиозные объединения. Отношение к мусльманским религиозным обществам было намного мягче – к ним применялись лишь предупреждения и ни разу никто из них не был снят с регистрации с запрещением религиозной деятельности. Непросто было бороться местным властям с незарегистрированными религиозными объединениями, т.к. снять их с регистрации было нельзя, а привлечь к ответственности, по разъяснениям Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, можно было лишь в том случае, если их действия попадали под статьи Уголовного кодекса.

В последующие годы законодательство о культах было смягчено: в принятых поправках к уголовным кодексам союзных республик за те нарушения, за которые раньше предусматривалась изоляция от общества, был установлен только штраф.²³⁹

Со стороны государственных органов, учреждений, предприятий, отдельных активистов также имели место нарушения, допускалось администрирование по отношению к религиозным объединениям, духовенству, верующим.

По данным уполномоченных факты нарушений законодательства о культах со стороны советских и партийных органов имели место лишь в 1964г. Тогда, в 1964 г., в отношении евангельских христиан-баптистов г.Можги были приняты следующие меры: проводились разгоны молитвенных собраний; штрафовались хозяева квартир, где собирались верующие; на предприятиях баптистам не выдавались справки для оформления кредита, не выдавались премии, им отказывали в выписке дров; некоторые активисты-атеисты составляли акты о сборах баптистов и передавали их прокурору для привлечения виновных к ответственности.

Была попытка администрирования со стороны пожарной инспекции, когда религиозному обществу мусульман г. Ижевска было вручено предписание привести мечеть в соответствие с правилами противопожарной безопасности в течение очень короткого времени – 4 дней, в противном случае здание планировалось опечатать. Уполномоченный предотвратил эту попытку закрытия мечети.

Со стороны партийных органов также предпринимались административные меры по ликвидации церквей. В 1962 г. по предложению Балезинского РК КПСС в 24 населенных пунктах района директорами и учителями школ были проведены собрания родителей и сходы граждан по вопросу закрытия церкви в с. Каменное Заделье без объявления темы собраний, что вызвало не спад деятельности религиозного общества, а усиление его активности и озлобление значительной части верующих. Тогда уполномоченный обратил внимание Удмуртского ОК КПСС на ошибочность приемов и методов работы райкома.

Встречались факты оказания помощи религиозным общинам по благоустройству прилегающей территории храмов, улучшения внутреннего убранства со стороны местных советских органов, что по своей сути являлось нарушением законодательства о культурах.

Так, в 1963–1964 гг. исполком Воткинского горсовета переложил работу по благоустройству татарского кладбища с городского коммунального хозяйства на плечи религиозного общества мусульманского вероисповедания. Религиозное общество осуществило покупку строительного материала и провело ремонт забора.²⁴⁰ В результате данной акции кладбище оказалось в ведении религиозного общества. Этот факт очень обеспокоил уполномоченного, поэтому он, исполком и партийные органы решили изъять кладбище из рук религиозного общества.

Решение правления колхоза им. Кирова (дер. Кестым Балезинского района) в 1964 г. облагородить территорию вокруг мечети путем обнесения ее забором и посадкой фруктового сада, также было расценено

уполномоченным как нежелательное мероприятие, которое явилось бы предпосылкой к увеличению числа молящихся в мечети. Для предотвращения этого уполномоченный рекомендовал руководству колхоза и исполкому райсовета отказаться от посадки сада вокруг мечети.²⁴¹

Следует отметить, что нарушения законодательства о культах со стороны советских и партийных органов, предприятий, учреждений, отдельных активистов допускались как в пользу религиозных обществ, так и в пользу государства. Причинами этого являются, во-первых, незнание законодательства о культах, в т.ч. всех указаний Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР, негласно ограничивавших деятельность религиозных обществ, прав служителей культов и верующих, во-вторых, желание отдельных лиц и учреждений поскорее добиться сокращения религиозных обществ и верующих, что было возможно только административными мерами, а, в третьих, авторитет отдельных служителей культа среди местного населения, еще не порвавшего с религией.

Представление Совету Министров СССР заключений по вопросам религиозных культов

Уполномоченный по УАССР как представитель союзного органа, обладающий всей полнотой информации о положении и деятельности религиозных культов в Удмуртии, был наделен правом готовить заключения по вопросам религиозных культов для СМ УАССР. Эти заключения уполномоченных касались вопросов открытия и закрытия молитвенных зданий, регистрации и снятия с регистрации религиозных обществ. Именно уполномоченный рассматривал обращения верующих о регистрации религиозных обществ и открытии молитвенных домов, но, естественно, опираясь на действующее законодательство о религиозных культах. До подготовки заключения он изучал состав просителей, их возрастной и социальный статус, учитывал общее количество просящих и наличие в округе действующих церквей и исходя из этого решал вопрос о

целесообразности удовлетворения просьбы. Инициатива закрытия (сноса) церкви (молитвенного дома), снятия с регистрации религиозного общества исходила всегда от советских органов – исполкомов Советов, но заключения по обращениям исполкомов всегда составлял уполномоченный. При подготовке заключений он пользовался материалами, предоставленными исполкомами Советов, а также сведениями, полученными им лично в ходе поездок в места действия религиозных обществ от членов церковных советов, личных наблюдений. По итогам рассмотрения обращений верующих и представлений исполкомов Советов уполномоченный готовил заключение для Совета Министров УАССР, который принимал постановления в соответствии с заключением уполномоченного.

Своевременное информирование Правительства СССР о состоянии религиозных культов в СССР, их положении и деятельности на местах, общий учет церквей, молитвенных зданий, составление статистических сводок по данным, представляемым Советам по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР местными советскими органами.

Основным документом, который регулярно готовил уполномоченный, являлся его отчет о работе за год или полугодие. В отчетах освещались следующие сведения за отчетный период: о происшедших изменениях в количестве зарегистрированных и нелегально действующих религиозных объединениях, о количественном и качественном составе священно- и церковнослужителей, краткие биографические данные о них, об обрядовой, проповеднической, финансово-хозяйственной деятельности, о динамике посещаемости молитвенных собраний и контингенте верующих, о реакции священнослужителей на принятые новые законы, решения правительства и партии о религии, а также о работе партийных и советских органов по борьбе с «религиозными суевериями».

Этот документ направлялся сразу в три адреса – соответствующий Совет при СМ СССР, Удмуртскому обкому КПСС и СМ УАССР. В отчетах до

1960г. отражалась лишь выборочная информация, а о научно-атеистической пропаганде до 1958 г. даже не упоминалось. Причинами информационной и аналитической ограниченности отчетов можно считать следующие:

1.Перечень вопросов, требующих отражения в отчете, определялся соответствующим Советом в зависимости от складывавшейся на тот момент политической ситуации, в связи с чем, освещались не все моменты деятельности уполномоченного;

2.Специфика изложения информации связана с личностью уполномоченного. Например, А.А.Халевин за два года (01.06.1957–02.04.1959гг.), возможно, недостаточно изучил деятельность религиозных культов, являясь одновременно еще и уполномоченным Совета по делам РПЦ, поэтому о неправославных культах писал весьма скудно.

Советам по делам РПЦ и религиозных культов, Удмуртскому обкому КПСС и СМ УАССР направлялись также докладные записки о прошедших молитвенных собраниях и службах в дни христианских и мусульманских праздников. В докладных содержались сведения о том, где прошли праздничные службы, сколько и каков был контингент присутствовавших на них, сколько денег было собрано и сколько было зафиксировано фактов хулиганства, о количестве проданных предметов культа. В этих донесениях чаще всего речь идет об РПЦ, реже о старообрядцах, евангельских христианах-баптистах и мусульманах. Чаще уполномоченный информировал соответствующие Советы в форме справок, записок, донесений о деятельности религиозных объединений в УАССР. Например, о проведении нелегальных молитвенных собраний евангельских христиан-баптистов, о численности старообрядческой общины, об объединении христиан веры в духе апостолов с общиной евангельских христиан-баптистов в г. Ижевске, о финансово-хозяйственной деятельности епархии, в частности, о деятельности свечной мастерской Ижевско-Удмуртской епархии. Часть таких записок также направлялись Совету Министров УАССР, Удмуртскому обкому КПСС и различным ведомствам (министерству финансов, прокуратуре УАССР).

Уполномоченный регулярно выезжал в места деятельности религиозных обществ, изучая их в ходе личных наблюдений и общения с представителями исполнительных органов религиозных обществ. По результатам этих поездок им готовились докладные записки о религиозной обстановке в отдельных городах, районах республики и религиозных обществах, которые направлялись им в Совет Министров УАССР, Удмуртский обком КПСС, горкомы и райкомы партии, исполкомы горсоветов и райсоветов. Записки и справки напоминали итоговые отчеты уполномоченного, но были более подробными и содержали рекомендации по преодолению тех или иных нежелательных с его точки зрения явлений.

Уполномоченным осуществлялся прием служителей культов, верующих по вопросам регистрации, организационной и хозяйственной жизни религиозных обществ. Записи о содержании просьб, заявлений на приемах направлялись Советам по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР, для сведения - обкому КПСС и СМ УАССР.

В обязанность уполномоченных входил учет церквей, молитвенных зданий, зарегистрированных и нелегально действующих религиозных объединений, составление статистических сводок. В каждом отчете уполномоченного имелись статистические сведения о зарегистрированных и незарегистрированных религиозных обществах, служителях культа и их возрасте, образовании, стаже.

Неполнота информации о количестве действующих религиозных объединений на территории СССР вызвала необходимость проведения учета религиозных объединений. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. № 263 «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», правительство республики приняло свое постановление от 14 августа 1961 г. № 382 «О проведении единовременного учета религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находящегося в пользовании церковных органов», по которому

обязанность по учету возлагалась на исполкомы Советов и инспекторов ЦСУ.²⁴²

В начале 1961 г. в Удмуртии действовало 35 зарегистрированных религиозных обществ: 26 православных церквей²⁴³, 9 религиозных культов – 5 мусульманских, 1 – ЕХБ, 2 – старообрядцев белокриницкого согласия, 1 – старообрядцев беглопоповского согласия²⁴⁴. Продолжали действовать около 10 незарегистрированных групп верующих²⁴⁵ мусульман, ЕХБ, пятидесятников, старообрядцев. Учет, проходивший в августе-октябре 1961 г., показал, что в республике действуют 22 зарегистрированных религиозных общества РПЦ в 12 районах и 5 городах, а также 1 незарегистрированная группа в Каракулинском районе²⁴⁶. Были учтены 5 зарегистрированных религиозных обществ мусульманского вероисповедания в 2 городах, 2 районах республики и 2 незарегистрированные группы.

Действовали также 2 общества и 1 незарегистрированная группа старообрядцев белокриницкого согласия; 1 зарегистрированное общество старообрядцев беглопоповского согласия, 15 незарегистрированных групп беспоповского согласия.

Выявлено 1 зарегистрированное общество и 3 незарегистрированные группы евангельских христиан-баптистов.

Были выявлены и незарегистрированные группы пятидесятников (3 группы), Истинно-православной церкви (2 группы), Истинно-православных христиан (1 группа), католиков (1 группа), лютеран (1 группа)²⁴⁷.

Учет показал, что в Удмуртии реально действовало 31 зарегистрированное общество и 30 незарегистрированных групп.

В пользовании 22 православных религиозных обществ находилось: 31 жилой дом, 37 хозяйственных построек, 3 легковых автомобиля²⁴⁸. Из 35 зданий недействующих церквей 74 % (26 храмов) использовались по склад, 8,5% (3) – под сельские клубы, 8,5 % (3) - под другие цели, 8,5 % (3) – не использовались вообще.²⁴⁹

У двух зарегистрированных старообрядческих религиозных обществ белокриницкого согласия в ведении находилось 2 молитвенных здания, 1 жилой дом и 1 складское помещение, 3 священника, 17 человек обслуживающего персонала²⁵⁰; у одного зарегистрированного общества старообрядческой церкви беглопоповского согласия – 1 молитвенный дом, 1 священник, 4 человека обслуживающего персонала, 1 жилой дом как пристрой к церкви²⁵¹; у пяти зарегистрированных религиозных обществ мусульманского вероисповедания в ведении находилось 5 специализированных зданий, 5 хозяйственных построек, 2 жилых дома, обслуживало 5 мулл, 1 муэдзин, 11 человек обслуживающего персонала²⁵²; у одного зарегистрированного общества ЕХБ – 1 специальное здание, 1 сарай, 1 пресвитер, и 54 человека обслуживающего персонала²⁵³.

Единовременный учет дал более реальную картину действующих религиозных объединений и верующих, посещавших эти группы и общества. Появилась возможность скорректировать деятельность всех советских, партийных и общественных организаций по проведению научно-атеистической пропаганды, культурных мероприятий с целью отвлечения сознания населения республики от «религиозных пережитков», а также мероприятий, направленных на самоликвидацию церковных обществ и групп и дальнейшее ограничение деятельности священно- и церковнослужителей.

Таким образом, в 1958–1964 гг. на территории Удмуртии уполномоченные Советов по делам РПЦ и религиозных культов при Совете Министров СССР по Удмуртской АССР осуществляли государственную политику в отношении религиозных объединений, духовенства и верующих в соответствии с решениями партии, постановлениями правительства, указаниями Советов по делам РПЦ и религиозных культов, которые были направлены на искоренение религиозных предрассудков советских граждан.

Огромное значение в реализации новой государственно-конфессиональной политики играли возраст, образование, опыт и другие качества уполномоченных. Примечательно, что в большей степени

реализация государственной религиозной политики в Удмуртии осуществлялась Д.М.Шестаковым, имевшим наибольший партийный опыт. На время его работы в должности уполномоченного Советов приходится наиболее жесткие акции – ликвидация Ижевско-Удмуртской епархии, сокращение количества действовавших религиозных обществ, снос Вознесенско-Преображенского собора в г. Глазове, привлечение к уголовной ответственности отдельных служителей культов.

На протяжении всего периода уполномоченными проводилась работа по изучению всех религиозных объединений Удмуртии, деятельности священнослужителей, обрядности; организована работа с местными советскими и партийными органами по контролю за соблюдением законодательства о культах с учетом требований Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР; организовано своевременное информирование Советов по делам РПЦ и религиозных культов, СМ УАССР, Удмуртского ОК КПСС, местных партийных и советских органов о религиозной ситуации в районах, городах и республике в целом, по отдельным вопросам соблюдения законодательства о культах с рекомендациями по ликвидации разнообразных нарушений со стороны духовенства, расширения научно-атеистической работы, о методах работы с духовенством, членами церковных советов и пр.

Одним из методов, направленных на искоренение религиозных предрассудков советских граждан, было снятие с регистрации действовавших религиозных обществ. Сильнее этой атаке была подвержена РПЦ. За весь период было снято с регистрации 11 православных обществ.

Имевшиеся в эти годы заявления об открытии культовых зданий и регистрации религиозных обществ не были решены положительно местным уполномоченным обоим Советов. В последующие годы заявления не поступали вообще, что объясняется заведомой бесплодностью обращений верующих и активизацией партийных и советских органов по разложению нелегально действующих религиозных групп. Кроме того, имелись факты

замалчивания уполномоченным поступления заявлений о регистрации обществ, что говорило о его желании не показывать реальную ситуацию в республике.

Осуществление антирелигиозной политики было невозможно без помощи исполкомов местных Советов. Ими неоднократно было использовано право отвода нежелательных лиц из состава исполнительного органа религиозного общества. Благодаря включению в члены «двадцатки» ставленников власти складывалась благоприятная ситуация, позволявшая оказывать влияние на религиозное общество.

Уполномоченные Советов и местные советские органы делали все возможное для предотвращения ремонта и дополнительного украшения помещений молитвенных зданий, чтобы под предлогом ветхости зданий закрыть их.

Для отстранения священнослужителей от руководства финансово-хозяйственной деятельностью религиозного общества, лишения духовенства материальной заинтересованности в священнической деятельности, получения более точных сведений о церковной обрядности, выявления лиц, совершавших религиозные обряды в Удмуртии был осуществлен перевод духовенства на твердое денежное содержание и введение квитанционного учета требоисправлений.

В связи с привлечением государством церковного ресурса в решении внешнеполитических задач потребовались значительные финансовые средства, которые должны были предоставить сами религиозные центры и их общества. Для сбора необходимых средств уполномоченный Совета по делам РПЦ настойчиво рекомендовал местным религиозным обществам сдавать свободные деньги в фонд защиты мира.

Религиозные права граждан в Удмуртии всячески ограничивались. Детям, подросткам и молодежи запрещалось посещать храмы, участвовать в богослужениях. Паломничества также были запрещены. В эти годы были предприняты шаги по замене религиозных обрядов безрелигиозными. Но в

целом по республике данная работа была поставлена плохо и значительных результатов по отвлечению населения от религии не наблюдалось.

Контроль за соблюдением законодательства о культах осуществляли комиссии при исполкомах и уполномоченные Советов.

Уполномоченный активно осуществлял контроль за соблюдением законодательства о культах путем посещения религиозных обществ, бесед с нарушителями; координировал работу исполкомов и их комиссий, партийных органов, организуя семинары и лекции по разъяснению законодательства о культах, обобщая имевшийся материал о религиозной обстановке в республике и фактах нарушения законодательства, предлагая пути и способы решения отдельных проблем.

Нарушения законодательства о культах со стороны советских и партийных органов, предприятий, учреждений, отдельных активистов допускались как в пользу государства, так и в пользу религиозных обществ.

Подводя итог, следует отметить, что на фоне других регионов реализация государственной религиозной политики в Удмуртии представляла собой нечто среднее: она не выделялась ни слабостью реализации законодательных актов и установок Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР, как это было в Ростовской²⁵⁴ и Кировской²⁵⁵ областях, ни наличием вопиющих нарушений и перегибов в реализации этой политики, как в Ярославской области²⁵⁶ или Чувашской АССР²⁵⁷.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971. Т.7 1955-1959. – М., 1971. – С.373,387.

² Чумаченко Т.А. Государство, церковь и верующие. 1941-1961. – М., 1999. – С.180.

³ Общество «Знание» – в 1947-1951 гг. – Удмуртское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний; в 1951-1964 гг. – Удмуртское отделение Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР; в 1964-1993 гг. – Удмуртская организация общества «Знание» РСФСР; с 1993г. – Общество «Знание» Удмуртской Республики. Общественная организация, распространяющая знания, способствующие развитию гуманитарной, политической и духовной культуры, профессиональному, экономическому, правовому дополнительному образованию. (ЦГА УР, ф.Р-1152, оп. 1, историческая справка; оп. 1, д. 124, л. 1, д. 664; Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск, 2000. – С. 336).

⁴ Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941-1961 гг. – М., 1999. – С.184-185.

- ⁵ ЦГА УР, Р-551, оп.1, д.135, л.110. В постановлении религиозные организации и верующие противопоставлялись другой части общества – «сознательно и активно» строящим коммунизм гражданам. Критически оценивая состояние атеистической работы в стране, ЦК призывал «решительно покончить с пассивностью в отношении к религии, разоблачать ее реакционную сущность...». ЦК КПСС обязывал заниматься атеистической работой не только партийные организации, но и государственные учреждения. (Чумаченко Т.А. Советское государство и Русская Православная церковь в 1941-1961 гг. // Религиоведение. – 2002. – № 1. – С.27).
- ⁶ ЦДНИ УР, ф.407, оп.12, д.524, л.9, 26об.; ф. 690, оп.11, д.2, л.80-81; ф. 686, оп.1, д.168, л.129, 151.
- ⁷ Там же, ф. 690, оп.11, д.2, л.81
- ⁸ Там же, ф.686, оп.1, д.168, л.123, 129, 151
- ⁹ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д. 142, л.214
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же, л.215
- ¹² Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М., 1971. – С.45.
- ¹³ ЦДНИ УР, ф.756, оп.10, д.15, л.14; ф.814, оп.7, д.379, л.21-22; ф.716, оп.17, д.9, л.2,5,6,8,9,14; ф.311, оп.1, д.348, л.23, 44-46; ф.654, оп.10, д.186, л.71
- ¹⁴ Алексеев В.А. Ответили ли принципам свободы совести церковно-государственные отношения в СССР в период «оттепели» / Свобода совести в духовном возрождении Отечества. – М., 1994. – С.131.
- ¹⁵ ЦДНИ УР, ф.393, оп.13, д.15, л.6
- ¹⁶ Там же, ф.726, оп.10, д.33, л.22
- ¹⁷ Там же, ф.814, оп.7, д.379, л.22
- ¹⁸ Там же, ф. 311, оп.1, д.348, л.23
- ¹⁹ Там же, л.44-46
- ²⁰ Там же, д.349, л.94-95
- ²¹ Там же, ф.726, оп.10, д.33, л.220об.
- ²² Там же, ф.407, оп.12, д.794, л.67-67об.
- ²³ Там же, л.67-68
- ²⁴ ЦГА УР, Ф.Р-1152, оп.1, д.48, л.19
- ²⁵ Там же, л.27-30
- ²⁶ Там же, л.174
- ²⁷ Динамику чтения лекций см. в Таблице 4.
- ²⁸ ЦГА УР, Ф.Р.1152, оп.1, д.49, л.61, 64, 66.
- ²⁹ Там же, д.54, л.87-88
- ³⁰ Там же, д.49, л.182-186
- ³¹ Там же, л. 163-166
- ³² Отчет ЦК КПСС XXII съезду КПСС (Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева) / Материалы XXII съезда КПСС. – М., 1962. – С.111.
- ³³ Материалы XXII съезда КПСС. – М., 1962. – С.111-112.
- ³⁴ Устав КПСС / Материалы XXII съезда КПСС. – М., 1962. – С.431.
- ³⁵ ЦДНИ УР, ф.407, оп.15, д.2, л.22, ф.727, оп.13, д.4, л.25, ф.814, оп.9, д.1, л.5, 28-29, ф.721, оп.1, д.297, л.23, ф.313, оп.9, л.304, л.50; ф.393, оп.14, д.3, л.28-29
- ³⁶ Там же, ф.16, оп.1, д.8463, л.13
- ³⁷ Там же, д.8117, л.3, 4об., 13, 16об., д.8115, л.23, д.8728, л.59-59об., д.8730, л.150-150об., д.9080, л.100, д.9081, л.26, 98, д.9428, л.35, 39, д.9429, л.5, д.9430, л.66, д.9431, л.30, д.9836, л.104, д.9837, л.124, д.9838, л.5
- ³⁸ Там же, ф.727, оп.13, д.2, л.144
- ³⁹ Ильичев Л.Ф. XXII съезд КПСС и задачи идеологической работы / XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы: Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы 25-28 декабря 1961 г. – М., 1962. – С.46.
- ⁴⁰ Там же, с.46-47. По материалам Совета по делам РПЦ при СМ СССР в 1961 г. религиозная обрядность в Украинской ССР составила 41%, Молдавской ССР- 49%, в Ульяновской и Рязанской областях, Чувашской АССР обрядность по сравнению с 1960 г. даже возросла и составила 55%, 53% и 63% соответственно. (ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.152, л.104)
- ⁴¹ Ильичев Л.Ф. XXII съезд КПСС и задачи идеологической работы / XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы: Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы 25-28 декабря 1961 г. – М., 1962. – С.48.
- ⁴² Там же, с.47.
- ⁴³ Материалы XXII съезда КПСС. – М., 1962. – С.411.
- ⁴⁴ Постановление ЦК КПСС от 6 июня 1962 г. «О руководстве Минского обкома Коммунистической партии Белоруссии идеологической работой» / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971. Т.8. 1959-1965. – М., 1972. – С.346.

- ⁴⁵ Постановление ЦК КПСС от 6 июня 1962 г. «О руководстве Куйбышевского обкома партии идеологической работой» / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971. Т.8. 1959-1965. – М., 1972. – С.375-377.
- ⁴⁶ ЦДНИ УР, ф.16, оп.1, д.9104, л.8-9
- ⁴⁷ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.158, л.113
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Цит. по: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000. – С.384.
- ⁵⁰ Шкаровский М.В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000. – С.384.
- ⁵¹ Постановление Пленума ЦК КПСС «Об очередных задачах идеологической работы партии» / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971. Т.8. 1959-1965. – М., 1972. –С.438
- ⁵² Там же, с.433.
- ⁵³ ЦДНИ УР, ф.4750, оп.1, д.89-90, 101-102, 124-125, ф.4761, оп.1, д.2, л.73, ф.4755, оп.1, д.3, л.115, ф.4758, оп.1, д.8, л.79-81, ф.4754, оп.1, д.5, л.70-72, ф.4757, оп.1, д.3, л.85-86, ф.4772, оп.1, д.2, л.65-67, ф.4756, оп.1, д.2, л.79-80.
- ⁵⁴ Там же, ф.4754, оп.1, д.5, л.71.
- ⁵⁵ Там же, ф.4750, оп.1, д.3, л.124
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же, ф.4761, оп.1, д.2, л.73
- ⁵⁸ Там же, ф.4757, оп.1, д.3, л.86
- ⁵⁹ Там же, ф.4754, оп.1, д.5, л.72
- ⁶⁰ Там же, ф.4772, оп.1, д.2, л.67
- ⁶¹ РГАНИ, ф.72, оп.1, д.15, л.3
- ⁶² Там же, д.9, л.40
- ⁶³ Там же, л.43
- ⁶⁴ Там же, ф.72, оп.1, д.9, л.53
- ⁶⁵ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.2, д.2366, л.65
- ⁶⁶ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000. – С.387.
- ⁶⁷ Государство. Общество. Церковь. XX век.: Хрестоматия по спецкурсу. – М., 1999. – С.78-80.
- ⁶⁸ Шкаровский М.Ф. Указ. соч. – С.387
- ⁶⁹ ЦДНИ УР, ф.4750, оп.1, д.313, л.9-10
- ⁷⁰ См.ЦДНИ УР, ф.4750, оп.1, д.312, л.81-83
- ⁷¹ ЦГА УР, Ф.Р-1152, оп.1, д.87, л.5
- ⁷² Там же, л.3
- ⁷³ ЦДНИ УР, ф.4756, оп.1, д.20, л.178
- ⁷⁴ Там же, ф.4755, оп.1, д.8, л.91
- ⁷⁵ ЦГА УР, Ф. Р-1152, оп.2, д.109, л.7, 8, 9.
- ⁷⁶ ЦДНИ УР, ф.4754, оп.1, д.326, л.14
- ⁷⁷ Там же, ф.16, оп.1, д.9316, л.124
- ⁷⁸ Там же, ф.4754, оп.1, д.330, л.42
- ⁷⁹ Там же, Ф.4757, оп.1, д.466, л.58-59
- ⁸⁰ Там же, ф.4754, оп.1, д.326, л.13-14
- ⁸¹ Там же, ф.16, оп.1, д.9316, л.124
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же, л.125; ф.4754, оп.1, д.330, л.43
- ⁸⁴ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.169, л.85-105
- ⁸⁵ Там же, Ф.Р-1671, оп.1, д.18, л.11
- ⁸⁶ ЦДНИ УР, ф.16, оп.1, д.9200, л.26-27; д.9201, л.1-4
- ⁸⁷ Там же, д.9498, л.116-121об.
- ⁸⁸ Там же, д. 9293, л.9-17
- ⁸⁹ Там же, ф.16, оп.1, д.9498, л.118-118об., 121об.
- ⁹⁰ Там же, д.9558, л.42; ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.158, л.96-97
- ⁹¹ ЦДНИ УР, ф.16, оп.1, д.9558, л.43
- ⁹² Там же, д.9557, л.7
- ⁹³ Там же, ф. 407, оп.12, д.794, 67-67об
- ⁹⁴ Там же, ф.16, оп.1, д.8817, л.26, 40-42
- ⁹⁵ ЦГА УР, ф. Р-551, оп.1, д.140, л.31
- ⁹⁶ Там же, д.152, л.10а. О содержании постановлений см. Главу 2.2.
- ⁹⁷ Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» // Отечественные архивы. – 1994. – № 5. – С.58.
- ⁹⁸ Там же, л.62
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ ЦГА, Ф.Р-551, оп.2, д.519, л.178

-
- 101 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.64, л.1-2
102 Там же, оп.2, д.590, л.206
103 Там же, д.1838, л.53; д.2366, л.65; д.2654, л.89
104 Там же, д.2654, л.127; д.3334, л.71
105 Там же, д.3335, л.37; д.3548, л.136
106 Там же, д.2366, л.65.
107 Там же, оп.1, д.132, л.27
108 Там же, оп.2, д.2366, л.65.
109 Там же, оп.1, д.135, л.107
110 Там же, оп.2, д.2519, л.7, д.2523, л.66-67
111 Там же, д.2658, л.41-42
112 Там же, оп.1, д.139, л.241
113 Там же, л.209
114 Там же, л.210
115 Там же, оп.2, д.2655, л.139-140; оп.1, д.142, л.213
116 Там же, оп.1, д.142, л.146
117 Там же, оп.2, д.2666, л.9
118 ГАРФ, ф.6991 г., оп.2, д.253, л.216
119 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.139, л.138
120 Там же, л.170
121 Там же, оп.2, д.2815, л.16-20; ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.283, л.9,10
122 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.2, д.3073, л.24-26; ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.448, л.50
123 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.2, д.3070, л.226-227; ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.450, л.208
124 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.2, д.3077, л.103
125 ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.485, л.165
126 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.213
127 АОА МО «г. Глазов», Ф.Р-31, оп.1, д.259, л.28-29
128 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.2, д.3070, л.38
129 АОА МО «г. Глазов», ф.Р-31, оп.1, д.259, л.29-30
130 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.2, д.3070, л.226-228
131 ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.206, л.1, д.486, л.113
132 Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. –С.243, 260-261.
133 АОА МО «г. Глазов», ф.Р-31, оп.1, д.259, л.28
134 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.96
135 Там же, л.117, 172; д.147, л.122
136 Там же, д.147, л.13
137 Там же, д.152, л.12
138 Там же, л.90-90об.
139 Там же, л.78-78об.
140 Там же, л.121
141 Там же, д.142, л.278
142 Там же, л.85
143 Там же, д.147, л.149
144 Там же, д.135, л.110
145 Там же, д.158, л.110
146 Там же, д.142, л.82
147 Там же, д.169, л.103
148 ЦДНИ УР, ф.16, оп.1, д.8817, л.26,40-42
149 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.158, л.23
150 Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» // Отечественные архивы. – 1994. – № 5. – С.49
151 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.147, л.23
152 Там же, д.158, л.27
153 Там же, д.142, л.125
154 Там же, л.13
155 Там же
156 Там же, л.65
157 Там же, л.276
158 Там же, л.150
159 Там же, л.126, 279
160 Там же, л.124, 127
161 Там же, л.152, 154

-
- 162 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.212
- 163 Там же, л.211
- 164 Там же, д.139, л.159
- 165 Там же, д.142, л.211
- 166 Там же, д.152, л.73
- 167 Там же, д.164, л.14
- 168 Шкаровский М.В. русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000. – С.315.
- 169 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.152, л.23
- 170 Там же, д.147, л.22-23
- 171 Там же д.158, л.26об.-27. Сведений о поступлении денег в 1958-1959 гг. не обнаружено.
- 172 Там же, л.31
- 173 Там же, д.164, л.29
- 174 Там же, Ф.Р-1671, оп.1, д.18, л.15-16
- 175 Там же, Ф.Р-551, оп.1, д.164, л.157. Сведения о более ранних отчислениях не обнаружены.
- 176 Там же, д.169, л.110
- 177 Там же, д.164, л.157. Сведения о более ранних отчислениях не обнаружены.
- 178 Там же, д.169, л.110
- 179 Там же, д.158, л.141
- 180 Там же, д.164, л.146. Сведения о более ранних отчислениях не обнаружены.
- 181 Там же, л.157
- 182 Там же, д.169, л.110
- 183 Там же, д.139, л.106, д.142, л.49
- 184 Там же, д.139, л.107
- 185 Там же, л.109
- 186 Там же, д.142, л.136
- 187 Там же, л.139, д.147, л.16
- 188 Там же, д.152, л.13
- 189 Там же, д.158, л.110
- 190 Там же, л.101
- 191 Там же, д.142, л.156-157, 161; д.147, л.14
- 192 Там же, оп.2, д.3174, л.96-97
- 193 Там же, оп.1, д.164, л.35-36.
- 194 АОО МО «г. Глазов», ф.Р-31, оп.1, д.259, л.26
- 195 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.147, л.26, д.152, л.25
- 196 Там же д.142, л.197-199, д.152, л.25, д.164, л.148
- 197 Там же, д.139, л.111, д.142, л.132
- 198 Там же, д.142, л.179-180
- 199 Там же, д.147, л.14-15. До 1962 г. при исполкоме Ижевского горсовета комиссия так и не была создана.
- 200 Там же, д.142, л.179-180
- 201 Там же, д.152, л.12
- 202 Там же, л.13
- 203 Там же, л.120
- 204 Там же.
- 205 Там же, л.121
- 206 Там же, д.147, л.127
- 207 ЦДНИ УР, ф.16, оп.1, д.9498, л.118-118об., 121об.
- 208 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.2, д.3180, л.38-40
- 209 Там же, оп.1, д.164, л.11
- 210 Там же, л.13
- 211 Там же, ф.Р-442, оп.1, д.90, л.7
- 212 Там же, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.176, 177, 190-190
- 213 Там же, д.147, л.18, 176
- 214 Там же, д.142, л.128-129
- 215 Там же, л.177
- 216 Там же, д.140, л.31
- 217 Там же, д.147, л.82; ГАРФ, Ф.6991, оп.2, д.284а, л.41
- 218 ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.284а, л.55
- 219 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.139, л.190-191, д.142, л.140-141
- 220 Там же, д.142, л.141-142
- 221 Там же, д.147, л.16
- 222 Там же.

-
- ²²³ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.158, л.22
²²⁴ Там же, д.258, л.22-23
²²⁵ Там же, д.164, л.14
²²⁶ Там же, л.13
²²⁷ Там же, Ф.Р-1671, оп.1, д.18, л.10
²²⁸ Там же, Ф.Р-551, оп.1, д.152, л.120
²²⁹ Там же.
²³⁰ Там же, д.158, л.110
²³¹ Там же, д.164, л.153; д.169, л.91
²³² Там же, д.142, л.280
²³³ Там же, д.139, л.212
²³⁴ Там же, д.142, л.216
²³⁵ ЦДНИ УР, ф. 727, оп.13, д.4, л.25
²³⁶ Удмуртская правда.- 1962.-5 августа.
²³⁷ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.164, л.151
²³⁸ Там же, д.169, л.94
²³⁹ Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. – Казань, 2002. – С.110.
²⁴⁰ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.169, л.88
²⁴¹ Там же, л.90
²⁴² Там же, оп.2, д.2962, л.1-2.
²⁴³ ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.288, л.85
²⁴⁴ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.147, л.12; д.142, л.273
²⁴⁵ Там же, д.142, л.279-280
²⁴⁶ ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.321, л.12-34
²⁴⁷ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.2, д.2966, л.16
²⁴⁸ ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.321, л.3
²⁴⁹ Там же, л.35-69
²⁵⁰ ГАРФ, Ф.6991, оп.4, д.318, л.3-3об, 11-11об.
²⁵¹ Там же, л.20-20об.
²⁵² Там же, л. 21-22об., 24-26об.
²⁵³ Там же, л.28-28об.
²⁵⁴ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.139, л.198-201
²⁵⁵ Там же, д.142, л.131-133
²⁵⁶ Там же, д.147, л.151
²⁵⁷ ГАРФ, ф.6991, оп.4, д.147, л.120

ГЛАВА III. РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В УДМУРТИИ В КОНЦЕ 1950-Х – СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГГ.

Религиозная ситуация в Удмуртии может быть проанализирована на основе материалов Всесоюзной переписи населения 1959 г., сведения которой дают возможность охарактеризовать национально-конфессиональный состав населения республики, а также сравнить особенности реализации государственно-конфессиональной политики с некоторыми регионами страны.

На начало 1959 г. УАССР занимала площадь в 42, 1 тыс. кв. км, на которой располагалось 6 городов, 14 поселков городского типа и 29 сельских районов.¹ Всего в республике проживало 1336927 человек, из них: удмуртов – 475, 9 тыс. чел. (35,6%), русских – 758, 8 тыс. чел. (56,8%), татар – 71,9 тыс. чел. (5,4%), других национальностей – 2,2%.

Всего было зарегистрировано 71930 татар, наибольшее число которых проживало в: г. Ижевске – 28264 чел., г. Сарапуле – 3863, г. Воткинске – 2347, г. Глазове – 1879, районах: Можгинском – 6402 (в т.ч. г. Можге – 4636), Балезинском – 4618, Юкаменском – 3858, Кизнерском – 2798, Камбарском – 2127 (в т.ч. г. Камбарке и р.п. Бутыш – 1878), Граховском – 1710, Мало-Пургинском – 1559, Игринском – 1406, Алнашском – 1349, Ижевском – 1216, Сарапульском – 1136.² Данные цифры говорят о большом количестве татар, проживавших в южных районах республики, вторая же крупная группа компактного проживания татар – север республики. Данное территориальное расположение татарского населения в Удмуртии предопределило местонахождение действующих мечетей и нелегально действующих религиозных групп: г. Сарапул, г. Можга, пос. Пугачево Мало-Пургинского района, дер. Ахмади Балезинского района, дер. Лака-Тыжма Кизнерского района, пос. Кизнер, г. Ижевск, г. Воткинск, дер. Падера Балезинского района, дер. Кестым Балезинского района, дер. Тат. Парзи Глазовского района. В зарегистрированных религиозных обществах, расположенных в

г.Ижевске, г.Воткинске, Бalezинском и Игринском районе, проживало 51 % (36635 чел.) татар республики. Незарегистрированные религиозные объединения располагались на территории, где проживало 18 % татар (12856 чел.) без учета Бalezинского района, следовательно, мусульманские религиозные объединения действовали на территории проживания 69 % (50255 чел.) татар.

По официальным данным зарегистрированные мечети в 1959 г. посещало 3900 верующих, что составляет 11 % от общего числа населения, проживавшего в районах деятельности мечетей. Однако эта цифра очень относительна, т.к. мечети посещали лишь мужчины и не только из данного района. Кроме того, в общее число проживавших в данных районах татар вошло и население моложе 18 лет.

Известно, что мужчины-татары в г. Ижевске составляли 12747 чел., а 3000 человек посещало мечеть в городе, что составляет 23,5 %. Бесспорно, реальный процент верующих в городе был иным, учитывая, что в общее число мужчин татар вошли и лица моложе 18 лет, а также верующие из других районов Удмуртии. Однако если сравнивать процент религиозности населения в населенных пунктах, где располагались действующие религиозные объединения, и населенных пунктах, где их не было – степень религиозности в местностях с действующими религиозными обществами будет выше. В целом же выявить степень религиозности татарского населения, связанного с исламом, в исследуемый период невозможно, т.к., с одной стороны, такой статистики не существовало, а с другой, среди татарского населения религия сохранялась на бытовом уровне. Следует отметить, что ислам исповедовали преимущественно татары, имевшие с ним крепкую историческую связь, и по сей день ассоциирующиеся с данной религией.

Такая же крепкая связь наблюдалась у немцев-спецпереселенцев, проживавших в поселках торфопредприятий в Ижевском, Нылгинском,

Старо-Зятцинском, Вавожском и Увинском районах УАССР, с лютеранством и протестантизмом (баптизмом, адвентизмом и евангелизмом).

Установить степень религиозности других национальностей проблематично, т.к., например, русские, с одной стороны, исповедовали преимущественно православие, имеющее несколько направлений – РПЦ и старообрядчество с множеством течений, а с другой, среди них были лица, исповедующие протестантизм. Такая же ситуация складывалась и с коренным населением республики – удмуртами.

В начале нового этапа государственно-конфессиональных отношений зарегистрированные и незарегистрированные религиозные объединения Удмуртии посещали более 10 тыс. человек³. В 1958 г. – начале 1959 г. в Удмуртии всего было зарегистрировано 38 религиозных обществ: 29 – РПЦ (76%), 5 – мусульманских (13%), 3 – старообрядческих (8%), в т.ч. 2 – старообрядческих белокриницкого согласия, 1 старообрядческое общество беглопоповского согласия, 1 общество ЕХБ (3%).

С целью соотнесения реализации антирелигиозной политики в разные периоды советской власти представляется целесообразным сравнение с некоторыми статданными предыдущих этапов политики: 1943–1948 гг., 1948–1954 гг.

К июлю 1944 г. в республике действовало 18 религиозных обществ: 11 православных, 6 мусульманских и одна община старообрядцев в Камбарке. В то же время в Удмуртии насчитывалось 203 закрытых молитвенных зданий, из них: 168 православных церквей, 25 мечетей, 8 старообрядческих церквей, 1 синагога и 1 молитвенный дом евангельских христиан.⁴

На территории Удмуртии на 1 июля 1948 г. действовало 39 религиозных обществ: 29 православных церквей⁵ в 20 районах из 37⁶, в которых служило 52 священника и диакона⁷; 5 мусульманских религиозных обществ, 3 общества старообрядцев (2-белокриницкого согласия, 1-беглопоповского согласия), 2 общества ЕХБ, обслуживавшиеся одним служителем культа в каждом обществе.⁸

На 1 января 1954 г. в Удмуртии было зарегистрировано 38 религиозных обществ: 29 православных церквей, которые обслуживали 52 священника и диакона (в т.ч. 1 архиерей)⁹; 5 мусульманских религиозных обществ, 3 общества старообрядцев (2 – белокрыницкого согласия, 1 – беглопоповского согласия), 1 общество ЕХБ, обслуживавшиеся 7-ю служителями культа (4 муллами, 2 священниками, 1 пресвитером).¹⁰

Новая антирелигиозная политика государства конца 1950-х – середины 1960-х гг. сказалась на деятельности каждого религиозного объединения республике и положения религии в целом. Для понимания причин, этапов, форм и методов работы партии и государства, направленных на ликвидацию религиозного сознания, в ходе которого решались конкретные практические задачи сокращения числа религиозных объединений, служителей культа, обрядов, верующих, необходимо выяснить ситуацию внутри каждого религиозного объединения, действовавшего на территории Удмуртии. Религиозная обстановка даст возможность оценить масштабы и степень успеха в реализации политики государства и партии в отношении каждого религиозного объединения и целого религиозного направления, а также сравнить положение религиозных объединений между собой.

С этой целью каждое религиозное направление будет рассмотрено по единой схеме: масштаб распространения в Удмуртии, количество зарегистрированных и незарегистрированных религиозных объединений, количество совершенных обрядов за исследуемый период, степень посещения религиозных служб, контингент верующих, численность и качественная характеристика служителей культа, методы работы священнослужителей и их отношение к власти, а также внутреннее положение в религиозном направлении, характеристика незарегистрированных религиозных объединений по тем же категориям. В связи с тем, что отдельные религиозные движения были представлены в Удмуртии незначительно, а, следовательно, изучению их деятельности уделялось меньше внимания, чем, например, РПЦ, исламу, протестантизму,

то представляется целесообразным дать общие сведения о возникновении в начале XX в. и существовании таких течений в русском православии как ИПЦ и ИПХ.

3.1. Религиозные общества Русской православной церкви

К началу 1958 г. из 18564 зарегистрированных в СССР религиозных обществ 13413¹¹ составляли православные (более 72 % от общего числа всех религиозных обществ страны). На это же время в РСФСР действовало 2930¹² зарегистрированных православных церквей и молитвенных домов.

Соотношение зарегистрированных религиозных обществ в Удмуртской АССР на 1 января 1958 г. соответствовало общесоюзным показателям: из 38 религиозных обществ 29¹³ были православными, что составляло 76 % от общего количества зарегистрированных религиозных обществ.

В разные хронологические промежутки они размещались в следующих населенных пунктах:

№ п/п	Населенные пункты	Название церкви	Октябрь 1958 г.	Октябрь 1961 г. ¹⁴	Январь 1965 г. ¹⁵
1	2	3	4	5	6
1	г. Воткинск	Преображенская церковь	✓	✓	✓
2	г. Воткинск	Богородицкая церковь	✓	-	-
3	г. Глазов	Георгиевская церковь	✓	✓	-
4	г. Ижевск	Троицкая церковь	✓	✓	✓
5	г. Ижевск	Успенская церковь	✓	✓	✓
6	г. Камбарка	Не установлено	✓	✓	✓
7	г. Сарапул	Воскресенская церковь	✓	✓	✓
8	г. Сарапул	Георгиевская церковь	✓	✓	-
9	с. Можга Можгинский район	Богородицкая церковь	✓	✓	✓
10	с. Каменное Заделье Балезинский район	Трифоновская	✓	✓	✓

1	2	3	4	5	6
11	с. Водзимонье Вавожский район	Воскресенская	✓	✓	✓
12	с. Тыловыл-Пельга Вавожский район	Петропавловская	✓	✓	✓
13	с. Перевозное Воткинский район	Вознесенская	✓	✓	✓
14	с. Новогорское Граховский район	Пророко-Ильинская	✓	✓	✓
15	с. Чумой Игринский район	Богоявленская	✓	-	-
16	с. Люк Ижевский район	Петропавловская	✓	-	-
17	с. Советское Никольское Ижевский район	Не установлено	✓	✓	-
18	с. Короленко Кизнерский район	Не установлено	✓	✓	✓
19	с. Полько Кизнерский район	Успенская	✓	-	-
20	с. Архангельское Красногорский район	Вознесенская	✓	-	-
21	с. Васильево(ское) Красногорский район	Не установлено	✓	✓	✓
22	с. Данилово Красногорский район	Спасская	✓	✓	-
23	с. Поршур Можгинский район	Николаевская	✓	✓	✓
24	с. Русский Пычас Нылгинский район	Александро-Невская	✓	✓	✓
25	с. Уть-Сюмси Селтинский район	Космо-Дамианская	✓	-	-
26	с. Удугучин Старо-Зятцинский район	Александро-Невская	✓	✓	✓
27	с. Сям-Можга Увинский район	Михайло-Архангельская	✓	✓	✓
28	с. Кекоран Як-Бодьинский район	Христорождественская	✓	✓	✓
29	с. Сада Ярский район	Вознесенская	✓	-	-

В 10 из 29 районов республики не было ни одной действующей церкви. Дальнейшее закрытие церквей привело к тому, что к началу 1960 г. церкви отсутствовали в 12 районах¹⁶, в 1961 г. – в 13 районах¹⁷. Максимальное число закрытых церквей пришлось на 1961 г. и 1962 г. – 4 и 3 церкви соответственно.

Однако посещаемость храмов оставалась на высоком уровне. Церкви продолжали посещать все категории населения: женщины, мужчины, молодежь, а также дети дошкольного и школьного возраста.

Учет религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находящегося в пользовании церковных органов, проведенный в августе-октябре 1961 г., показал, что в республике действовали 22 зарегистрированных религиозных общества РПЦ.

В пользовании обществ находилось 13 каменных и 9 деревянных храмов, в которых служили 324 человека,¹⁸ в т.ч. 31 священник и 9 диаконов¹⁹.

В результате проведенной в республике антирелигиозной кампании, к началу 1965г. в Удмуртии осталось лишь 18 действующих православных церквей в 9 районах из 19 и в 4 городах из 5.

Всего за 7 лет (1958-1964 гг.) количество церквей в Удмуртии сократилось на 38%. (См. таблицу 3).

Показателем религиозности населения, будь она глубоко осознанная или проявляющаяся в силу традиции, является совершение религиозных обрядов и различных треб. В 1958 г. по сравнению с предыдущим годом еще наблюдалось некоторое увеличение количественных показателей: число крещений увеличилось с 15187 до 16694, венчаний – с 780 до 1257, отпеваний – с 3847 до 3909.²⁰ Все это стало возможным вследствие лояльного отношения власти. С 1960 г. по 1964 г. количество крещений упало на 57 % (с 14131 до 6072), венчаний – на 53 % (с 543 до 255), похорон, совершенных по церковному обряду – на 25 % (с 2173 до 545).

Значительная часть граждан, принявших крещение составляли младенцы, которых крестили по просьбам верующих бабушек и дедушек, часто с согласия только одного из родителей. Крестили также детей дошкольного и школьного возраста, а также взрослых. В отчетах уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по УАССР всегда сообщались цифры крещеных граждан старше 20 лет. В 1961 г. были отмечены факты крещения призывников в г. Сарапуле, г.Камбарке и

г.Ижевске, с. Можга.²¹ При этом родители крестившихся представляли самые разные социальные группы.

Обряд крещения составлял наибольший процент в сравнении с другими обрядами - порядка 34-37% к общему числу родившихся. Процент этот весьма относительный, т.к. известно, что крещение принимали не только младенцы. Более объективным представляется процент венчаний и похорон по церковному обряду. Здесь цифры были существенно меньше и составили 3-4 % венчаний и около 2 % похорон по церковному обряду.

Всего за 1958–1964 гг. было совершено: крещений – 90.074, венчаний – 3.925, похорон по церковному обряду – 21.562.

Религиозные службы в сельских церквях Удмуртии в основном совершались в воскресные дни и религиозные праздники и лишь в городах – ежедневно.

Наряду с совершением обрядов, за которыми власть пристально следила, население республики подавало в церквях записки на проведение молебнов, панихид, ходило на исповеди.

Динамику изменения исполнения треб за отчетный период можно проследить на примере Троицкого собора г. Ижевска.

Таблица ²²

	1959	1960	1962	1963	1964
Ед. измерения	день	день	день	год	год
Панихиды	1600	1250	1040	4133	4103
Исповеди	600	16204 в год	-	20544	21486
Молебны	-	-	810	6337	6291

По отчетам уполномоченного Совета по делам РПЦ о посещении гражданами служб можно говорить о том, что в 1959 г. на Пасхальной

службе в 14 церквях (Каменное Заделье, Сада, Троицкая церковь в г. Ижевске, с. Можга, Воскресенская церковь в г. Сарапул, церкви г. Воткинск, с. Васильевское, с. Новогорское, с. Люк, с. Сов. Никольское, с. Поршур, с. Удугучин, г. Камбарка) из 29 присутствовало около 4600 человек.²³ К сожалению, не представляется возможным восстановить число верующих, присутствовавших во всех церквях в этот религиозный праздник или какой-либо другой.

По материалам единовременного учета 1961 г. в 22 зарегистрированных религиозных обществах в дни больших религиозных праздников число посещавших храмы достигало 6700 человек.²⁴ Однако максимальное число верующих, посещавших каждую конкретно церковь, указанное в бланках учета, не соответствовало количеству, зафиксированному в отчетах уполномоченного в предшествующие и последующие годы. Это дает право считать, что число граждан, посетивших эти 22 церкви в дни больших праздников несколько больше.

В 1962-1963 гг. Троицкую церковь г. Ижевска посещало свыше 1000 чел, в Воткинске Преображенскую церковь – до 1000 человек, с. Новогорское – до 600 человек, с. Можга-до 700 человек, с. Каменное Заделье, с. Кекоран, с. Тыловыл-Пельга, с. Удугучин – до 150 человек.²⁵

Основной контингент посещавших церкви составляли женщины в возрасте 50 лет и старше. В 1959 г. их было порядка 80 %, несколько больше стали посещать церкви мужчины, вышедшие на пенсию, особенно в городах.²⁶

В церквях присутствовала и молодежь. Чаще всего молодые люди посещали церкви в большие праздники- Вербное воскресенье, Пасху и Троицу.²⁷ В 1959 г. в Пасху в Троицкой церкви г. Ижевска присутствовало до 200 человек молодежи, в с. Можга – до 250, в с. Новогорское Граховского района – до 200.²⁸ В последующие годы молодежь также присутствовала на службах, но в меньших количествах.

Родители, а также бабушки, приводили в церковь и детей. Большое количество их фиксировалось в праздничные и воскресные дни. В 1959 г. в церквях г. Ижевска и г. Сарапула присутствовало более 100 человек детей дошкольного и школьного возраста, в с. Кекоран и г. Камбарка – более 50 человек.²⁹ Присутствовали дети и в других церквях – в 1960 г. в Воткинске – более 100 человек³⁰, в 1961 г. в с. Перевозное Воткинского района – до 30 человек.³¹ Безусловно, что дети посещали церкви по желанию своих родителей или бабушек. В 1962–1963 г. число школьников, посещавших церковные службы, сократилось до 30–40 человек в городских и сельских церквях.³²

Необходимо заметить, что в связи с отсутствием в районах действующих церквей или близко расположенных церквей в соседнем районе, верующие этих районов республики посещали отдаленные храмы. Так, например, церковь в с. Можга посещали верующие не только из Можгинского района и г. Можги, но и из Алнашского района.³³

Церкви Удмуртии посещали не только местные жители республики. В 1960 г. выявлено посещение церкви в с. Новогорское Граховского района верующими из Татарской АССР, а церковей г. Воткинска и г. Сарапула – верующими из Пермской области.³⁴ В 1964 г. выявлено посещение церкви с. Можга верующими из Татарской АССР и Кировской области³⁵, церкви с. Васильевское Балезинского района – верующими из Кировской области.³⁶

Ижевскую и Удмуртскую епархию поочередно возглавляли: архиепископ Ювеналий (Килин)³⁷ с 31 июля 1952 г. до смерти 28 декабря 1958 г.³⁸ и епископ Михаил (Чуб)³⁹ с 5 марта 1959 г. до 16 марта 1961 г.⁴⁰

В марте 1959 г. в Ижевскую епархию вместо Онисифора, епископа Калужского и Боровского, как предлагал патриарх Алексей I на встрече с председателем Совета по делам РПЦ при СМ СССР Г. Карповым и его заместителем П. Чередняком в феврале 1959 г., по предложению председателя Совета Карпова был назначен Михаил (Чуб), епископ

Смоленский, Германский и Берлинский, зам. председателя отдела внешних церковных сношений Московской патриархии.⁴¹

После увольнения епископа Михаила за штат 16 марта 1961 г. приходы УАССР были присоединены к Кировской области,⁴² а с 5 мая 1961 г. управление Ижевской епархией было поручено епископу Казанскому и Марийскому Михаилу (Воскресенскому М.Я.).⁴³

В начале 1958 г. в Удмуртии было зарегистрировано 60 священнослужителей (в 1957 г. – 59): архиепископ, священники и диаконы.⁴⁴

В целом за 1958-1964 гг. количество духовенства сократилось с 60 до 37 человек или на 38 %. (См. таблицу 1). Минимальное число священнослужителей было зафиксировано к началу 1963 г. – 36 человек, а максимальное сокращение – на 10 человек – произошло в 1961г.

На 1 января 1959 г. было зарегистрировано 60 священнослужителей: 1 архиепископ, 47 священников и 12 диаконов. Возрастной состав духовенства представлял из себя следующее (см. таблицу 2): 74% (44 человека) были старше 55 лет, 13% (8 человек) – от 40 до 55 лет, 13 % (8 человек) – до 40 лет. Двое имели высшее духовное образование, 17 человек – среднее и неоконченное среднее духовное образование, у 40 человек (67%) не было духовного образования вообще. 3 человека (5%) имели светское высшее и неоконченное высшее образование, 22 человека (37%) – среднее, 35 (58%) – начальное образование.⁴⁵

На протяжении 1958-1960 гг. число священнослужителей до 40 лет увеличилось с 13 до 16 %, в 1961–1962 гг. наблюдался максимальный спад – до 10%, в 1963–1964 гг. вновь увеличилось – с 13 до 19%. На протяжении всего периода священнослужители 60 лет и старше составляли чуть более половины – 55–57 %, и к началу 1965 г. 81 % священнослужителей находились в возрасте 60 лет и старше (30 человек), остальные 7 человек (19 %) – моложе 40 лет. Число священнослужителей, не имевших духовного образования, составляло от 55–56 % в начале 1960 г. и 1961 г. и до 80–84% в начале 1962 г. и 1965 г. Однако и светского среднего образования не имели

многие священнослужители. Минимальное количество священнослужителей с начальным светским образованием было зафиксировано в начале 1960 г. - 36% (20 человек), а максимальное – в начале 1959 г. и 1961 г. – 58% (35 и 29 человек соответственно).

К концу рассматриваемого периода (на 1 января 1965 г.) было зарегистрировано 37 священнослужителей: 29 священников, 8 диаконов. Духовное образование имели 6 человек: 2 – высшее, 4 – среднее.⁴⁶

За весь период произошла смена 53 священнослужителей по следующим причинам: смерть, выбыли из епархии, уволены за штат, сами сняли с себя сан и отказались от священнической деятельности, нарушили советское законодательство о культурах.

Кроме того, были рукоположены в священники, диаконы и псаломщики 13 человек⁴⁷, в т.ч. 8 священников, 3 диакона, 2 псаломщика: 5 человек – во втором полугодии 1958 г., 2 – в 1959 г., 1 – в 1960 г., 1 – в 1962 г., 3 – в 1963 г., 1 – в 1964 г.

Проследить национальный состав священнослужителей православных церквей и состава членов учредительных органов в эти годы невозможно, ввиду того, что национальный состав священников и верующих не отражался в материалах уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по УАССР, а также советских и партийных органов. Известно лишь, что в 1964г. среди обслуживающего персонала в церквях, расположенных в селах с удмуртским населением встречались женщины-удмуртки.⁴⁸

Одним из необычных явлений в религиозной жизни было публичное снятие священниками с себя сана и отречения от религии. Эти акции активно поддерживались властью и становились достоянием общественности через СМИ. Им уделялось большое внимание, и они становились главным аргументом партийных и советских органов в коммунистическом воспитании граждан.

В 1960 г. снял с себя сан А.И.Стрелков, настоятель Александро- Невской церкви с. Удугучин Старо-Зятцинского района.⁴⁹ Родившись в 1898 г. в семье

священника и дочери священника, он воспитывался в религиозном духе, обучался в духовных образовательных учреждениях: закончил духовное училище в г.Елабуге, учился в Вятской и Ленинградской духовных семинариях. Причинами отказа Стрелкова от сана стали неблагочестивая жизнь духовенства, сопровождавшаяся пьянством, развратом, подхалимством, угодничеством, склоками, а также объяснение отдельных фактов религиозной жизни с точки зрения рядового атеиста, не обремененного духовным воспитанием и знаниями богословской науки.⁵⁰

В 1963 г. снял с себя сан и отрекся от Бога священник Богородицкой церкви с. Можга В. Лобовиков, а в 1964 г. последовало публичное отречение священника церкви с. Кекоран Як-Бодьинского района В.А. Алиферова. Оба они отказались от сана по тем же соображениям, что и Стрелков.⁵¹

С одной стороны данные публичные раскаяния в «одурманивании граждан» проходили в русле общесоюзной практики отречения, которым положили начало публичные выступления в печати известных деятелей РПЦ – профессора богословия Осипова А.А, кандидатов богословия Дулумана Е.К., Дорманского П.Ф., а также то, что реальность, описываемая в публичных покаяниях священников во многом соответствовала действительности.

В целях привлечения числа и расширения контингента верующих, сохранения религиозных обществ духовенство Удмуртии применяло различные способы. В 1959 г. школьники прислуживали в качестве пономарей в Троицком соборе г.Ижевска.⁵² Вероятно, что все они были детьми священников, служивших в этой церкви. В 1960 г. были факты прислуживания учащихся в церквях с.Каменное Заделье, с. Короленко и г. Ижевска.⁵³ В 1962 г. священник с.Перевозное Лукин пытался приобщить некоторых школьников к церковному хору.⁵⁴

Настоятель Георгиевской церкви г. Глазова Баландин посещал квартиры верующих и призывал их, особенно женщин, соблюдать все церковные обычаи, посещать церковные службы и приобщать детей к церкви.⁵⁵

Основной контингент, посещавший церкви составляли женщины. Отдельные священники призывали их оказывать свое влияние на мужей, привлекать к церкви. Однако подобные выступления рассматривались, как религиозная пропаганда, которая в Советском Союзе была запрещена, за что священники подвергались наказанию- снятию с регистрации.

Несмотря на то, что государством принимались меры, направленные на ограничение деятельности РПЦ, духовенство республики оставалось лояльно к государственной власти.

Так, например, настоятель Троицкого собора г. Ижевска протоиерей Стефанов В.А. уверял верующих и церковный причт, что новая Программа КПСС ничем не угрожает православной церкви. Настоятель Преображенской церкви г. Воткинска протоиерей Домрачев В.В. характеризовал новую Программу КПСС как «замечательный документ, который следовало приветствовать». Священник церкви с. Данилово Гремячкин высоко оценил решения XXII съезда КПСС по развенчанию и ликвидации последствий культа личности Сталина.⁵⁶

В то же время духовенство и верующие республики, как могли, сопротивлялись новой религиозной политике. С разрешения правящего архиерея духовенство с. Васильевское, с. Уть-Сюмси, с. Перевозное, г. Камбарка приобретало за счет общинных средств жилые дома, транспорт и др. собственность, выдавало пособие лицам, прислуживающим в церкви. Давлению на церковь со стороны уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по УАССР, советских и партийных органов всячески сопротивлялся правящий архиерей Ижевской и Удмуртской епархии архиепископ Михаил (Чуб М.А.). Он был заинтересован в пополнении епархии молодыми и образованными священниками. С этой целью в 1960 г. им была предпринята попытка пригласить священников в УАССР из Украинской и Белорусской ССР, но она не увенчалась успехом.⁵⁷ Им была дана рекомендация молодому рабочему Ижевского машиностроительного завода Ютину Ю.И. для поступления в Московскую духовную семинарию,

которая также не дала результата из-за вмешательства советских и партийных органов. Архиепископ Михаил проводил политику, направленную и на сохранение приходов, и на ограничение деятельности церковных органов.⁵⁸ Эти попытки архиепископа сохранить некоторую независимость церкви от государственных органов расценивались как «сознательное игнорирование советского законодательства о культурах», «диктат», «самоуправство», «попирательство полномочий исполнительных церковных органов». Все эти факты, а также нарушение советского законодательства о культурах священниками епархии и ссылка на малочисленность действующих церквей в республике стало причиной обращения СМ УАССР в Совет по делам РПЦ с предложением об упразднении епархии.⁵⁹ Указом патриарха Алексия I от 16 марта 1961 г. епископ Михаил был уволен за штат.

Одним из способов сохранения и упрочения положения каждого конкретного прихода было укрепление состава «двадцаток». С одной стороны это достигалось путем подбора лояльных и заинтересованных в укреплении церкви людей, солидарных с председателем религиозного общества – священником, а с другой - немаловажную роль играло привлечение в состав «двадцаток» молодых людей. Такие мероприятия проводились на протяжении всего исследуемого периода, как в городских, так и в сельских религиозных обществах.

Одним из способов привлечения и сохранения числа верующих играло внешнее и внутреннее оформление церквей, а также наличие хора. В 1959 г. во всех городских и некоторых сельских церквях были организованы хоры: по 5-10 человек – в сельских, 10-15 – в городских.⁶⁰ Священнослужители и церковные советы стремились поддержать здания церквей в хорошем состоянии, о чем свидетельствуют обращения с просьбами к уполномоченному Совету по делам РПЦ при СМ СССР по УАССР о разрешении проведения ремонта или улучшения внутреннего убранства.

Единственная незарегистрированная группа верующих православной церкви была выявлена в ходе единовременного учета 1961 г. в с. Колесниково Каракулинского района. Она состояла из 15 человек – женщин пожилого возраста, собиравшихся на молитвенные собрания по большим религиозным праздникам в домах членов группы. Постоянного духовного руководителя эта группа не имела, священников к себе не приглашала, с просьбой о регистрации не обращалась.⁶¹

Итак, к началу 1958 г. РПЦ в Удмуртии занимала первое место по числу зарегистрированных обществ и составляла 76 %. Православные церкви действовали на 2/3 всей территории Удмуртии. Особенностью существования православной церкви в Удмуртии было наличие преимущественно зарегистрированных религиозных обществ. Из нелегально действующих обществ было известно только об одном. К началу 1965 г. число церквей сократилось с 29 в 1958 г. до 19.

Наличие большого количества действующих церквей предопределило и значительное число совершаемых в этих храмах обрядов. Церкви посещали все возрастные и социальные группы населения. Но основным контингентом все же были женщины старше 50 лет. Наряду с жителями Удмуртии православные храмы посещали отдельные верующие из Кировской и Пермской областей, Татарской АССР. Проявлением религиозности было и совершение треб (молебнов, панихид), которые совершались, как в храмах, так и на кладбищах. Неотъемлемым атрибутом жизнедеятельности церкви и наличия верующих являлось проведение таинства исповеди. Для Удмуртии был характерен ежегодный рост числа совершенных исповедей.

Обслуживали храмы и верующих преимущественно священнослужители в возрасте старше 55-60 лет. За 1958–1964 гг. процент этой возрастной категории священнослужителей увеличился до 81 %. В условиях сокращения духовных учебных заведений и препятствий со стороны государства священнослужители Удмуртии в большинстве своем не имели духовного образования и с годами этот процент увеличивался, достигнув 84% к началу

1965 г. При этом даже светского среднего образования не имели многие священнослужители.

Для православной церкви в Удмуртии была характерна большая текучесть кадров. За весь период произошла смена 53 священнослужителей по следующим причинам: смерть, выбыли из епархии, уволены за штат, сами сняли с себя сан и отказались от священнической деятельности, нарушили советское законодательство о культах.

С 1960 г. в церкви наблюдались единичные факты публичного снятия священниками Удмуртии с себя сана и отречения от религии, что использовали местные партийные и государственные органы в антирелигиозной пропаганде.

В целях привлечения и сохранения числа верующих, духовенство Удмуртии привлекало школьников к прислуживанию в церкви, посещало квартиры с проповедями, призывало женщин, посещавших храмы, оказывать свое влияние на мужей. Священнослужители и исполнительные органы религиозных обществ стремились поддерживать здания церквей в хорошем состоянии, содержать хор.

Несмотря на принятие государством мер, ограничивавших права и деятельность религиозных обществ, духовенство республики оставалось лояльно к власти. Оно поддерживало и одобряло решения КПСС во время проповедей в храмах.

В то же время духовенство и верующие республики, как могли, сопротивлялись новой религиозной политике. Особую роль в сохранении церковных приходов, сохранению прав обществ и духовенства, поддержке их материального благосостояния, укреплению состава двадцаток молодыми и заинтересованными людьми, обновлении кадров сыграл архиепископ Михаил. Эта политика стоила ему перевода в другую епархию и ликвидации самостоятельности Ижевской и Удмуртской епархии.

3.2. Мусульманские религиозные объединения

Как известно, этноконфессиональной традицией считается неотъемлемая связь татар и ислама. В масштабах всей страны в 1950-х – 1960-х гг. мусульманское вероисповедание занимало лишь пятое место после РПЦ, ЕХБ, католической церкви, лютеранской церкви. В масштабах РСФСР оно занимало третье место после РПЦ и ЕХБ, а в Удмуртии - второе место после РПЦ.

На 1 января 1958 г. в СССР было зарегистрировано 397 мусульманских религиозных обществ, в РСФСР- 180, а в УАССР – всего лишь 5, что составляло 13% от 38 всех зарегистрированных религиозных обществ.

Зарегистрированные мусульманские религиозные общества находились в г. Ижевске, г. Воткинске, дер. Падера и дер. Кестым Бalezинского района, дер. Тат. Парзи Глазовского района и их количество не увеличилось и не уменьшилось за время антирелигиозной кампании 1958–1964 гг.

Расположение мечетей в Удмуртии объясняется местожительством больших групп татар на этой территории. Здесь проживало 51% татар (36635 чел.) в республике. Все эти религиозные общества были зарегистрированы в 1945-1947 гг. – в период временного спада преследования религии. Мечети, находившиеся в пользовании религиозных обществ являлись специальными зданиями религиозного назначения и были ранее национализированы. Все мечети, кроме воткинской, были деревянными⁶².

По данным уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР А. Халевина на 1 июля 1958 г. мусульманское зарегистрированное общество в Ижевске объединяло 3 тыс. верующих, общество в Воткинске – около 500, дер. Падера – 150, дер.Кестым – 100, дер. Тат-Парзи – 100,⁶³ а всего насчитывалось 3850 верующих во всех мусульманских обществах. На 1 июля 1959 г. их стало 3900 чел. за счет увеличения общества дер. Падера.⁶⁴ В 1959–1960 гг. наблюдалось снижение общего числа верующих до 3200 в 1960 г. ⁶⁵, но к началу 1965 г. вновь выросло до 3600 чел.⁶⁶

Наибольшая активность верующих наблюдалась в мечети г. Ижевска. В 1958–1959 гг. ижевскую мечеть по двум большим праздникам – Курбан Байрам и Ураза-Байрам посещали от 2000 до 2300 человек в день.⁶⁷ Начиная с 1960 г. посещаемость мечети достигла 3000 верующих. По пятницам молитвенные собрания посещали 300-500 чел.⁶⁸

В Воткинске посещение праздничных молитвенных собраний было существенно ниже, чем в Ижевске. Наиболее высокая посещаемость наблюдалась в 1958–1959 гг. – 800 чел.⁶⁹ В последующие годы посещаемость упала сначала до 600 чел в 1960 г.,⁷⁰ затем до 200-300 чел⁷¹ и держалась на этом уровне на протяжении 1961–1964 гг. По пятницам собрания посещали 20-30 чел в первые годы и 50-60 чел. – в 1964 г.⁷²

В сельской местности масштабы были другими. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР считал, что в сельской местности наблюдалось затухание деятельности мусульманских религиозных обществ. Основой для такого вывода явилось проведение молитвенных собраний во всех сельских мечетях только по праздникам в 1958 г., незначительное количество совершенных обрядов в последующие годы, особенно в мечети дер. Тат-Парзи.

Наиболее активным посещение верующими было в мечети дер. Кестым, где произошел даже некоторый рост этой активности: от проведения собраний только по праздникам до посещения мечети и по пятницам с 1961г., когда собиралось на молитвенные собрания 40-50 чел. и 150-200 чел. по праздникам.⁷³ В двух других мечетях наблюдался спад активности верующих. В дер. Падера: в 1958-1959 гг. по пятницам посещали 50-60 чел., в праздники 100-150 чел⁷⁴, с 1961 г. по пятницам – 25-30, в праздники – 75-100 чел.⁷⁵ В дер.Тат-Парзи: в 1959 г. – 16-20 чел. по пятницам, 100 чел. – по праздникам⁷⁶, в 1960 г. 50-60 чел. по праздникам⁷⁷, в 1962 г. собраний не было вообще, в 1963г. – по праздникам 20-25 чел., в 1964 г. – по пятницам – 10-12 чел., в праздники – 50-60 чел.

Основным контингентом, посещающим молитвенные собрания, были граждане преклонного возраста, но в праздничные дни мечети Удмуртии посещали люди среднего возраста и молодежь. Наибольшее количество их посещало мечеть г. Ижевска: от 120 до 250 человек в возрасте до 40 лет⁷⁸, что составляло 4-8 % от 3000 чел. Среди них были служащие и рабочие строительных трестов, Ижевского металлургического завода, в т.ч. коммунисты и комсомольцы.

В сельской местности в праздничные дни полевые работы в колхозах не проводились.

Известно, что в дер. Падера женщины-татарки также участвовали в молитвенных собраниях, но отдельно от мужчин. Они собирались по пятницам и в праздники в доме у жены бывшего муллы.

После утренних служб в праздник Курбан-Байрам верующие мусульмане посещали татарские кладбища, на которых совершались молебствия по умершим.

В Удмуртии многие татары-мусульмане не посещали мечети, но многие жители, и городские и сельские, строго выполняли мусульманские обычаи и обряды. В сельской местности были устойчивы шариатские традиции и обычаи, когда отдельные пожилые женщины 60 лет и старше появлялись на улице с полузакрытым лицом, не вступали в разговоры с мужчинами, а девушки после замужества не участвовали в художественной самодеятельности, переставали посещать клубы, библиотеки.

Все мусульманское духовенство Удмуртии подчинялось Духовному управлению мусульман Европейской части СССР и Сибири (г. Уфа).

На 1 июля 1958 г. было зарегистрировано 5 служителей культа - мулл - по одному в каждом религиозном обществе.⁷⁹ В течение года сменился 1 мулла - в обществе дер. Падера Балезинского района. На 1 июля 1959 г. числилось также 5 мулл: Мухамедзянов Ганимьян в г. Ижевске, Хабилов Казир (Кагир)- в г. Воткинске, Тагиров Мухаммед-Агы в дер. Падера, Касимов Валиулла в дер. Кестым, Хамитов Габдулла в с. Тат-Парзи. Все они

были пожилого возраста- 60 лет и старше. Четверо с низшим общим образованием и один – со средним; в т.ч. один – с низшим духовным образованием и четверо – со средним. Один из них начал служить еще до революции. Трое начали свою деятельность до Великой Отечественной войны⁸⁰, еще один – Хабиров К. начал служить с 1950 г.⁸¹

Мухамедзянов Галимзян, ижевский мулла, 1880 г.р., окончил духовное училище в г. Казани, работал учителем в Татарии, муллой – с 1921 г.⁸²

Тагиров Мухаммед-Агы мулла дер. Падера, 1892 г.р., с 1915 по 1922 гг. работал сельским библиотекарем и учителем начальной школы, с 1930 по 1957 гг. работал на разных работах; 1923-1930гг. – мулла в мечети дер. Кестым, с 1957 г. – мулла в мечети дер. Падера .⁸³

Хабиров Кагир, воткинский мулла, 1881 г.р., образование общее начальное, окончил мусульманскую религиозную школу при Агрызской мечети, в 1906-1925 гг. – учительствовал в мусульманской религиозной школе, в 1925-1947 гг. – работал в организациях «Союзкожа», и «Союзутильсырье», с 1947г. на пенсии, мулла – с 1950 г.⁸⁴

В 1960 г. сменился мулла в г. Воткинске – вместо Хабирова Кагира был утвержден Мурасов Гумда, 1895 г.р.

В декабре 1964 г. умер ижевский мулла Мухамедзянов Галимзян.

Данные об уровне духовного образования мулл последующих лет по имеющимся документам восстановить не удалось. В отчетах и различных информациях уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР сообщал противоречивые данные. Так, с 1 июля 1959г. по 1 января 1963 г. сменился всего 1 мулла, а в статотчете значилось, что только 1 мулла имеет духовное образование (среднее), у остальных его нет вообще.⁸⁵ Кроме того, с 1962 г. в ижевской мечети появился муэдзин, судя по тому же статотчету, также не имевший духовного образования, но в текстовой части отчета за 1965 г. говорится, что этот человек, ставший в 1964 г. муллой Ижевской мечети уже имеет среднее духовное образование.⁸⁶

Аналогичные статистические сведения были представлены уполномоченным по состоянию на 1 января 1964 г.⁸⁷

Такая же непонятная история произошла со статсведениями на 1 января 1965 г. После смерти муллы Ижевской мечети вдруг выяснилось, что все 5 мулл имеют начальное светское образование и совершенно не имеют духовного образования, и все они начали заниматься духовной деятельностью после 1941 г.⁸⁸ Учитывая высокий уровень образованности последнего уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР С.П. Зубарева можно предположить, что сведения, указанные на 1 января 1965 г. достоверны.

Но в целом данная ситуация свидетельствует о том, что уполномоченный никогда не располагал точными сведениями о мусульманских служителях культа и, скорее всего, пользовался имевшимися сведениями от предыдущих уполномоченных. Надо отметить и тот факт, что в отчетах уполномоченных за ранние годы один и тот же мулла каждый раз именовался по-разному, даже в статотчетах о зарегистрированных служителях культа, что объясняется незнанием татарского языка уполномоченными.

Все муллы мусульманских религиозных обществ стремились охватить религиозной обрядностью как можно большее количество татарского населения. С этой целью они совершали обряды на дому у верующих, привлекали к оповещению о начале намаза членов исполнительного органа (мутаваллиата), детей, посещали дома верующих в дни поминовения усопших на 40-й день и через год после смерти умершего, где читали Коран в присутствии комсомольцев, коммунистов, детей, требовали от верующих посещения молитвенных собраний.

Муллы имели достаточно сильные позиции в религиозных обществах. Они чаще всего руководили финансово-хозяйственной деятельностью обществ, но делали это через членов исполнительного органа, которые очень

внимательно и послушно относились к рекомендациям мулл по управлению религиозным обществом.

В совершении религиозных обрядов, соблюдении традиций, сохранении мечети были заинтересованы не только муллы. Активную позицию занимали члены мутаваллиата, которые предпринимали определенные действия для проведения ремонта здания мечети, строительства жилого дома для муллы, ходатайствовали перед уполномоченным Совета по делам религиозных культов о разрешении на приобретение автотранспорта для муллы, в случае болезни муллы (как это было в г. Воткинске с Хабировым Кагиром) сами решали все вопросы с отправлением религиозных обрядов и проведения молитвенных собраний.

Важную роль в привлечении татарского населения к религиозной обрядности, соблюдению норм (сур) Корана играли проповеди мулл в мечетях. Достаточно активную позицию занимали муллы Ижевска (Мухамедзянов Г.), Воткинска (Мурасов Гумда) и Кестыма (Касимов Валиулла).

Так, мулла мечети г. Ижевска Мухамедзянов Г. строго следил за посещением верующими мечети, мулла из дер. Кестым Касимов Валиулла в проповедях усердно призывал верующих к посещению мечети в дни праздника, упрекал верующих преклонных лет, не желающих повлиять на своих сыновей в деле соблюдения ими религиозной обрядности.⁸⁹

Все зарегистрированные муллы лояльно относились к советской власти и в своих проповедях подчеркивали необходимость служить своему государству, призывали молиться за светлое будущее советских людей. Одним из примеров проявления лояльности служит обращение муллы г. Воткинска Мурасова Г. перед каждым молитвенным собранием к пришедшим верующим с призывом покинуть мечеть, если они должны идти на работу, убеждая, что пренебрежение трудом является непоправимым грехом.⁹⁰ В 1964 г. он же в проповеди говорил, что в последние годы произошли большие изменения в жизни народов СССР, что ислам в наши

дни не может слепо признавать те положения, которые господствовали в феодальную старину, мы должны решительно рвать со старыми феодально-байскими понятиями о нашей современной жизни и полностью признать равенство мужчины и женщины.⁹¹

Мулла мечети в дер. Падера Тагиров также выражал в своих проповедях лояльность к советской власти. Он говорил: «Советская власть- власть трудового народа, советский закон – самый справедливый закон, как закон Аллаха»⁹². Он же признавался, что учителя и зав. клубом чуждаются его, вместе не садятся, не желают беседовать с ним. Этот мулла следил за международной и внутренней жизнью страны, выписывал газеты и журналы, ежедневно слушал радио. Полученные сведения использовал в проповедях и каждое мировое событие толковал с точки зрения Корана.⁹³

Действовали в Удмуртии и незарегистрированные мусульманские религиозные объединения. Официально количество действующих незарегистрированных обществ мусульман не совпадало с реально действующим количеством. На протяжении 1958-1964 гг., за исключением 1963 г., уполномоченный Совета в статотчетах упоминал только 2 незарегистрированных общества. (См. Таблицу 3) Однако из его же информационных записок следует, что таковых обществ было больше.

На протяжении 1958-1960, 1962-1964 гг. действовала группа мусульман в г. Можге, и в 1958-1964 гг. – в г. Сарапуле, добивавшиеся в 1958-1959 гг. регистрации. В деятельности религиозного объединения г. Можга наблюдался перерыв в 1961г. Кроме того, в 1961-1962 гг. действовало религиозное объединение в пос. Пугачево Мало-Пургинского района во главе с Нурутдиновым Мингатом.⁹⁴ Деятельность незарегистрированных мусульманских обществ осуществлялась в проведении молитвенных собраний на татарских кладбищах в религиозные праздники. На кладбище пос. Пугачево проводилось еще и погребение по мусульманскому обычаю.⁹⁵ По официальным данным уполномоченного Совета по делам религиозных

культов при СМ СССР по УАССР два незарегистрированных общества г.Сарапула и г. Можги посещали до 300 верующих.⁹⁶

Но были верующие и в других населенных пунктах. Так, например, в 1961 г. на кладбище пос. Пугачево собиралось около 75 чел.⁹⁷

В 1961 г. было установлено, что в дер. Ахмади Балезинского района, состоящей из 50 татарских дворов, в здании недействующей мечети по пятницам и религиозным праздникам собиралось 10-15 верующих мусульман на молитвенные собрания. Функции муллы выполнял престарелый Касимов Ярулла.⁹⁸

В 1960 г. около дер. Лака-Тыжма Кизнерского района на татарском кладбище, где была сооружена сторожка, проводились обряды при погребении умерших. На похороны собиралось 40-60 человек верующих мусульман. При том некоторые верующие выражали надежду на открытие мечети в пос. Кизнер⁹⁹, хотя заявлений на открытие к уполномоченному не поступало.

Если сложить количество верующих, собиравшихся на молитвенные собрания и совершение религиозных обрядов в пос. Пугачево, дер.Ахмади и пос. Кизнер, о которых было известно уполномоченному, получится 150 человек. Тогда вместе с официальными данными получится около 450 верующих - татар, стремившихся соблюдать мусульманские традиции.

Имелись факты совершения в 1960 г. религиозных обрядов на дому у верующих в пос. Кизнер странствующих мулл из Вятско-Полянского района Кировской области.¹⁰⁰ Учеть количество случаев приглашения в дома верующих странствующих мулл вообще не представлялось возможным.

В целом состояние ислама в Удмуртии можно охарактеризовать как стабильное. На всем протяжении исследуемого периода не была закрыта ни одна мечеть, сохранялась достаточно высокая их посещаемость. Особенностью контингента верующих, присутствовавших на молитвенных собраниях, было посещение лишь лицами мужского пола. Женщины также участвовали в молитвенных собраниях, но отдельно от мужчин, при этом не

в мечети, а в доме у жены муллы. Как и в православных церквях основной возрастной категорией верующих являлись люди предпенсионного и пенсионного возраста. Еще одной особенностью религиозности мусульман было то, что многие татары-мусульмане не посещали мечети, но многие из них, строго выполняли мусульманские обычаи и обряды.

За 1958-1964 гг. не изменилось общее количество мулл. В сравнении с православным духовенством служители мусульманского культа все были пожилыми людьми. Данные о профессиональной духовной подготовке мулл не однозначны, но имеющиеся сведения свидетельствуют, что в начале исследуемого периода мусульманское духовенство имело начальное или среднее духовное образование и преимущественно начальное светское образование, а уже к началу 1965 г. остались только лица с начальным светским и без духовного образования вообще.

Муллы имели достаточно сильные позиции в религиозных обществах и руководили финансово-хозяйственной деятельностью обществ, но делали это через членов исполнительного органа.

Муллы проводили активную работу по привлечению верующих в мечети для чего совершали обряды на дому у верующих, привлекали к оповещению о начале намаза членов исполнительного органа (мутаваллиата) и детей.

Все зарегистрированные муллы как и православное духовенство лояльно относились к советской власти и в своих проповедях подчеркивали необходимость служения своему государству.

Государственная политика, препятствующая увеличению количества зарегистрированных религиозных обществ, способствовала тому, что в местах проживания татар, исторически связанных с исламом, возникала благоприятная почва для образования нелегальных групп.

3.3. Старообрядческие религиозные объединения

В СССР на 1 января 1958 г. действовало 396 зарегистрированных старообрядческих обществ, в РСФСР – 122. В УАССР действовало 3 старообрядческих религиозных общества, в т.ч. белокриницкого согласия – 2¹⁰¹, беглопоповского – 1¹⁰², что составляло 3% от общего числа зарегистрированных обществ в Удмуртии.

Зарегистрированные общества старообрядцев Удмуртии находились: в г.Ижевске, с. Балаки Камбарского района – белокриницкого согласия, в г. Камбарке – беглопоповского согласия. Все три религиозных общества были зарегистрированы в 1945 г. и располагались в национализированных зданиях, за исключением общества г. Ижевска, которое проводило молитвенные собрания в частном доме.

По данным на 1 июля 1958 г. общество в г. Ижевске насчитывало 500 верующих,¹⁰³ общество в с. Балаки- объединяло 150 верующих¹⁰⁴, общество в г.Камбарке- до 300 верующих.¹⁰⁵ Через год за счет увеличения верующих в обществе г. Ижевска до 850 человек общее число верующих-старообрядцев достигло 1300,¹⁰⁶ а в последующие годы наблюдалось сокращение числа верующих. К 1 января 1960 г. в обществах насчитывалось 1200 верующих,¹⁰⁷ в начале 1961 г. – 1000¹⁰⁸.

Религиозные службы в храмах зарегистрированных обществ посещали не только верующие Удмуртии, но и жители других регионов страны. Так, например, в 1958 г. были выявлены факты посещения религиозных служб верующими из Кировской области.

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР в своих отчетах утверждал о постепенном затухании старообрядческих обществ. В частности он писал о том, что в с. Балаки Камбарского (с 1963г. – Сарапульского) района число посетивших церковь в 1959 г. в престольный праздник-Николин день составляло всего лишь 40 человек, преимущественно женщин преклонного возраста.¹⁰⁹ В церкви действовал хор из трех старух, с трудом выполнявших эту обязанность.¹¹⁰ По

сведениям уполномоченного в местные советские и партийные органы, а также в Совет по делам религиозных культов посещаемость этой церкви существенно сократилась, но при этом в разных отчетах цифры отличались друг от друга. В 1959 г. в воскресные дни церковь посещали 40- 50 человек,¹¹¹ в 1960 г. – от 15 до 30 человек, а в праздники – от 40 до 100 человек.¹¹² К 1964 г. число посещающих эту церковь составляло в воскресные дни – 5-10 человек,¹¹³ в праздники – 20-60 человек.¹¹⁴ Наблюдалось и сокращение числа религиозных обрядов. Церковь в с. Балаки посещали верующие из г. Камбарки, г. Сарапула, а также г. Янаула Башкирской АССР и Куединского района Пермской области.¹¹⁵

Аналогичное затухание отмечалось в 1960 г. в обществе г. Камбарки, где церковные службы по воскресным дням посещало 30-35 человек, преимущественно пожилого возраста. Число обрядов сократилось с 76 в 1959 г. до 58 в 1960 г.¹¹⁶, а обрядов венчаний в течение двух лет не было вообще. В 1961 г. в большие праздники церковь посещало до 70 верующих.¹¹⁷ В 1962 г. общество распалось и было снято с регистрации, здание храма снесено для постройки многоэтажных жилых домов.

Единственной устойчивой общиной старообрядцев была община в г. Ижевске. Она объединяла в 1960-1962 гг. около 800 верующих, при том не только жителей г. Ижевска, но и из Як-Бодьинского, Ижевского, Нылгинского, Игринского районов, г. Сарапула,¹¹⁸ а также из Кировской и Пермской областей.¹¹⁹ В дни религиозных праздников ее посещало 400-500 человек вплоть до 1964 г.¹²⁰, в будни – 10-15 человек.¹²¹

Религиозная обрядность за 1958-1964 г. в зарегистрированных старообрядческих церквях существенно сократилась. (См. Таблицу 9). Общее количество совершенных обрядов упало на 79%.

Зарегистрированные религиозные общества обслуживали 4 священника (на 1 июля 1958 г.): двое – Ложкин Акинф Савич и Новиков Михаил Федорович в обществе г. Ижевска, Суханов Даниил Михеевич – в обществе с. Балаки и Самарцев Евсей Феокистович – в обществе г. Камбарки.¹²² В нач.

1959 г. в обществе г. Камбарки произошла смена священника – вместо Самарцева Е.Ф. двадцаткой был назначен Локтионов Федор Фирсович. Все священники были старше 60 лет, с начальным светским образованием и ни у кого не было духовного образования. Но у всех у них был большой опыт религиозного служения: трое начали свою деятельность до Великой Отечественной войны, а один – еще до революции 1917 г.¹²³

Священнослужители старообрядческих общин принимали меры для поддержания жизни обществ, увеличения числа лиц, участвовавших в совершении религиозных обрядов, улучшения своего материального благосостояния. В 1958 г. священник общины г. Камбарка Самарцев Е.Ф. выезжал для исполнения требоисправлений в Сибирь, передоверив службу уставщику. Он не подчинялся решениям церковного совета, за что в начале 1959 г. был уволен общиной.¹²⁴ Священник с. Балаки Суханов Д.М. на протяжении 1958-1961 гг. занимался помимо обязанностей священнослужителя еще и кладкой печей, но никаких репрессивных мер со стороны уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР к нему не применялось, несмотря на запрет священнослужителям заниматься иной деятельностью, кроме удовлетворения религиозных потребностей граждан. В 1961 г. выяснилось, что Суханов под видом ремонта печей посещал верующих на дому, где совершал водосвятские молитвы, освящал дома и отпевал умерших.¹²⁵

Положение священнослужителей в обществе г. Камбарки было достаточно авторитетным. Церковный совет общества просил благословения у священника при приеме на работу церковного обслуживающего персонала.¹²⁶

В 1962 г. священник общества г. Ижевска Новиков совершал религиозные обряды на дому у верующих, совершал освящение домов,¹²⁷ а в 1963 г. были выявлены факты крещения детей с согласия только одного родителя или без согласия обоих,¹²⁸ что запрещалось действующим законодательством.

В Удмуртии также действовало значительное количество незарегистрированных групп старообрядцев. В 1958 г. функционировала группа старообрядцев белокриницкого согласия в г.Сарапуле, насчитывавшая свыше 300 верующих, ходатайствовавшая о регистрации и открытии церкви.¹²⁹ В 1959 г. старообрядцы собирались в домах верующих в с. Кулига Кезского района.¹³⁰ В 1960 г. были выявлены случаи проведения молитвенных собраний старообрядцев в пос. Кизнер и деревнях Багыр, Ефремово Красногорского района и дер. Вожьяг Як-Бодьинского района. Молитвенные собрания проводились в частных домах. В дер. Багыр на молитвенные собрания собиралось 15-20 человек, а Деньгин Степан Семенович проводил венчание и отпевание умерших.¹³¹

В 1961 г. в деревне Вожьяг продолжила действовать группа старообрядцев-беспоповцев, именовавших себя поморами-филипповцами. В этой деревне в 1958 г. Погудин Ф.А., 40 лет, по требованию родителей переоборудовал амбар в молитвенный дом. На молитвенные собрания по воскресным дням и религиозным праздникам здесь собиралось 15-20 верующих, проживавших в дер. Вожьяг и на ст. Чур Як-Бодьинского района.¹³²

При учете 1961 г. было выявлено 15 групп старообрядцев- беспоповцев в Кезском (с.Кулига, дер. Бузмаки, дер. Ярки, дер. Ананьево, дер. Эсеквал, пос. Кузьма, пос. Чепца – 8 групп)¹³³, Карсовайском (в населенных пунктах Новоселовского и Куреговского, Саватятского, Сергинского, Сизевского, Ефимятского сельсоветов – 6 групп)¹³⁴, Красногорском (д. Багыр – 1 группа)¹³⁵ районах. Эти группы объединяли 460 верующих: в Кезском районе – 260 человек, в Карсовайском – 185 человек, Красногорском – 15 человек. Старообрядцы собирались в домах и квартирах верующих по их приглашению. В этих группах проводились молитвенные собрания, совершались обряды крещения, порой в отсутствии родителей, отпевания умерших. Некоторые руководители групп проводили проповедническую деятельность среди детей и юношества.¹³⁶

Кроме того, в 1961 г. в г. Ижевске собирались на молитвенные собрания и совершали религиозные обряды старообрядцы-беспоповцы.¹³⁷ В 1962–1963 гг. продолжали действовать общества старообрядцев- беспоповцев в Кезском, Сарапульском и Бalezинском районах.¹³⁸ В 1964 г. действовали две группы старообрядцев-беспоповцев в г. Камбарка.¹³⁹ В 1961 г. была выявлена группа старообрядцев белокриницкого согласия в г. Можга, объединившая 18 человек, собиравшихся в домах и квартирах верующих.¹⁴⁰

Из трех зарегистрированных обществ в 1958 г. к началу 1965 г. осталось два, наиболее устойчивым из которых было общество старообрядцев белокриницкого согласия в г. Ижевске.

Состояние зарегистрированных старообрядческих обществ было неустойчивым, о чем свидетельствовало падение числа совершенных религиозных обрядов и числа верующих, посещавших храмы.

Для старообрядчества в Удмуртии в исследуемый период было характерно, с одной стороны, уменьшение активности зарегистрированных обществ, а с другой, увеличение числа незарегистрированных религиозных обществ и активизация их деятельности.

3.4. Религиозные объединения евангельских христиан-баптистов

Начиная с 1945 г. и на протяжении 1958-1964 гг. в Удмуртии было зарегистрировано единственное общество ЕХБ в г. Ижевске. На 1 января 1958 г. община насчитывала 349 человек, а на 1 января 1959 г. – 394 человека, но в статистическом отчете уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР за 1 полугодие 1958 г. была указана заниженная цифра верующих в обществе – 300 человек.¹⁴¹ На протяжении 1959-1961 гг. в обществе состояло порядка 400 человек. В начале 1962 г. было выявлено 430 человек¹⁴², в 1963 – 450 человек¹⁴³, в 1964 г. – 460 человек¹⁴⁴.

В 1958 г. приняло крещение 50 чел: 45 женщин и 5 мужчин, в т.ч. 34 человека в возрасте от 26 до 60 лет. Среди них были рабочие, домохозяйки, учительница.¹⁴⁵ В 1959 г. крещены 32 чел: 4 мужчин и 28 женщин, в т.ч. 17 человек в возрасте от 25 до 60 лет.¹⁴⁶ Среди них были рабочие машзавода, кирпичного завода, работники автобусного парка, домохозяйки.

В 1963 г. крестились 450 чел. (в т.ч. 300-женщины) в возрасте до 60 лет – 275 чел, старше 60 – 175 чел.¹⁴⁷ Среди них были рабочие промышленных предприятий, работники торговли, сотрудники других организаций и учреждений, остальные - домохозяйки и пенсионеры.

Наряду с обрядами верующие Ижевской общины ходили на исповедь. Известно, что только в 1964 г. было принято 5340 исповедей.¹⁴⁸

Усилиями пресвитера Чуракова М.В. был создан хор верующих из 25 человек, увеличившийся до 40-50 человек.

1 июля 1958 г. пресвитером общества был зарегистрирован Крашенинников Андрей Михайлович. В I пол. 1959 г. он был заменен по состоянию здоровья новым пресвитером Чураковым М.В., состоявшим в общине с момента ее регистрации в 1945 г., работавший на Ижевском машзаводе¹⁴⁹ и имевший среднее светское образование.¹⁵⁰ Молитвенные собрания общества ЕХБ проходили в специально оборудованном деревянном доме по ул. Красная. За свою деятельность пресвитер денежного

вознаграждения не получал, а основным источником дохода общества являлись добровольные пожертвования верующих.

В СССР в августе 1945 г. состоялось объединение евангельских христиан-баптистов с пятидесятниками и меннонитами. В Удмуртии встречи по поводу объединения ЕХБ с пятидесятниками проводились еще в 1959 г. Тогда руководитель Ижевской группы пятидесятников Калегин В.М. категорически отклонил предложение об объединении. Но в октябре 1960 г. объединение состоялось и в объединенную общину вступило ядро Ижевской группы пятидесятников вместе с В.М.Калегиним в составе 10 человек.¹⁵¹

15-18 октября 1963 г. в г. Москве состоялся Всесоюзный съезд евангельских христиан-баптистов. Основной задачей съезда, разрешение на проведение которого было дано ЦК КПСС через Совет по делам религиозных культов при СМ СССР, стала легализация действующих групп ЕХБ. Съезд отметил особую опасность групп, поддерживавших так называемый «оргкомитет».

Появление «инициативной группы», а позднее «оргкомитета» явилось результатом раскола в церкви, поводом к которому послужили принятые в декабре 1959 г. на пленуме ВСЕХБ «Положение о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР» и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам ВСЕХБ». Вопреки вероучению баптизма, руководителям церкви предписывалось ограничить прием в общины молодежи, что фактически обрекало их на медленное затухание.¹⁵² Наметившееся кризисное состояние во ВСЕХБ породило образование «инициативной группы» по созыву чрезвычайного съезда церкви ЕХБ.

«Оргкомитет», выступавший против ограничений деятельности ЕХБ, установленных советским законодательством о культах, против положений Устава Всесоюзного Совета ЕХБ (1960 г.), распространявшегося только на зарегистрированные общины и поставившего в привилегированное положение незарегистрированные группы. Члены «оргкомитета» обвиняли ВСЕХБ в лояльном отношении к Советскому государству.¹⁵³ В ряде

нелегально действующих групп были зафиксированы антисоветские высказывания, что вызывало негативную реакцию власти.

На съезде присутствовал пресвитер Ижевского общества М.В. Чураков.¹⁵⁴ Перед отъездом в Москву с ним была проведена беседа уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР о необходимости поддержания решений съезда, выгодных власти. Уполномоченный Д.Шестаков лично обращался в партком Ижевского машиностроительного завода, чтобы М.В. Чуракову предоставили отпуск без содержания для участия в съезде.¹⁵⁵

Решения съезда были признаны только зарегистрированной группой ЕХБ в г. Ижевске, члены которой расценили эти решения как облегчение деятельности организаций ЕХБ.

В целом отношение руководителей и членов Ижевской общины ЕХБ к Советскому государству было лояльным. Пресвитер и проповедники в своих проповедях обращали внимание верующих на совместимость проповедуемых ими идей и идеалов с деятельностью партии и правительства. В проповедях пресвитер Чураков М.В. утверждал, что величайшие открытия науки и техники, культура происходят по велению Бога. Он призывал верующих к активному труду, к примерному поведению, а поэтому не чуждаться радио, чтения газет и книг.¹⁵⁶

Наряду с пресвитером в обществе проповеди произносили и т.н. диаконы- проповедники. Их проповеди также носили лояльный характер к власти, которые расценивались уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР как приспособленчество к современным условиям. После XXII съезда КПСС в одной из проповедей проповедник Лобастов П.М., 1904 г.р, пенсионер, характеризовал внешнюю политику КПСС, ориентированную на построение жизни без конфликтов и войн и сформулированную в Программе КПСС, как отвечающую призыву Христа жить в мире и согласии.

Другой проповедник Фролов назвал действия партии и ее руководителей по развенчанию культа личности и ликвидации его последствий «апостольскими и мудрыми». Эта оценка была дана в контексте характеристики учения Христа как отрицавшего насилие.

Бесспорно, руководители общины воспринимали реальное положение религии таким, какое оно было, но в то же время понимали, что выжить в этой ситуации можно лишь одним способом – не привлекать к себе внимания, не совершать открытые выступления против политики государства и запрещенные законодательством действия.

18 октября 1959 г. во время встречи с руководителями Ижевской группы пятидесятников Чураков М.В. в ответ на обвинение Калегина В.М. в сотрудничестве с большевиками, заявил: «Мы живем в суровой атеистической стране, но приспосабливаться к большевикам не будем». Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР, узнав о содержании их беседы, охарактеризовал это высказывание как антисоветское.¹⁵⁷

Тогда же были и отдельные проповедники, не желавшие скрывать своего отрицательного мнения по поводу религиозной политики Советской власти.

В 1960 г. Лобастов П.М. в своей проповеди перед 150 верующими сказал, что враги христианства усилили свое преследование против последователей учения Христа. Под врагами он имел ввиду коммунистов, объединившихся в «свою антихристовую партию». Фактически он верно оценил действия партии против религии, открыто высказал свое мнение, вслед за которым последовало снятие его с регистрации «за реакционное содержание проповеди и проявление враждебных взглядов по отношению советского законодательства о культах».¹⁵⁸

В Удмуртии также действовали незарегистрированные группы ЕХБ. В 1958 г. в г. Можге действовала группа ЕХБ, насчитывавшая до 20 членов, которая находилась в духовном подчинении Ижевской общины ЕХБ.¹⁵⁹ В 1960г. эта группа насчитывала уже до 30 человек, проводила молитвенные

собрания, но уполномоченный не мог выявить руководителя этой группы.¹⁶⁰ В 1961 г. было учтено лишь 12 верующих.¹⁶¹ Проповедником этой группы был Антропов Павел, работавший на фабрике школьно-письменных принадлежностей. Наряду с проведением молитвенных собраний на дому у верующих, он посещал верующих и в индивидуальном порядке.

Антропов П. один из первых пытался поддержать движение раскольников среди христиан-баптистов. Первое письмо «инициативной группы» раскольников Крючкова и Прокофьева с призывом обратиться в высшие органы государственной власти с требованием созыва съезда христиан-баптистов под их руководством появилось в Удмуртии в конце ноября 1961 г. По инициативе Антропова был проведен сбор подписей под заявлением верующих евангельских христиан-баптистов г. Можги.¹⁶²

После съезда ВСЕХБ в октябре 1963 г. эта группа во главе с Антроповым высказала несогласие с решениями съезда, в т.ч. с Уставом, из-за отсутствия на съезде «инициативной группы» Прокофьева и Крючкова.

По просьбе уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР представители Ижевской общины разъяснили Антропову и членам его Можгинской группы об антигосударственной деятельности «инициативной группы».¹⁶³

В 1964 г. Можгинская группа ЕХБ продолжила свою нелегальную деятельность, в т.ч. она поддерживала «оргкомитет». Из г. Казани, откуда поступило первое письмо «инициативной группы» в 1961 г., приезжали представители таких же групп, которые участвовали в молитвенных собраниях, принимали исповедания и отпускали грехи, они же привозили рукописный журнал «Вестник спасения».¹⁶⁴ В этом же году группа из 24 человек направила два аналогичных письма на имя Н.С. Хрущева, образцы которых были привезены из г. Казани представителями «оргкомитета», с рядом просьб: принять делегацию «оргкомитета» для переговоров с главой правительства; разрешить созыв ВСЕХБ под руководством «оргкомитета»; освободить из тюрем всех верующих ЕХБ и прекратить репрессии.¹⁶⁵ После

посещения уполномоченным этой группы выяснилось, что большая часть верующих не знала в чем смысл раскола, т.к. поддерживавших «оргкомитет» было всего около 10 человек.

Другая община ЕХБ - в г. Сарапуле, насчитывавшая до 100 человек, в 1958 г. арендовала дом и стала открыто совершать молитвенные собрания. Ее руководителями были братья Иван (по другим сведениям – Евгений) и Александр Широковы, проживавшие в г. Камбарка и работавшие на машиностроительном заводе. В 1958 г. ими было подано заявление о регистрации общества. Вследствие раскола в группе в споре за руководство вопрос о регистрации в СМ УАССР не рассматривался.¹⁶⁶ В апреле 1959 г. группа повторно подала заявление о регистрации, но им было отказано из-за отсутствия у них молитвенного дома и желания части верующих влиться в зарегистрированную общину ЕХБ в г.Ижевске.¹⁶⁷ В 1959 г. часть верующих была принята в Ижевскую общину. Характерно, что уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР при обсуждении с Чураковым М.В. вопроса о приеме сарапульских христиан-баптистов рекомендовал принять только отдельных лиц и ни в коем случае не допускать массового приема верующих из г.Сарапула.¹⁶⁸ В 1959 г. эта группа распалась. Единовременный учет 1961 г. показал, что группа продолжала действовать и насчитывала до 80 верующих,¹⁶⁹ проповедниками в обществе стали другие люди – Неер Отто Вильгельмович и Каратаева Анисья Алексеевна.

Не признала решений съезда ВСЕХБ 1963 г. и Сарапульская группа ЕХБ в составе 5-10 человек. Она так же, как группа в г. Можге, продолжила свою нелегальную деятельность, поддерживала «оргкомитет» и писала аналогичные письма сначала Н.С.Хрущеву, а потом Косыгину А.Н. с просьбой созвать съезд ЕХБ под руководством «оргкомитета».

В 1958-1959 гг. существовали группы ЕХБ в дер. Пандерка¹⁷⁰ и в дер.Новая Пандерка Кизнерского района. Руководителями их являлись члены местного колхоза им. Короленко- бухгалтер Прокопьев И.В. и пчеловод

Овчинников В.К.¹⁷¹ Они организовывали не только молитвенные собрания, но и проводили крещение взрослых граждан. Собрания посещали и жители других населенных пунктов – разъезда Мултан и дер. Верхний Мултан. Группа просуществовала недолго и в 1959 г. распалась в результате проведения с некоторыми верующими индивидуальной работы и публикации в районной газете статьи «Кому помогают евангельские христиане?».¹⁷² Но учет 1961 г. показал, что в дер. Новая Пандерка продолжали собираться верующие в количестве 15 человек на молитвенные собрания.¹⁷³ Собирались они и в 1962 -1964 гг.

В 1960 г. было известно о группе ЕХБ в г. Воткинске, насчитывавшей 15-20 семей, собиравшихся на молитвенные собрания на частных квартирах, которые посещала молодежь.¹⁷⁴

Евангельские христиане-баптисты имели всего лишь одно зарегистрированное общество в г. Ижевске, но в то же время это общество развило очень активную деятельность. На протяжении 1958-1964 гг. количество членов общины только увеличивалось, был создан большой хор, количество совершенных религиозных обрядов росло с каждым годом. Основное число верующих составляли женщины, преимущественно из рабочих и домохозяйки. Значительное количество верующих составляла молодежь.

В целом отношение руководителей и членов Ижевской общины ЕХБ к Советскому государству было лояльным. Но были и отдельные проповедники, не желавшие скрывать своего отрицательного отношения к религиозной политике Советской власти.

Среди нелегально действовавших объединений ЕХБ в Удмуртии, как и в России, сформировалось два направления- группы, не поддерживавшие ВСЕХБ, настроенные отрицательно к политике государства, и общины, настроенные лояльно к власти, желавшие зарегистрироваться и вести легальную деятельность.

3.5. Прочие религиозные объединения

В соответствии с советским законодательством о культах ряд религиозных объединений не подлежали регистрации, и как следствие, не могли действовать легально. К ним были отнесены пятидесятники, ИПЦ, ИПХ, Свидетели Иеговы. Несмотря на запрет, эти религиозные объединения действовали в СССР, России и Удмуртии, в частности.

Пятидесятники

В Удмуртии пятидесятничество распространилось достаточно широко. Именно этому направлению уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР, местные органы власти уделяли особое внимание: выявляли группы в разных районах республики, изучали их состав, содержание проповедей, проводили мероприятия по их ликвидации.

Долгие годы группы пятидесятников в СССР не желали присоединяться к ВСЕХБ, объединивших в 1945 г. ЕХБ и пятидесятников, хотя это объединение позволяло перейти на легальное положение.

В 1958 г. группы пятидесятников действовали в г. Ижевске, г. Можге, Нылгинском, Вавожском и Увинском районах.

В г. Ижевске группа пятидесятников сложилась и начала свою деятельность в 1957 г. во главе с В.М. Калегиным в составе более 40 человек. Он имел своих последователей в пос. Ува и г. Сарапуле. Калегин В.М., 66 лет, был дважды судим за антисоветскую деятельность (осужден на 5 лет и 7 лет лишения свободы; последний раз в 1948 г.). Он прибыл в Удмуртию в 1955 г. после отбывания срока наказания и с 1957 г. активизировал религиозную деятельность:¹⁷⁵ посещал разные регионы страны, районы Удмуртии в целях объединения пятидесятников страны.

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР пытался разложить эту нелегальную группу изнутри, информировав ее членов о состоявшемся объединении пятидесятников с ЕХБ и ведении незаконной раскольнической деятельности Калегиным, но эта акция не имела успеха.

В 1959 г. Ижевской общиной ЕХБ были предприняты шаги по объединению с группой пятидесятников, которые также не достигли цели, так как Калегин наотрез отказался от объединения. В августе 1960 г. между Ижевскими группой ЕХБ и группой пятидесятников продолжились переговоры о вступлении пятидесятников в общину ЕХБ, которые 30 октября 1960 г. завершились объединением.¹⁷⁶ Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР, заинтересованный в закрытии нелегально, подпольно действовавших религиозных объединений, лояльно смотрел на это объединение. Несмотря на объединение, было выявлено, что Калегин и другие представители Ижевской группы пятидесятников, также влившихся в общину ЕХБ, продолжали посещение запрещенных групп пятидесятников в других регионах страны и Удмуртии.

В 1958 г. стало известно о группах пятидесятников в Нылгинском районе, находившихся в дер. В. Постол – 3 двора, дер. Нижний Женвай – 2 двора, дер. Кулой-Норья – 10 дворов, дер. Чияшур – 10 дворов.¹⁷⁷ Все члены этих групп являлись членами колхоза им. Кирова. Они исправно работали в колхозе, дети их посещали школу. Единственное, что смущало уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР - это редкое посещение пятидесятниками колхозных собраний, отказ от участия в выборах советских органов власти, отказ от радио.¹⁷⁸

В 1959 г. были выявлены последователи пятидесятничества в дер. Какмож-Итчи Вавожского района, сведения о которых отмечались до 1961 г. включительно.¹⁷⁹

В 1958-1959 гг. действовала группа пятидесятников в пос. Ува Увинского района во главе с В.О.Аникиенко, 1926 г.р, приехавшего из Белорусской ССР.¹⁸⁰ Аникиенко недоброжелательно относился к мероприятиям КПСС и Советского правительства, кроме того, он был недоволен органами власти, препятствовавшими ему проводить религиозную деятельность.¹⁸¹

В 1958-1959 гг. в г. Можга действовала группа, руководимая Н.Худяковым в количестве до 30 человек. Эта группа открыто совершала молитвенные собрания в частных домах. Некоторые члены общины уклонялись от участия в выборах советских органов, а две работницы кирпичного завода под влиянием религиозных воззрений написали заявления об отказе от пособий на ребенка, определенного им как матерям-одиночкам.¹⁸²

Сам Н.Худяков проводил проповедническую работу среди детей и молодежи. Результатом стало проведение медицинской экспертизы и признание его впадшим в умственное помешательство на почве фанатизма. В октябре 1959 г. он был помещен в больницу на принудительное лечение.¹⁸³ Но и после изоляции руководителя члены группы продолжали собираться на молитвенные собрания.¹⁸⁴

После объединения ижевских пятидесятников с обществом ЕХБ группы пятидесятников в г. Сарапуле и пос. Ува продолжали проводить отдельные молитвенные собрания. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР рекомендовал бывшему организатору В.М.Калегину и ряду других лиц воздействовать на эти нелегальные группы с целью прекращения ими деятельности. Уполномоченный не предлагал включить членов нелегальных групп в Ижевское религиозное общество ЕХБ, т.к. по рекомендациям Совета по делам религиозных культов при СМ СССР религиозное общество должно было объединять последователей, проживавших только в одном населенном пункте.

Единовременный учет 1961 г. выявил 3 нелегальные группы пятидесятников в г.Сарапуле, г. Можге, пос. Пычас Можгинского района, насчитывающие около 70 человек.¹⁸⁵ На молитвенные собрания члены групп собирались в частных домах с большой осторожностью, даже «скрытностью».¹⁸⁶ Они продолжали действовать и в 1962-1963 гг., причем в 1963 г. эти группы законспирировались и поменяли места сборов. Несмотря

на наличие сведений у местных органов власти и уполномоченного о продолжении деятельности, мер наказания к ним не применялось.

В 1964 г. остались только две группы пятидесятников в г. Можге и г.Сарапуле, объединявшие до 50 человек. Помимо верующих, объединившихся в группы, в ряде районов были учтены отдельные верующие г. Воткинске, Увинском, Кизнерском, Можгинском районах УАССР.¹⁸⁷

В 1963 г. появилась информация о группе пятидесятников в р.п.Кильмезь Увинского района, организованной М.В.Нестеровым (братом Максимом). В эту группу были вовлечены молодежь и подростки. Нестеров в проповедях призывал отказаться от участия в общественной и культурной жизни; своим сыновьям он запретил вступать в комсомол. В мае 1963 г. за «изуверскую антинародную деятельность» он был приговорен к 3 годам лишения свободы с отбыванием наказания в трудовых лагерях.¹⁸⁸ Однако и после осуждения руководителя пятидесятники продолжили собираться.¹⁸⁹

В 1963 г действовала группа пятидесятников в с. Вавож Можгинского района, во главе с работницей коммунальной бани.¹⁹⁰

Среди запрещенных к регистрации религиозных объединений наибольшее распространение в Удмуртии получило пятидесятничество. В рамках общероссийской тенденции объединения ЕХБ с пятидесятниками состоялось объединение Ижевского общества ЕХБ и Ижевской общиной пятидесятников. Но остальные группы пятидесятников, действовавшие в Удмуртии, остались в стороне от этого процесса и продолжали свою нелегальную деятельность. Запрет на регистрацию и легальную деятельность вынуждал группы пятидесятников вести законспирированную деятельность и менять места сборов.

Истинно-православная церковь, Истинно-православные христиане, Истинно-православные христиане-странствующие¹⁹¹

ИПЦ в России появилось в середине 1927 г. после появления «Послания к пастырям и пастве», выпущенного заместителем Патриаршего

Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) и членами Синода. Этот документ свидетельствовал о переходе РПЦ к сотрудничеству с властями, которые в обмен на легализацию «законной» церкви (в противовес обновленческой) получили контроль над внутрицерковной жизнью. В октябре 1927 г. митрополит Сергей подписал указ о поминовении в храмах представителей Советской власти. Такие компромиссы были негативно восприняты многими священнослужителями и мирянами. Наиболее сильная и сплоченная группа архиереев, отказавшихся от административного подчинения заместителю Патриаршего Местоблюстителя, оформилась в Ленинграде под руководством митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых). Именно он ввел термин «Истинно-Православная Церковь».¹⁹² Акт об отделении был подписан 26 декабря 1927 г.¹⁹³ В последующие годы влияние иосифлян распространилось и на другие епархии.

В Удмуртии в декабре 1927 г. параллельно ленинградскому разделению возникла оппозиция митрополиту Сергию во главе с двумя епископами-Глазовским Виктором и Ижевским и Удмуртским Синезием, получившее название «викторианского движения». Оно достаточно быстро объединилось с иосифлянским движением.¹⁹⁴

Иосифлянское движение с самого начала приобрело политическую антиправительственную направленность, выйдя за религиозные рамки. Главной тактической целью иосифлян было привлечение на свою сторону большей части духовенства и в конечном счете завоевание высшего церковного управления в существующей патриаршей церкви.¹⁹⁵ Идеологическая база движения была прописана в ряде программных и агитационных документов, в т.ч. в брошюре протоиерея Феодора Андреева и профессора М.А. Новоселова «Что должен знать православный христианин?». Смысл ее заключался в том, что непризнание советской власти и гражданского брака, критика интернационализма и классовой борьбы, репрессии в отношении религии оценивались как желание власти подчинить церковь.¹⁹⁶

В результате репрессий и стремления государственных органов запретить открытую деятельность иосифлян в 1930-е гг. сторонники ИПЦ перешли на нелегальное положение. В середине 1940-х гг. часть иосифлянских деятелей примирились с Патриаршей церковью, за ними последовала их паства. Другая часть непримиримых продолжила борьбу. Прекращение легальной деятельности иосифлян способствовало их отказу от выполнения ряда советских законов, участия в выборах и различных общественных мероприятиях, празднования революционных праздников, подписке на займы и др.¹⁹⁷

Появление «катакомбников» или «истинно-православных христиан» в России относится к 1918 г., когда патриархом Тихоном было подписано воззвание «К православному народу», предававшего анафеме гонителей РПЦ. Создателем сети нелегальных приходов выступила даниловская группа архиереев (наименование по месту нахождения в Свято-Даниловом московском монастыре), возглавляемая архиепископом Волоколамским Феодором (Поздеевским). Эта группа стала оппозицией не только обновленцам, но и пошедшему на компромисс с властью Патриарху. С этой группой был тесно связан архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский), которым был введен термин «истинно-православные христиане». Роль общероссийского центра ИПХ играл Воскресенский монастырь в Новгородской губернии во главе с настоятелем Макарием (Васильевым). Окончательно оформление движения ИПХ произошло в 1927-1928 гг. Вскоре после опубликования «Послания к пастырям и пастве» митрополита Сергия (Страгородского) в стране развернулся переход на нелегальное положение сотен приходов и монастырей. Идеологической основой ИПХ был антикоммунизм, имевший религиозный характер. Советская власть рассматривалась как власть антихриста, а Ленин – самим антихристом. Члены движения ИПХ отказывались от получения советского паспорта, от участия в выборах, от членства в колхозах, службы в Красной армии. Многие

катакомбники отказывались от электричества и радио. Кроме того, ИПХ не признавали Московскую патриархию.

Первая кампания властей по ликвидации общин ИПХ прошла в начале 1930-х гг., затем в годы Великой Отечественной войны и в 1950-1953 гг. После выхода священнослужителей и проповедников-мирян ИПХ из лагерей в середине 1950-х гг. их деятельность вновь активизировалась.¹⁹⁸

Первые упоминания в исследуемый период о группе верующих ИПЦ в г. Можге относятся к 1960 г., когда в марте на заседании бюро Можгинского райкома КПСС рассматривался план мероприятий по усилению антирелигиозной пропаганды в районе.¹⁹⁹ В информационном отчете Удмуртскому обкому КПСС и СМ УАССР об итогах единовременного учета 1961 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР Д. Шестаков сообщал, что в Удмуртии было выявлено две группы ИПЦ в г. Можге и дер. Валион Мало-Пургинского района и одна группа ИПХ-странствующих в г.Сарапуле.²⁰⁰ Однако в информационном отчете за год и переписных бланках, заполненных в исполкомах г. Сарапула, г. Можги и с. Малой Пурги цифры были другие. По этим данным было выявлено 3 группы ИПЦ в г. Можге, г.Сарапуле, дер. Валион Мало-Пургинского района и одна группа ИПХ-странствующих- в г.Сарапуле.²⁰¹

Группы ИПЦ объединяли около 30 человек, а группа ИПХС-35 человек. Собрания проводились в домах верующих. Руководителями групп ИПЦ были: в г. Сарапуле – Каракулина Ефросинья Поликарповна, в г. Можга – Байгельдин Василий Туктарович, в дер. Валион – Абрамов Трофим Васильевич. Руководителями группы ИПХС в г. Сарапуле были приезжие проповедники- Зот и Леонида, проживавшие в Пермской области. Последователи ИПЦ вели замкнутый образ жизни. Уполномоченный даже характеризовал их как «впавших в полное одичание». Эти группы действовали на протяжении 1961-1964 гг.

Свидетели Иеговы

В 1950-е – 1960-е гг. в советской атеистической литературе Свидетелей Иеговы обвиняли в том, что они, проповедуя близость Армагеддона, выступают на стороне поджигателей Третьей мировой войны.²⁰² Кроме того, иеговизм рассматривался, как политическое течение, враждебное Советской власти, использующее религиозную форму²⁰³ для осуществления шпионской и диверсионной деятельности.²⁰⁴

В 1958-1959 гг. Свидетелей Иеговы в Удмуртии уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР не было выявлено.²⁰⁵ Деятельность иеговистов была зафиксирована лишь в 1962 г. Тогда стало известно о группе в г. Глазове из 12 человек во главе с Ульяновой Верой Артемьевной, 1921 г.р, работавшей медсестрой в городской больнице.²⁰⁶ После осуждения руководителя члены группы заявили о разрыве с иеговистским течением.²⁰⁷ В начале 1963 г. были предприняты попытки к возобновлению нелегальных встреч некоторых лиц распавшейся группы, но по сведениям уполномоченного не увенчались успехом.²⁰⁸

На территории Удмуртии в исследуемый период также действовали незначительные по размеру незарегистрированные группы лютеран и католиков. В 1958 г. были учтены группы евангелистов, баптистов и адвентистов,²⁰⁹ состоявшие из немцев-спецпереселенцев. Предположительно эти группы находились в пос. Майский Ижевского района, пос. Вишур Нылгинского района, пос. Тюлькино-Пушкари Старо-Зятцинского района, пос. Нюрдор-Котья Вавожского района, пос. Рябово Увинского района. Известно, что в 1955-1957 гг. в этих поселках проживали семьи немцев-спецпереселенцев, объединявшиеся в группы лютеран, баптистов и меннонитов.²¹⁰ В 1957 г. было выявлено 11 групп с общим числом верующих до 350 чел.²¹¹ Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР в своих отчетах утверждал, что влияния на местное население эти группы не оказывали. В 1958 г. многие семьи выехали в

Среднюю Азию, в связи с чем численность религиозных групп сократилась, а их активность снизилась.

В 1959 г. в Увинском районе продолжали деятельность группы лютеран на Увинском и Рябовском торфопредприятиях в виде молитвенных собраний, религиозных обрядов.²¹² Сведения о лютеранах в отчетах и информациях уполномоченных Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по УАССР чрезвычайно скудны. Но в 1950-е гг. по требованию Совета по делам религиозных культов уполномоченным И.Васильевым было проведено выявление действующих групп и особенностей совершения религиозных обрядов и проведения молитвенных собраний, что может служить источником для характеристики деятельности лютеранских групп в последующие годы. Васильев выяснил, что во всех существовавших группах имелись свои служители культа – пасторы, которые проводили службы, но не могли совершать обряды, т.к. не были рукоположены в сан пасторов. Для совершения религиозных обрядов приглашали пасторов из других регионов страны. Обряды совершались вечерами, после работы, в связи с чем, случаев невыхода на работу и непосещения детьми школы не было зафиксировано.

В 1961 г. была выявлена лишь одна группа лютеран в г. Сарапуле, объединившая 30 верующих немцев.²¹³ Соборания проводились всего два раза в год. Проповедником группы был Кеффер Рифорт Иванович, работавший на заводе им. Дзержинского.²¹⁴

Первые упоминания о группах католиков в республике относятся к 1961 г., когда состоялся единовременный учет всех действовавших религиозных объединений в Удмуртии. Тогда была выявлена группа в г. Сарапуле, объединявшая до 30 чел.²¹⁵ Соборания католиков по этому же учету проводились в домах верующих. Проповедником группы был Ибох Антон Петрович, работавший на заводе им. Орджоникидзе.²¹⁶

В 1958-1964 гг. в Удмуртии действовали значительные группы запрещенных к регистрации религиозных объединений пятидесятников, ИПЦ, ИПХ, Свидетелей Иеговы. Уполномоченный Совета по делам

религиозных культов при СМ СССР по УАССР принимал меры к сокращению числа верующих, что заставляло последних уходить «в подполье».

Среди незарегистрированных религиозных объединений, но имевших юридически на это право, были выявлены группы лютеран и католиков.

Отсутствие в отчетах уполномоченных подробных сведений о деятельности маленьких по размеру религиозных групп ИПЦ, ИПХ, лютеран и католиков стало следствием отсутствия указаний со стороны Совета по делам религиозных культов при СМ СССР об их детальном изучении.

В последующие годы число нелегально действовавших религиозных объединений увеличилось. В 1966 г. наряду с зарегистрированными 18 РПЦ, 5 мусульманскими, 2 старообрядческими белокрыничскими, одним обществом ЕХБ, нелегально действовали 8 мусульманских, 21 старообрядческое беспоповское, 6 ЕХБ, 4 объединения пятидесятников, 3 – ИПЦ, 2 – ИПХ, 1 – католиков, 1 – лютеран, 1 – адвентистов.²¹⁷ Соответственно и число лиц, посещавших эти религиозные объединения, было значительно выше. В 1966-1967 гг. общее число граждан Удмуртии, посещавших молитвенные собрания, составляло 16-17 тыс. человек.²¹⁸

Рост числа лиц, посещавших религиозные объединения в последующие годы, свидетельствует не о сокращении числа верующих в конце 1950-х – середине 1960-х гг., а лишь о сокрытии гражданами своих религиозных убеждений под давлением государственной политики.

¹ Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. – М., 1960. – С.15.

² ЦГА УР, Ф.Р-845, оп.5, д.253, л.71-72

³ Там же, Ф.Р-551, оп.1, д.135, л.55, д.139, л. 103, 104, 169, 207, 209, 244, д.142, л.46, 118, 125. С учетом только 14 из 28 РПЦ.

⁴ там же, д.61, л.66об., д.64, л.2

⁵ ЦДНИ УР, ф.16, оп.1, д.5065, л.102.

⁶ Там же, л.92.

⁷ Там же, л.103.

⁸ Там же, л.90-91

⁹ ГАРФ, Ф.6991, оп.1, д.1122, л. 11, 12; ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.115, л.2-3.

¹⁰ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.114, л.15-15об.

¹¹ РГАНИ, ф.5, оп.33, д.91, л.15

¹² Там же.

¹³ ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.135, л.37; РГАНИ, ф.5, оп.34, д.37, л.5; ГАРФ, ф. 6991, оп.2, д.236, л.29

¹⁴ ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.321, л.12-33

- ¹⁵ ЦГА УР, Ф.Р-1671, оп.1, д.18, л.1, 34
- ¹⁶ ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.263, л.7
- ¹⁷ Там же, д.288, л.85
- ¹⁸ Там же, л.2-3,9
- ¹⁹ Там же, л.8
- ²⁰ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.135, л.49; д.142, л.9
- ²¹ Там же, д.152, л.21
- ²² Таблица составлена по материалам: ЦГА УР, ф. Р-551, оп.1, д.139, л.103, д.158, л.26-26 об., д.147, л.21, Р-1671, оп.1, д.18, л.15,
- ²³ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, л. 103, 104, 169, д.142, л.46, 118, 125
- ²⁴ ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.321, л.12-33
- ²⁵ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.158, л.26, д.164, л.23
- ²⁶ Там же, д.142, л.11
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же, д.139, л.106
- ²⁹ Там же, д.142, л.11
- ³⁰ Там же, д.147, л.21
- ³¹ Там же, д.152, л.21
- ³² Там же, д.158, л.26об., д.164, л.28
- ³³ Там же, д.139, л.106
- ³⁴ Там же, д.147, л.21
- ³⁵ Там же, Ф.Р-1671, оп.1, д.18, л.2
- ³⁶ Там же, л.4
- ³⁷ Архиепископ Ювеналий: 16.02.1935 г. хиротонисан во епископа Синьцзянского Русской Православной Церкви Зарубежной; с мая 1941 г.- епископ Цицикарский; с октября 1945 г. воссоединен с Московской патриархией; с 1946 г. – епископ Шанхайский; с января 1947 г. – на покое; с 12.05.1947 г. – епископ Челябинский и Златоустовский; с 3.06.1948 г. – епископ Иркутский и Читинский; с 21.02.1949 г. – архиепископ Омский и Тюменский; с 31.07.1952 г. – архиепископ Ижевский и Удмуртский; скончался 28.12.1958 г., приняв схиму с именем Иоанн. (Цыбин В. История Русской Православной церкви. 1917-1997.т.9. – М., 1997. – С.769).
- ³⁸ Цыбин В. История Русской Православной церкви. 1917-1997.т.9. – М., 1997. – С.769.
- ³⁹ Михаил: 13.12.1953 г. хиротонисан во епископа Лужского, викарий Ленинградской епархии, управляющий патриаршими приходами в Финляндии; с 11.11.1954 г. – епископ Старорусский, викарий Ленинградской епархии; с 1.02.1957 г. – епископ Вяземский, затем епископ Смоленский и Дорогобужский; с 1.08.1957 г. – епископ Берлинский и Германский; с 5.03.1959 г. – епископ Ижевский и Удмуртский; с 8.08.1961 г. – епископ Тамбовский и Мичуринский; с 16.11.1962 г. – епископ Ставропольский и Бакинский; с 25.02.1965 г. в сане архиепископа; с 27.02.1968 г. – архиепископ Воронежский и Липецкий; с 11.10.1972 г. – архиепископ Вологодский и Великоустюжский; с 3.09.1974 г. – архиепископ Тамбовский и Мичуринский; скончался 25.04.1985 г. (Цыбин В. История Русской Православной церкви. 1917-1997. т.9. – М., 1997. – С.750)
- ⁴⁰ ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.284а, л.41; Цыбин В. История Русской Православной церкви. 1917-1997.т.9. – М., 1997. – С.750.
- ⁴¹ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.6; Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» // Отечественные архивы 1994. – № 5. – С.50.
- ⁴² ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.147, л.82; ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.284а, л.41
- ⁴³ ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.284а, л.55
- ⁴⁴ ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.135, л.97, д.142, л.6
- ⁴⁵ Там же, д.135, л.97, д.139, л.127
- ⁴⁶ Там же, Ф.Р-1671, оп.1, д.18, л.5-6
- ⁴⁷ Там же, Ф.Р-551, оп.1, д.135, л.97, д.142, л.7, д.147, л.13, д.158, л.30, д.164, л.19-20, Ф.Р-1671, оп.1, д.18, л.6
- ⁴⁸ Там же, Ф.Р-1671, оп.1, д.18, л.6
- ⁴⁹ Там же, Ф.Р-551, оп.1, д.147, л.15
- ⁵⁰ Удмуртская правда. – 1960. – 13 ноября.
- ⁵¹ Удмуртская правда. – 1963. – 30 августа.; Удмуртская правда. – 1964. – 31 января.
- ⁵² ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.11
- ⁵³ Там же, д.147, л.2
- ⁵⁴ Там же, д.158, л.22об.
- ⁵⁵ Там же, д.147, л.24
- ⁵⁶ Там же, д.152, л.15
- ⁵⁷ Там же, д.147, л.13

-
- ⁵⁸ Подробнее см. Главу 2.2.
- ⁵⁹ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.193; д.147, л.27
- ⁶⁰ Там же, д.142, л.14
- ⁶¹ ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.321, л.11, 34
- ⁶² Там же, оп.4, д.318, л.21, 22, 24, 25, 26
- ⁶³ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.135, л.55
- ⁶⁴ Там же, д.139, л.244
- ⁶⁵ Там же, д.142, л.210, 273
- ⁶⁶ ГАРФ, ф.6991, оп.4, д.436, л.163
- ⁶⁷ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.212
- ⁶⁸ Там же, д.139, л.210
- ⁶⁹ Там же, д.142, л.212
- ⁷⁰ Там же, л.276
- ⁷¹ Там же1, д.152, л.123, д.158, л.111, д.164, л.144, д.164, л.42
- ⁷² Там же, д.164, л.42
- ⁷³ Там же, д.142, л.116
- ⁷⁴ Там же, д.139, л.141
- ⁷⁵ Там же, д.152, л.123
- ⁷⁶ Там же, д.142, л.211
- ⁷⁷ Там же, л.150, 275
- ⁷⁸ Там же, л.276, д.158, л.111
- ⁷⁹ Там же, д.135, л.55
- ⁸⁰ Там же, д.139, л.245об.
- ⁸¹ Там же, д.135, л.132
- ⁸² Там же, д.121, л.19
- ⁸³ Там же, д.139, л.140
- ⁸⁴ Там же, д.135, л.132
- ⁸⁵ ГАРФ, ф.6991, оп.4, д.429, л.56об.
- ⁸⁶ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.168, л.19
- ⁸⁷ ГАРФ, ф.6991, оп.4, д.430, л.48об.
- ⁸⁸ Там же, д. 436, л.164
- ⁸⁹ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.147, л.174
- ⁹⁰ Там же д.158, л.112об.
- ⁹¹ Там же, д.164, л.44
- ⁹² Там же д.169, л.98-99
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ ГАРФ, ф.6991, оп.4, д.318, л.27
- ⁹⁵ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.280
- ⁹⁶ ГАРФ, Ф.6991, оп.4, д.436, л.163
- ⁹⁷ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.152, л.123
- ⁹⁸ Там же, д.147, л.140
- ⁹⁹ Там же, д.142, л.67
- ¹⁰⁰ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.67
- ¹⁰¹ Там же, д.135, л.37
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же, л.55
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же, д.139, л.237, 244
- ¹⁰⁷ Там же, д.142, л.210
- ¹⁰⁸ Там же, л.273
- ¹⁰⁹ Там же, л.211
- ¹¹⁰ Там же, д.139, л.239
- ¹¹¹ Там же, д.142, л.211
- ¹¹² Там же, л.125
- ¹¹³ Там же, д.169, л.94
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Там же, д.142, л.276
- ¹¹⁷ ГАРФ, ф.6991, оп.4, д.318, л.20
- ¹¹⁸ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.277
- ¹¹⁹ Там же, д.169, л.92

-
- 120 Там же, д.152, л.123, д.169, л.92
121 Там же, д.169, л.93
122 Там же, д.135, л.55
123 Там же, д.139, л.245об.
124 Там же, л.211
125 Там же, д.152, л.120
126 Там же, л.122
127 Там же, д.158, л.110
128 Там же, д.164, л.153
129 Там же д.139, л.209
130 ЦДНИ УР, ф.690, оп.11, д.2, л.80
131 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.154, 280
132 Там же, д.147, л.44
133 ГАРФ, ф.6991, оп.4, д.318, л.12-18
134 Там же, л.5-10
135 Там же, л.19
136 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.152, л.122
137 Там же, д.147, л.62
138 Там же, д.158, л.110об., д.164, л.147
139 Там же, д.169, л.94
140 ГАРФ, ф.6991, оп.4, д.318, л.4
141 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.135, л.55
142 Там же, д.158, л.111об.
143 Там же, д.164, л.147
144 Там же, д.169, л.107
145 Там же, д.139, л.211
146 Там же, д.142, л.213
147 Там же, д.164, л.147
148 Там же, д.169, л.108
149 Там же, д.139, л.237
150 Там же, л.245об.
151 Там же, д.142, л.277
152 Корнилов И.П. Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в. – 80-е гг. XXв.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – С.22.
153 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.158, л.142
154 ГАРФ, ф.6991, оп.4, д.140, л.73, 88
155 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.158, л.148
156 Там же, д.152, л.125
157 Там же, д.139, л.251
158 Там же, д.142, л.221-222
159 Там же, д.139, л.207
160 Там же, д.142, л.279
161 ГАРФ, ф.6991, оп.4, д.318, л.29
162 Там же, д.133, л.22; ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.158, л.142
163 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.164, л.152
164 Там же, д.169, л.86
165 Там же.
166 Там же, д.139, л.210
167 Там же, оп.2, д.2655, л.139-140
168 Там же, оп.1, д.139, л.252
169 ГАРФ, Ф.6991, оп.4, д.318, л.30
170 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.139, л.209
171 Там же, л.242
172 Там же, д.142, л.216
173 ГАРФ, Ф.6991, оп.4, д.318, л.31
174 ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.27
175 Там же, д.139, л.241
176 Там же, д.142, л.277; л.262
177 Там же, д.139, л.208
178 Там же
179 Там же, д.147, л.71
180 Там же, д.139, л.159

-
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² Там же, д.139, л.207-208
- ¹⁸³ Там же, д.142, л.216
- ¹⁸⁴ ЦДНИ УР, ф.311, оп.1, д.348, л.44
- ¹⁸⁵ ГАРФ, ф.6991, оп.4, д.318, л.32-34об.
- ¹⁸⁶ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.152, л.127-128
- ¹⁸⁷ Там же, д.169, л.102
- ¹⁸⁸ Там же, д.164, л.151. См. также Главу 2.2.
- ¹⁸⁹ ЦДНИ УР, Ф.4757, оп.1, д.3, л.85
- ¹⁹⁰ Там же, ф.4772, оп.1, д.2, л.67, ФИО руководителя в документах не обнаружено.
- ¹⁹¹ ИПХС – катакомбная ветвь старообрядцев.
- ¹⁹² Другое название – «иосифляне» – по имени руководителя.
- ¹⁹³ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000. – С.219.
- ¹⁹⁴ Ивонин Ю.М. Христианство в Удмуртии: история и современность. – Устинов, 1987. – С.68-69; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000. – С.220; Шумилов Е.Ф. Православная Удмуртия: История Ижевской и Удмуртской епархии. XX. век. – Ижевск, 1996. – С.108.
- ¹⁹⁵ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000. – С.224.
- ¹⁹⁶ Шкаровский М.В. Указ. соч.- С.228.
- ¹⁹⁷ Шкаровский М.В. Указ. соч.- С.238.
- ¹⁹⁸ Шкаровский М.В. Указ. соч.- С.242, 243, 246-246, 258, 259.
- ¹⁹⁹ ЦДНИ УР, ф.311, оп.1, д.349, л.94
- ²⁰⁰ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.2, д.2966, л.16
- ²⁰¹ Там же, оп.1, д.152, л.128; ГАРФ, Ф.6991, оп.4, д.318, л.35-38об.
- ²⁰² Иваненко С.И. Эволюция идеологии и деятельности религиозной организации Свидетелей Иеговы в России. Социально-философский анализ. Дисс. ... д. филос. наук. – М., 2002. – С.173.
- ²⁰³ Белов А.В. Секты, сектанство, сектанты. – М., 1978. – С.63.
- ²⁰⁴ Иваненко С.И. Эволюция идеологии и деятельности религиозной организации Свидетелей Иеговы в России. Социально-философский анализ. Дисс. ... докт. филос. наук. – М., 2002.– С.174.
- ²⁰⁵ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.142, л.216
- ²⁰⁶ Там же, д.158, л.113об.
- ²⁰⁷ О причинах осуждения См. Главу 2.2.
- ²⁰⁸ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.164, л.152
- ²⁰⁹ Там же, д.139, л.210
- ²¹⁰ Там же, д.121, л.24-25, д.132, л.290-291
- ²¹¹ Там же, д.132, л.291
- ²¹² Там же, д.139, л.242
- ²¹³ ГАРФ, Ф. 6991, оп.4, д.318, л.1об.-2; ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.152, л.127; оп.2, д.2966, л.16;
- ²¹⁴ ГАРФ, Ф. 6991, оп.4, д.318, л.1об
- ²¹⁵ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.152, л.127; оп.2, д.2966, л.16; ГАРФ, Ф. 6991, оп.4, д.318, л.1а-1а об.
- ²¹⁶ ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.152, л.127
- ²¹⁷ Там же, д.168, л.14-15
- ²¹⁸ Там же, Ф.Р-1671, оп.1, д.38, л.10

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В советской государственно-конфессиональной политике в конце 1950-х наметился новый этап. Он был связан со стремлением преодолеть сталинское наследие и с провозглашением Н.С. Хрущевым на внеочередном XXI съезде КПСС полной и окончательной победы социализма в СССР и начала развернутого строительства коммунизма, где не могло быть места религиозному сознанию, как пережитку капитализма. Хронологически новый этап ограничен рамками конца 1950-х – середины 1960-х гг. В эти годы политика государства строилась на антирелигиозных установках партии и преследовала цель- «освобождение сознания от религиозных предрассудков и суеверий». Для достижения поставленной цели было обновлено законодательство о религиозных культах.

Особенностью этого законодательства было то, что с одной стороны, продолжали действовать законы, принятые ранее, предоставлявшие религиозным обществам различные права, а с другой, дополнительно принимались законы, ограничивавшие имущественные и финансовые права религиозных обществ, руководство духовенством жизнью прихода; права граждан, в т.ч. детей и молодежи, на свободу совести; на совершение паломничества; получение духовного образования; законы, контролирующие доходы священно- и церковнослужителей. Кроме того, в соответствии с негласными указаниями Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР при помощи административных мер чинились всевозможные препятствия по реализации прав религиозных обществ и граждан.

Для политики этих лет была характерна активизация и ужесточение контроля за соблюдением законодательства о культах, осуществляемого Советами по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР, их уполномоченными и группами общественного контроля при исполкомах Советов депутатов трудящихся. Были также приняты дополнительные законодательные акты, расширявшие ответственность, в т.ч. уголовную, духовенства и верующих за нарушения законодательства о культах.

Активизация наступления партии на религию характеризовалась постепенным углублением и конкретизацией задач, форм и методов работы по преодолению религиозности населения. В Удмуртии реализация партийных установок осуществлялась через местные партийные, советские органы, общественные организации. Партийные организации, выполняя решения вышестоящих органов, руководили антирелигиозной работой всех учреждений республики, концентрируясь на научно-атеистической пропаганде и антирелигиозном воспитании. Парторганизации ставили перед советскими органами, образовательными учреждениями и общественными организациями практические задачи. Своеобразны были взаимоотношения между партийными организациями и уполномоченными Советов по делам РПЦ и религиозных культов при ЦМ СССР по УАССР. В руках уполномоченных была сосредоточена информация о религиозной ситуации в республике, которую он получал с помощью местных советских органов. Именно уполномоченный отслеживал правильность реализации законодательства о религиозных культах в Удмуртии, получая своевременные рекомендации из центра по уточнению осуществления этой политики и на их основе корректировал работу как советских, так и партийных органов в республике. Важнейшие решения по осуществлению государственной политики в сфере религии он согласовывал с Удмуртским обкомом партии, совместно с республиканским и городскими (районными) комитетами КПСС разрабатывал мероприятия по ограничению деятельности церковнослужителей, по самоликвидации церковных обществ и групп. Одновременно уполномоченный не имел права самостоятельно вмешиваться в деятельность партийных органов по осуществлению научно-атеистической пропаганды и политического воспитания граждан.

Особенностью политики партии по преодолению религиозности населения в рассматриваемый период была установка на проведение систематической, грамотной научно-атеистической пропаганды среди разных социальных групп, исключая оскорбление чувств верующих. И все же

антирелигиозная работа оказалась неэффективной из-за формализма в проведении этой работы, некачественной подготовки атеистов-пропагандистов, отсутствия специалистов, владевших удмуртским и татарским языками, отсутствия достойной замены религиозным обрядам. Следует констатировать, что неудача в реализации политики, направленной на искоренение религиозности в сознании граждан, была predetermined постановкой партийными органами нереальных задач для выполнения.

Значительная практическая работа в Удмуртии осуществлялась уполномоченными Советов по делам РПЦ и религиозных культов при Совете Министров СССР по Удмуртской АССР и местными советскими органами.

На протяжении всего периода уполномоченные изучали деятельность всех религиозных объединений Удмуртии и их священнослужителей; организовывали работу с местными советскими и партийными органами по контролю за соблюдением законодательства о культурах; своевременно информировали Советы по делам РПЦ и религиозных культов, СМ УАССР, Удмуртский ОК КПСС, местные партийные и советские органы о религиозной ситуации; рекомендовали меры по ликвидации разнообразных нарушений законов со стороны духовенства и расширения научно-атеистической работы.

Для искоренения религиозных предрассудков советских граждан применялись административные мероприятия в виде снятия с регистрации действовавших религиозных обществ. Сильнее этой атаке была подвержена РПЦ. Основными причинами снятия с регистрации были: ветхое состояние молитвенного здания, распад «двадцатки», наличие генерального плана застройки местности, на которой располагался храм. Молитвенные здания религиозных обществ, снятых с регистрации, постановлениями Совета Министров УАССР передавались в пользование колхозам, школам, детским садам, сельским Советам под мастерские, учебные классы, сельские клубы, склады. Особенностью закрытия церквей в Удмуртии было отсутствие сопротивления со стороны верующих.

Осуществление антирелигиозной политики было невозможно без помощи исполкомов местных Советов. Ими неоднократно было использовано право отвода нежелательных лиц из состава исполнительного органа религиозного общества и их замене.

Одним из способов лишения религиозного общества культового здания-первого этапа на пути снятия с регистрации религиозного общества, было предотвращение сохранности и своевременного ремонта предоставленного в аренду молитвенного здания, на что и были направлены усилия уполномоченных Советов и местных советских органов.

С целью лишения священнослужителей руководства финансово-хозяйственной деятельностью религиозного общества, материальной заинтересованности в священнической деятельности, получения более точных сведений о церковной обрядности, выявления лиц, совершавших религиозные обряды в Удмуртии был осуществлен перевод духовенства на твердое денежное содержание и введение квитанционного учета требоисправлений в соответствии с общесоюзными законами.

В связи с привлечением государством церковного ресурса в решении внешнеполитических задач потребовались значительные финансовые средства, которые должны были предоставить религиозные центры и их общества. Для сбора необходимых средств уполномоченный Советов по делам РПЦ при СМ СССР по УАССР настойчиво рекомендовал местным религиозным обществам сдавать свободные деньги в фонд защиты мира. Масштаб «добровольной» сдачи средств религиозными обществами Удмуртии в фонд защиты мира свидетельствует о лояльности духовенства и верующих к этой акции.

Религиозные права граждан в Удмуртии всячески ограничивались. Детям и подросткам запрещалось посещать храмы, участвовать в богослужениях. Паломничества также были запрещены. В эти годы были предприняты шаги по замене религиозных обрядов безрелигиозными. Но

данная работа в республике была поставлена плохо и значительных результатов по отвлечению населения от религии не наблюдалось.

Контроль за соблюдением законодательства о культах осуществляли комиссии при исполкомах и уполномоченные Советов. Члены комиссий изучали деятельность религиозных объединений, священнослужителей, выявляли верующих и проводили с ними индивидуальную работу с целью отвлечения их от религии, выявляли факты нарушения законодательства.

Уполномоченный также активно осуществлял контроль за соблюдением законодательства о культах, путем посещения религиозных обществ, бесед с нарушителями; координировал работу исполкомов и их комиссий, партийных органов, организуя семинары и лекции по разъяснению законодательства о культах, обобщая имевшийся материал о религиозной обстановке в республике и фактах нарушения законодательства, предлагая пути и способы решения отдельных проблем.

Значительные ограничения деятельности духовенства, религиозных объединений и желание религиозных культов выжить в условиях гонения на религию непременно сопровождались нарушениями законодательства о культах. Самое пристальное внимание власти было обращено на православные общества и духовенство, а также запрещенные к регистрации религиозные объединения – пятидесятников, Свидетелей Иеговы, ИПХ и ИПЦ. Отношение к другим религиозным обществам было намного мягче – к ним применялись лишь предупреждения и ни разу никто из них не был снят с регистрации с запрещением религиозной деятельности. Именно в этот период вступил в силу новый Уголовный кодекс РСФСР, содержащий статьи, предусматривавшие наказание за совершение запрещенных религиозных обрядов. Отдельные служители культов испытали на себе действие нового УК.

Из-за незнания членами местных исполкомов Советов законодательства о культах и указаний Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, наличия сильного влияния духовенства на местное население, а также

желания отдельных руководителей поскорее добиться сокращения религиозных обществ и верующих, что было возможно только административными мерами, имелись случаи нарушения законодательства о культах со стороны советских и партийных органов, предприятий, учреждений, отдельных активистов.

Новая антирелигиозная политика государства конца 1950-х – середины 1960-х гг. сказалась на деятельности каждого религиозного объединения республики и положения религии в целом.

Наибольшее распространение православия в Удмуртии в начале нового периода в государственно-конфессиональной политике предопределило степень воздействия государства на сокращение религиозных обществ РПЦ. К началу 1965 г. значительно сократилось число церквей и совершаемых в них обрядов. Но контингент верующих остался прежним – церкви посещали все группы населения: женщины, мужчины, молодежь, дети дошкольного и школьного возраста и разные социальные группы – ИТР, служащие, рабочие, колхозники. Но основным контингентом все же были женщины старше 50 лет. Наряду с жителями Удмуртии православные храмы посещали отдельные верующие из близлежащих районов Кировской и Пермской областей, Татарской АССР.

Обслуживали храмы и верующих преимущественно священнослужители в возрасте старше 55-60 лет. Эта категория священнослужителей к 1965 г. достигла 81%. Муллы же Удмуртии все были пожилыми людьми. Но следует отметить, что в отличие от мусульманского культа среди служителей РПЦ были лица до 40 лет, составлявшие от 13 до 19 %. В условиях сокращения духовных учебных заведений и препятствий со стороны государства количество священнослужителей Удмуртии, имевших духовное образование, стремительно сокращалось. Если среди православного духовенства к 1965 г. еще были лица с духовным образованием, то среди мулл их не осталось вообще. О кадровом кризисе также свидетельствовало подавляющее число служителей культа, имевших только светское начальное образование. И

опять в более выгодном положении оказалась РПЦ. Ее священнослужители отчасти имели светское среднее образование, тогда как муллы – только начальное.

Для православной церкви в Удмуртии была характерна большая текучесть кадров. За весь период произошла смена 53 священнослужителей.

Местное духовенство в целях привлечения и сохранения числа верующих, а также поддержания своего материального благополучия совершала действия, запрещенные законодательством о культурах и влекущие за собой наказание.

Несмотря на принятие документов, ограничивавших права и деятельность религиозных обществ, православное и мусульманское духовенство республики оставалось лояльно к государственной власти. Оно поддерживало и одобряло решения КПСС в проповедях перед верующими.

В то же время православное духовенство и верующие республики оказывали сопротивление новой религиозной политике. Особую роль в сохранении церковных приходов, соблюдению прав обществ и духовенства, поддержке их материального благосостояния, укреплению состава «двадцаток» молодыми и заинтересованными людьми, обновлению кадров сыграл архиепископ Михаил. Эта политика стоила ему перевода в другую епархию и ликвидации самостоятельности Ижевской и Удмуртской епархий.

Состояние ислама в Удмуртии можно охарактеризовать как стабильное. На всем протяжении исследуемого периода не была закрыта ни одна мечеть, сохранялась достаточно высокая их посещаемость. Особенностью контингента верующих, присутствовавших на молитвенных собраниях, было посещение лишь лицами мужского пола. Женщины также участвовали в молитвенных собраниях, но отдельно от мужчин, при этом не в мечети, а в частном доме у жены муллы. Как и в православных церквях основной возрастной категорией верующих являлись люди предпенсионного и пенсионного возраста. Еще одной особенностью религиозности мусульман

было то, что многие верующие не посещали мечети, но строго выполняли мусульманские обычаи и обряды.

Муллы имели достаточно сильные позиции в религиозных обществах. Они чаще всего руководили финансово-хозяйственной деятельностью обществ, но делали это через членов исполнительного органа, которые очень внимательно и послушно относились к рекомендациям мулл по управлению религиозным обществом.

Состояние зарегистрированных старообрядческих обществ было неустойчивым, о чем свидетельствовало падение числа совершенных религиозных обрядов, и числа верующих, посещавших храмы, что позволило властям снять с регистрации одно из зарегистрированных обществ.

Евангельские христиане-баптисты, имевшие всего одно зарегистрированное общество, развили очень активную деятельность. На протяжении 1958-1964 гг. количество членов общины только увеличивалось, количество совершенных религиозных обрядов росло с каждым годом. Основное число верующих составляли женщины, преимущественно из рабочих и домохозяйки. Значительное количество верующих составляла молодежь. Духовное руководство общиной и верующими осуществлял пресвитер без всякого духовного образования.

В целом отношение руководителей и членов Ижевской общины ЕХБ к Советскому государству было лояльным. Но были и отдельные проповедники, не желавшие скрывать своего отрицательного отношения к религиозной политике Советской власти, за что немедленно наказывались уполномоченным Совета по делам религиозных культов.

В 1958-1964 гг. произошло сокращение официально зарегистрированной обрядности во всех легально действовавших религиозных обществах, сократилось число верующих, посещавших религиозные службы.

Государственная политика, препятствовавшая росту количества зарегистрированных религиозных обществ, одновременно способствовала

появлению нелегальных религиозных объединений мусульман, старообрядцев, но кроме РПЦ.

Среди незарегистрированных религиозных объединений, но имевших юридически на это право, в республике действовали группы лютеран и католиков, состоявшие преимущественно из немцев.

В 1958-1964 гг. в УАССР действовали значительные группы запрещенных к регистрации религиозных объединений пятидесятников, ИПЦ, ИПХ, Свидетелей Иеговы. Пристальное внимание к пятидесятникам в СССР сказалось и на их положении в Удмуртии. Уполномоченный Совета наблюдал за проповедями пятидесятников, выявлял нелояльных, принимал меры к сокращению числа верующих, что заставляло верующих уходить «в подполье». Столь же внимательно местные власти относились к деятельности Свидетелей Иеговы.

В последующие годы число нелегально действовавших религиозных объединений увеличилось. В 1966 г. наряду с 26 зарегистрированными религиозными обществами РПЦ, мусульман, старообрядцев, ЕХБ, нелегально действовали еще 47 религиозных объединений, которые посещало 16-17 тыс. человек.

Рост числа лиц, посещавших религиозные объединения в последующие годы, свидетельствует не о сокращении числа верующих в конце 1950-х – середине 1960-х гг., а лишь о сокрытии гражданами своих религиозных убеждений под давлением государственной политики.

Таким образом, ужесточение религиозной политики в конце 1950-х – середине 1960-х гг. привело к сокращению числа легально действовавших религиозных обществ, зарегистрированных обрядов, сказалось на обеспечении кадрами действующих религиозных обществ, но в то же время способствовала увеличению нелегально действующих религиозных групп, сохранению религиозности на семейно-бытовом уровне. В целом преодолеть религиозность населения Удмуртии не удалось. Партия и государство объясняли это недостаточной научно-атеистической пропагандой,

недостатком пропагандистских кадров со знанием языков народностей СССР, слабым внедрением нерелигиозных обрядов. Были и другие причины сохранения религиозности населения. Это и многовековая традиция, наличие этнорелигиозных связей, второстепенность проблемы для общества, наличие в руководстве КПСС различных взглядов на методы борьбы с религией, либерализация общества в период «оттепели» и как следствие стремление к реализации подлинных прав и свобод граждан. Возможно, это и психологические причины: что запрещено, то является наиболее привлекательным и желанным. Кроме того, укрепление церкви на международной арене заставляло государство с одной стороны считаться с ней, тем самым, легализуя, а где-то и укрепляя ее позиции (в первую очередь во внешнеполитическом аспекте), дабы продемонстрировать Западу относительную комфортность существования религиозных организаций в Советском Союзе, а с другой стороны требовалось, используя максимально возможности церкви, не позволить ей укрепиться внутри страны. Весь комплекс причин религиозности населения достаточно широк и, безусловно, представляет определенный интерес, но находится за пределами предмета исследования.

Реализовывавшаяся антирелигиозная политика с 1918 по 1991 гг. привела в итоге к печальным последствиям. Отсутствие политического опыта в условиях сосуществования разнообразных мировоззренческих доктрин привело к обратному явлению – безоглядной массовой религиозности населения, появлению широчайшего спектра групп, позиционировавших себя как религиозные, и необходимости выработки новой государственно-конфессиональной политики на принципах свободы совести и вероисповедания.

Приложения

Таблица 1

**Динамика зарегистрированного духовенства религиозных обществ РПЦ в Удмуртии в 1958-1965 гг.
(на 1 января)¹**

Категории священнослужителей	Годы							
	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Архиереи	1	1	1	1	-	-	-	-
Священники	47	47	43	39	31	28	29	29
Диаконы	12	12	12	10	9	8	7	8
Всего	60	60	56	50	40	36	36	37

¹ Таблица составлена по материалам: ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.236, л.30, д.263, л.20, д.264, л.27, д.288, л.86, ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.152, л.17, д.158, л.30, д.164, л.19, ф.Р-1671, оп.1, д.18, л.5

Таблица 2

**Возрастной состав зарегистрированного духовенства религиозных обществ РПЦ в Удмуртии
в 1958-1965 гг. (на 1 января)¹**

Возрастные категории	Годы							
	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
До 40 лет	8	8	8	8	4	4	5 ²	7
40-50 лет	8 ³	8	6	6	4	- ⁴	3	-
50-60 лет	44 ⁵	44	10	8	10	-	9	-
Старше 60 лет	- ⁶	-	32	28	22	-	21	30
Всего	60	60	56	50	40	36	37	37

¹ Таблица составлена по материалам: ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.235, л.19, д.236, л.30, д.264, л.27, д.288, л.86, ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.142, л.6, д.147, л.13, д.152, л.18, д.164, л.19, Ф.Р.1671, оп.1, д.18, л.5-6.

² Ранжирование указано с учетом 1 псаломщика, о возрасте которого не известно.

³ В графах 1958-1959 гг. указаны данные о духовенстве в возрасте от 41 до 55 лет.

⁴ За 1963 г. нет сведений о ранжировании духовенства по возрасту.

⁵ В графах 1958-1959 гг. указаны данные о духовенстве в возрасте старше 55 лет.

⁶ За 1958-1959 гг. нет сведений о духовенстве в возрасте старше 60 лет.

Таблица 3

**Зарегистрированные и незарегистрированные религиозные объединения Удмуртии
в 1958-1965 гг. (на 1 января с учетом объединений, действовавших в течение года)¹**

Объединения (зарегистрированные/ незарегистрированные)	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РПЦ	<u>29</u> -	<u>29</u> -	<u>28</u> -	<u>26</u> 1	<u>22</u> -	<u>19</u> -	<u>18</u> -	<u>18</u> -
Мусульманские	<u>5</u> 2	<u>5</u> 2	<u>5</u> 3	<u>5</u> 3	<u>5</u> 3	<u>5</u> 2	<u>5</u> 2	<u>5</u> 2
Старообрядческие								
- белокриницкого согласия	<u>2</u> 1	<u>2</u> 1	<u>2</u> -	<u>2</u> 1	<u>2</u> -	<u>2</u> -	<u>2</u> -	<u>2</u> -
- беглопоповского согласия	<u>1</u> -	<u>1</u> -	<u>1</u> -	<u>1</u> -	<u>1</u> -	-	-	-
- беспоповского согласия	-	-	<u>4</u>	<u>17</u>	<u>3</u>	<u>3</u>	<u>17</u>	<u>17</u>
ЕХБ	<u>1</u> 4	<u>1</u> 3	<u>1</u> 2	<u>1</u> 3	<u>1</u> 2	<u>1</u> 2	<u>1</u> 3	<u>1</u> 3

¹ Таблица составлена по материалам: ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.235, л.6, д.236, л.29, д.263, л.5, д.264, л.26, д.288, л.85, оп.4, д.318, л.1об.-2, 4-10, 12-19, 27, 29-34об.-38об., д.431, л.103, ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.135, л.55, д.139, л.159, 207-210, 242, д.142, л.5, 27, 67, 154, 210, 214, 216, 273, 279, 280, д.147, л.12, 44, 62, 71, 140, д.152, л.17, 122-124, 127-128, д.158, л.110об-111, 113об., д.164, л.147, 155, д.169, л.94, 107, оп.2, д.2655, л.139-140, д.2966, л.16; ЦДНИ УР, ф.690, оп.11, д.2, л.80, ф.4772, оп.1, д.2, л.67, ф.311, оп.1, д.349, л.94.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Католическая церковь	-	-	-	$\frac{=}{1}$	$\frac{=}{1}$	$\frac{=}{1}$	$\frac{=}{1}$	$\frac{=}{1}$
Лютеранская церковь	-	$\frac{=}{1}$	-	$\frac{=}{1}$	$\frac{=}{1}$	-	$\frac{=}{1}$	$\frac{=}{1}$
Пятидесятники	$\frac{=}{4}$	$\frac{=}{4}$	$\frac{=}{2}$	$\frac{=}{4}$	$\frac{=}{3}$	$\frac{=}{5}$	$\frac{=}{3}$	$\frac{=}{2}$
Истинно-православная церковь	-	-	$\frac{=}{1}$	$\frac{=}{2}$	$\frac{=}{2}$	$\frac{=}{2}$	$\frac{=}{4}$	$\frac{=}{2}$
Истинно-православные христиане	-	-	-	$\frac{=}{1}$	$\frac{=}{1}$	$\frac{=}{1}$	$\frac{=}{1}$	$\frac{=}{3}$
Свидетели Иеговы	-	-	-	-	$\frac{=}{1}$	-	-	-
Всего зарегистрированных/ незарегистрированных	$\frac{38}{11}$	$\frac{38}{11}$	$\frac{37}{12}$	$\frac{35}{34}$	$\frac{31}{17}$	$\frac{27}{17}$	$\frac{26}{32}$	$\frac{26}{31}$
Итого	49	49	49	69	48	44	58	57

Таблица 4

**Количество прочитанных лекций Удмуртским отделением Общества «Знание»
в 1957-1965 гг.¹**

Тематика	Годы								
	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Всего	30.528	49.464	62.899	85.214	97.678	99.683	99.850	106.597	104.039
в т.ч. научно-атеистические лекции	620	1165	2393	3477	4400	4690	4709	4958	5340

¹ Таблица составлена по материалам: ЦГА УР, ф.Р-1152, оп.1, д.34, л.86, д.44, л.14, 25, 40, 54, 66, д.48, л.27, 175, 183, д.98, л.10, 12, д.133, л.1-2

**Религиозные общества, снятые с регистрации, и сведения о снесенных молитвенных зданиях
в 1958-1964 гг.¹**

№ п/п	Сведения о снятии с регистрации		Сведения о передаче / сносе храма	
	Наименование церкви и ее местонахождение, причина снятия с регистрации	Дата постановления СМ УАССР / дата утверждения Советом по делам РПЦ или религиозных культов при СМ СССР	Передача культового здания	Дата постановления (решения) о сносе
1	2	3	4	5
1	Православная церковь в с. Сада Ярского района (как не выполняющее договорных обязательств по сохранности молитвенного здания)	19.11.1959 № 582 21.12.1959	Передано Садинскому детскому дому под складское помещение и электростанцию.	
2	Успенская православная церковь в с. Полько Кизнерского района (самоликвидировалась)	16.06.1960 № 213 01.08.1960	Передано под детский сад или учебные классы начальной школы	
3	Петропавловская православная церковь с. Люк Ижевского района (самоликвидировалась)	СМ УАССР 24.11.1960 № 483	Передано под учебные мастерские Люкской средней школы	
4	Козьмо-Демьянская православная церковь в с. Уть-Сюмси Селтинского района (самоликвидировалась)	19.06.1961 № 270 19.07.1961	Передано под сельский клуб с изменением внешнего вида	

¹ Таблица составлена по материалам: ГАРФ, ф.6991, оп.2, д.253, л.216, д.283, л.9,10, д.303, л.28-29, 265, д.304, л.33, 34, 67, д.448, л.50, д.485, л.165, ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.2, д.2666, л.9, д.2815, л.16-20, д.2823, л.13-16, д.2952, л.43-46, 238-241, д.2960, л.185-188, д.2961, л.219-222, д.3069, л.77-78, д.3070, л.38, 226-228, д.3073, л.24-26, д.3077, л.103, д.3078, л.235, д.3185, л.1

1	2	3	4	5
5	Богородицкая православная церковь в г. Воткинске (как находящееся в аварийном состоянии, наличие другой общины, имеющей каменное молитвенное здание).	02.02.1961 № 42 15.02.1961	Утварь передана Преображенской РПЦ г. Воткинска, здание снесено	Решение исполкома Воткинского горсовета от 28.01.1961 утверждено постановлением СМ УАССР от 02.02.1961 № 42
6	Богоявленская православная церковь в с. Чумой Игринского района (как находящееся в аварийном состоянии и не выполняющее договор по сохранности здания, отсутствие другого молитвенного здания у общины)	07.08.1961 № 364 05.09.1961	Передано под учебные классы Чумойской семилетней школе	
7	Вознесенская православная церковь в с. Архангельское Красногорского района (как не выполняющее договорных обязательств по сохранности здания и ветхом состоянии здания, отсутствие другого молитвенного здания у общины)	17.07.1961 № 329 18.08.1961	Передано под сельский клуб	
8	Православная церковь с. Сов. Никольское Ижевского района (самоликвидировалась)	СМ УАССР 08.10.1962 № 419	Передано совхозу «Сепычевский» под зерновой склад	
9	Георгиевской православная церковь в г. Глазове (отсутствие молитвенного здания у общины)	СМ УАССР 07.05.1962 № 223	Снесено 4 апреля 1962 г.- для освобождения площадки под строительство жилых домов и культурно-бытовых учреждений с предоставлением обществу права аренды молитвенного здания	СМ УАССР 21.02.1962

1	2	3	4	5
10	Спасская православная церковь с. Данилово Киясовского района (самоликвидировалась)	23.04.1962 № 197 16.05.1962	Передано совхозу им. Ленина под производственные мастерские	
11	Общество Старообрядцев беглопоповского согласия г. Камбарки (самоликвидировалось)	СМ УАССР 17.11.1962 № 484	Снесено для освобождения площадки под строительство многоквартирного дома с предоставлением обществу права аренды молитвенного здания	СМ УАССР 07.02.1962
12	Георгиевская православная церковь в г. Сарапуле (как объединяющееся с др. религиозным обществом)	Письмо СМ УАССР 16.11.1963 18-19.12.1963	Снесено для освобождения площадки под строительство городского планетария	Решение исполкома Сарапульского горсовета от 27.09.1962 утверждено постановлением СМ УАССР от 25.12.1963 № 515

Таблица 6

Производство свечей в мастерской Ижевского епархиального управления в 1958-1964 гг.¹

	Годы						
	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Количество выработанных свечей (кг)	6 522	5 117	4393	3 322	5374	5522	6179
Валовой доход (руб.)	501 980	1 023 400	86 840	66 440	105 540	121 920	121 440
Облагаемый доход(руб.)	438 590	876 260	78 626	59 168	90 445	105 540	109 270
Начислено подоходного налога	176 000	748 000	63 542	55 583	71 861	81 317	101 131

¹ Таблица составлена по материалам: ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.142, л.63-64, д.147, л.23, д.152, л.24, д.158, л.27об., д.164, л.29, Ф.Р-1671, оп.1, д.18, л.28

Таблица 7

Совершенные обряды в религиозных обществах РПЦ Удмуртии в 1958-1964 гг.¹

Виды обрядов	Годы						
	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Крещений	16694	14423	14131 ²	12727	12418 ³	11622	8059
Венчаний	1257	683	543	410	387	357	288
Похорон по церковному обряду	3909	4120	4289 ⁴	4346	1622	1648	1628

¹ Таблица составлена по материалам: ЦГА УР, ф.Р-551, д.142, л.9, д.152, л.19, д.158, л.24об., д.164, л.24; ф.Р-1671, оп.1, д.18, л.14

² В 1960 г. уполномоченный искусственно занижил количество крещеных, указав лишь количество крещенных детей-13252

³ В отчете уполномоченного за 1962 г. занижена цифра, указано лишь число крещенных детей-11653

⁴ В отчете уполномоченного за 1960 г. занижена цифра-3918. Начиная с 1963 г. в отчетах резко изменилась цифра количества похорон, совершенных в 1960-1961гг.- она упала до 2178 и 1810 соответственно.

Таблица 8

Совершенные обряды в религиозных обществах мусульман Удмуртии в 1958-1964 гг.¹

Виды обрядов	Годы						
	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Наречение имени	510	495	484 ²	415	394	325	232
Венчаний	310	306	257 ³	230 ⁴	217	188	161
Погребений	212	196	225 ⁵	235 ⁶	226	212	227

¹ Таблица составлена по материалам: ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.152, л.123, д.158, л.111об., д.164, л.145-146, д.169, л.90

² Данная цифра указывается начиная с отчета за 1962 г. В отчете за 1960 г. указывалось 378, в 1961-уже 450

³ Данная цифра указывается начиная с отчета за 1961 г. В отчете за 1960 г. указывалось 253.

⁴ В отчете за 1962 г. указано меньше-221.

⁵ Данная цифра указывается начиная с отчета за 1962 г. В отчетах за 1960-1961 гг. указывалось заниженная цифра- 167

⁶ В отчете за 1961 г.-160

Таблица 9

Совершенные обряды в религиозных обществах старообрядцев Удмуртии в 1958-1964 гг.¹

Виды обрядов	Годы						
	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Крещений	520	490	340	260	227	226	142
Венчаний	175	103	82	60	42	48	33
Похорон по церковному обряду	168	140	122 ²	120	77 ³	12	10

¹ Таблица составлена по материалам: ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.142, л.277, д.152, л.124, д.158, л.111об., д.169, л.93

² Начиная с отчета за 1963 г. Резко изменились цифры в сторону сокращения числа похорон, совершенных в 1960-1962 гг. В 1960 они упали до 18, очевидно изменилась система подсчета

³ Резко изменились цифры в сторону сокращения числа похорон, совершенных в 1960-1962 гг. в 1962 они упали до 19

Таблица 10

Динамика совершения обрядов в зарегистрированном обществе ЕХБ г. Ижевска в 1958-1964 гг.¹

Годы/ виды обрядов мусульман	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Крещение	50	32	-	32	-	21	13	7
Венчание	-	-	-	-	-	-	1	-
Похороны по церковному обряду	-	-	-	-	-	12	9	8

¹ Таблица составлена по материалам: ЦГА УР, ф.Р-551, оп.1, д.139, л.211, д.142, 213, 277, д.152, л.124, д.158, л.111об., д.164, л.147, д.168, л.22, д.169, л. 86

Таблица 11

**Отчисления средств в Фонд защиты мира зарегистрированными религиозными обществами Удмуртии
в 1960-1964 гг.¹**

Религиозные объединения	Годы				
	1960	1961	1962	1963	1964
Православные	<u>19300</u> 3,6%	<u>26300</u> 5%	<u>102020</u> 19%	<u>116700</u> 21%	<u>128050</u> 21%
Мусульманские	-	-	<u>1100</u> 5%	-	<u>3153</u> 17%
Старообрядческие	-	-	-	<u>50</u> 0,3%	<u>100</u> 0,7%
ЕХБ	-	-	-	<u>400</u> 5%	-

¹ Таблица составлена по материалам: ЦГА УР, Ф.Р-551, оп.1, д.147, л.22-23, д.152, л.23, д.158, л.26об.-27, 31, д.164, л.29, 157, д.169, л.110; Ф. Р-1671, оп.1, д.18, л.15- 16; Указан процент от общего дохода каждой конфессии.

Терминологический словарь

Азан – призыв мусульман к молитве. Состоит из семи формул, которые с наступлением времени каждого из пяти намазов, предписанных мусульманам, возвещаются с минарета мечети муэдзином, а в небольших мечетях самим имамом с минарета или непосредственно от мечети.

Двадцатка – исполнительный орган зарегистрированного религиозного общества, состоявший из 20 человек.

Затухающие приходы - не поддерживаемые населением

Имам – духовный руководитель, глава мусульманской общины. Обычно руководит общей молитвой в мечети.

Курбан-байрам – ежегодный праздник мусульман. Начинается в день совершения паломничества в Мекку (хадж) и длится 3-4 дня. В этот день мусульмане приносят в жертву животных. Во время праздника принято посещать могилы предков, наносить визиты друзьям, делать подарки близким.

Молебен – одно из церковных богослужений, содержание которого составляет моление, просительное или благодарственное, по поводу событий и нужд жизни общественно-церковной или частной. Одни молебны совершаются в храме и принадлежат к богослужению общественному. Частные молебны по желанию отдельных лиц могут быть совершаемы не только в храме, но и на дому у каждого.

Мулла – служитель мусульманского культа; учитель религиозной школы; знаток мусульманской религии и ритуала, грамотный, ученый человек.

Мутаваллиат – исполнительный орган (двадцатка) зарегистрированного мусульманского общества.

Муэдзин – служитель мечети, призывающий мусульман на молитву и провозглашающий азан. Он осуществляет 3 основные функции: собирает верующих, призывает имама и объявляет о начале богослужения. В небольших мечетях функции муэдзина зачастую исполняет сам имам.

Намаз – мусульманская каноническая молитва. Намаз предписано совершать 5 раз в день: между рассветом и восходом, в полдень, незадолго до заката, после заката, поздно вечером. Предпочтение отдается молитве в мечети, под руководством имама. В мечети мужчинам предписано совершать и полуденный намаз по пятницам

Панихида – богослужение по умершему. Панихиды совершаются над умершим еще не погребенным, затем – в 3-й, 9-й, 20-й, 40-й день по смерти, в дни его рождения, тезоименитства и смерти.

Священник – лицо, состоящее при храме и совершающее таинства в храме и вне храма.

Священнослужители – лица, наделенные духовной властью по отношению к верующим – властью учить их истинам Христовой веры, совершать для них таинства. Это диакон, священник (пресвитер) и епископ, наделенные разными степенями благодати.

Суры – название каждой из 114 частей, на которые делится текст Корана (нормы Корана).

Ураза – пост, одно из пяти основных предписаний ислама. Ураза заключается в полном воздержании от приема пищи в светлое время суток, исполнения супружеских обязанностей и т.п., т.е. всего того, что отвлекает от благочестия. С наступлением темноты запреты снимаются, однако рекомендуется проводить время в размышлениях, совершать богоугодные дела, раздавать милостыню и др. Ураза обязательна для всех взрослых мусульман в течение месяца рамазан – девятого месяца мусульманского лунного календаря.

Ураза-байрам – праздник разговения, знаменующий завершение уразы. Один из двух главных праздников мусульман. Длится 3-4 дня. В первый день совершается специальная общая молитва. В число ритуалов входит праздничная трапеза, раздача милостыни, посещение друзей, могил близких.

Церковнослужители – лица низших ступеней клира: иподиакон, чтец, певец, свещеносец.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники:

Государственный архив Российской Федерации

Ф.6991- Комитет по делам религий при Совете Министров СССР

Оп.2, д.206, 236, 253, 263, 283, 284а, 288, 321, 448, 450, 485

Оп.4, д.119, 133, 140, 147, 173, 318, 429, 430, 436

Российский государственный архив новейшей истории

Ф.5- Аппарат ЦК КПСС

Оп.33, д.91

Оп.34, д.37

Оп.55, д.72

Ф.72- Идеологическая комиссия при ЦК КПСС

Оп.1, д.9, 15

Центральный государственный архив Удмуртской Республики

Ф.Р-551- Совет Министров УАССР

Оп.1, д.62, 64, 121, 132, 135, 139, 140, 142, 147, 152, 158, 164, 168, 169.

Оп.2, д.139, 422, 481, 519, 590, 625, 1838, 2366, 2519, 2523, 2654, 2655, 2658, 2666, 2815, 2876, 2879, 2962, 2966, 3070, 3073, 3077, 3174, 3180, 3334, 3335, 3548.

Ф.Р-845-Статистическое управление УАССР

Оп.5, д.253

Ф.Р-1152- Удмуртское отделение Общества «Знание»

Оп.1, д.48, 49, 54, 87, 124, 664

Оп.2, д.109

Ф.Р-1671- Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров УАССР и его предшественники

Оп.1, д.18, 38

Центр документации новейшей истории новейшей истории Удмуртской Республики

Ф.16- Удмуртский реском КП РСФСР

Оп.1, д.8115, 8117, 8463, 8728, 8730, 8817, 9080, 9081, 9104, 9200, 9201, 9293,
9316, 9428, 9429, 9430, 9431, 9498, 9557, 9558, 9836, 9837, 9838

Ф.311- Можгинский райком КПСС

Оп.1, д.348, 349

Ф.313- Завьяловский райком КПСС

Оп.9, д.304

Ф.393- Увинский райком КПСС

Оп.13, д.15

Оп.14, д.3

Ф.407- Вавожский райком КПСС

Оп.12, д.524, 794

Оп.15, д.2

Ф.654- Карсовайский райком КПСС

Оп.10, д.186

Ф.686- Игринский райком КПСС

Оп.1, д.168

Ф.690- Кезский райком КПСС

Оп.11, д.2

Ф.716- Ярский райком КПСС

Оп.17, д.9

Ф.721- Алнашский райком КПСС

Оп.1, д.297

Ф.726- Нылгинский райком КПСС

Оп.10, д.33

Ф.727- Малопургинский райком КПСС

Оп.13, д.2, 4

Ф.756- Якшур-Бодьинский райком КПСС

Оп.10, д.15

Ф.814- Кизнерский райком КПСС

Оп.7, д.379

Оп.9, д.1

Ф.4750- Кизнерский комитет КПСС производственного колхозно- совхозного управления

Оп.1, д.3, 312

Ф.4754- Балезинский комитет КПСС производственного колхозно- совхозного управления

Оп.1, д.5, 326, 330

Ф.4755- Ижевский комитет КПСС производственного колхозно- совхозного управления

Оп.1, д.3, 8

Ф.4756- Кезский комитет КПСС производственного колхозно- совхозного управления

Оп.1, д.2, 20

Ф.4757- Увинский комитет КПСС производственного колхозно- совхозного управления

Оп.1, д.3, 466

Ф.4758- Воткинский комитет КПСС производственного колхозно- совхозного управления

Оп.1, д.8

Ф.4761- Сарапульский комитет КПСС производственного колхозно- совхозного управления

Оп.1, д.2

Ф.4772- Можгинский комитет КПСС производственного колхозно- совхозного управления

Оп.1, д.2

Архивный отдел Администрации Муниципального образования «Г. Глазов»

Ф.Р-31-Исполком Глазовского горсовета

Оп.1, д.259

Опубликованные источники:

Архиепископ Воронежский и Липецкий Михаил (1968-1972) // www.vob.ru.

Вышеславцева О.Н. Пастырь во времена безбожия. Об отце Николае (Голубцове). – СПб., 1994.

Ган С. Архиепископ Цицикарский Ювеналий (Килин) // www.pravoslavie.ru

Глинская мозаика. Воспоминания паломников о Глинской пустыни (1942-1961). – М., 1997.

Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. / Законодательство о религиозных культурах: Сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – С.53-55.

Доклад первого секретаря ЦК КПСС на внеочередном XXI съезде КПСС Н.С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы» / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971. Т.7 1955-1959. – М.: Политиздат, 1971. – С.400-495.

Ильичев Л.Ф. XXII съезд КПСС и задачи идеологической работы / XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы: Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы 25-28 декабря 1961 г. – М.: Политиздат, 1962. – С.7-87.

Инструкция по применению законодательства о культурах (утв. постановлениями Советов по делам РПЦ и РК при СМ СССР от 16.03.1961г.) / Законодательство о религиозных культурах: Сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – С.150-160.

Инструкция Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов «О порядке проведения в жизнь законодательства о культурах» от 30 января 1931 г. / Законодательство о религиозных культурах: Сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – С.181-198.

Интервью К. Маркса корреспонденту американской газеты «Chicago Tribune» в первой половине декабря 1878 г. / Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О религии. – М.: Политиздат, 1975.

Конституция СССР. 1936 / Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – С.76-77.

Конфессии и религиозные объединения Удмуртской Республики: Православие: Справочник / Сост. С.И. Ильинский. – Ижевск, 1999. –62 с.

Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ. Я полюбил страдание...Автобиография. – М., 1995.

Лютеранская церковь в Советской России (1918-1950 гг.): Документы и материалы./ Сост. Курило О.В. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 178 с.

Малых А. Архиепископ Ювеналий, молитвенник о нас пред Богом // Православные вести. – 2005. – № 12; 2006. – № 1.

Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959г. – М., 1960.

Новоселов М.А. Письма к друзьям. – М., 1994.

Одинцов М.И. Совет министров СССР постановляет: «выселить навечно!»: Сб. документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951-1985). – М., 2002.

Отчет ЦК КПСС XXII съезду КПСС (Доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева 17 октября 1961 г. / Материалы XXII съезда КПСС.- М.: Госиздательство политлитературы, 1962. – С.3-120.

Письма и диалоги «хрущевской оттепели» (Десять лет из жизни патриарха Алексия. 1955-1964 гг.) / Публ. М.И.Одинцова // Отечественные архивы.- 1994.- № 5. – С.25-83.

Постановление Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г. «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». / Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – С.108.

Постановление ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» / Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – С.45.

Постановление ЦК КПСС от 6 июня 1962 г. «О руководстве Куйбышевского обкома партии идеологической работой» / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971. Т.8. 1959-1965. –М.: Политиздат, 1972. – С.371-379.

Постановление ЦК КПСС от 6 июня 1962 г. «О руководстве Минского обкома Коммунистической партии Белоруссии идеологической работой» / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971. Т.8. 1959-1965. – М.: Политиздат, 1972. – С.361-371.

Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г «О религиозных объединениях» // Собрание узаконений РСФСР.–№ 35.–18 мая 1929.– ст.353.

Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» / Законодательство о культах: Сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – С.83-97.

Программа КПСС / Материалы XXII съезда КПСС. – М.: Госиздательство политлитературы, 1962. – С.320-428.

Указ Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1944 гг. – М., 1945.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» // Ведомости Верховного Совета РСФСР № 18 (139). – 11 мая 1961. – ст.273.

Устав КПСС / Материалы XXII съезда КПСС.- М.: Госиздательство политлитературы , 1962. - С.429-448.

Уфимские епархиальные ведомости.–1998.–№ 7-9; 1999.– № 5-6; 2000.– № 8.

Харитонов Е.Д. Страницы жизни игумена Ювеналия, в конце жизни Архиепископа Ижевского и Удмуртского (1875-1958) // Православная Удмуртия. – 2006. – № 8-11.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К., Энегельс Ф., Ленин В.И. О религии. – М.: Политиздат, 1975. – С.5.

Литература:

- Абдулов Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений. 1917-1991 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. –Уфа, 2006.-26 с.
- Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. – М.: Россия молодая, 1992. – 299 с.
- Алексеев В.А. Иллюзии и догмы // Агитатор. – 1989. – № 16.
- Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – 398 с.
- Алексеев В.А. Отвечали ли принципам свободы совести церковно-государственные отношения в СССР в период «оттепели» / Свобода совести в духовном возрождении Отечества. – М., 1994. – С.126-152.
- Андрусенко В.А., Трофимов В.К. Религия в современной идеологической борьбе. – Устинов, 1986.
- Бабинов Ю.А. Государственно-церковные отношения в СССР: история и современность. – Симферополь: Таврия, 1991.
- Балыбердин А.Г. Безумие: Хрущевские гонения на Вятской земле.– Вятка, 2006. – 248 с.
- Барменков А.Н. Свобода совести в СССР.– М.: Мысль, 1986.
- Белов А.В. Адвентизм. – М., 1973.
- Белов А.В. Секты, сектантство, сектанты. – М.: Наука, 1978.
- Васильева О.Ю. Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание // www.pravoslavie.ru
- Васильева О.Ю. Государство, Русская православная церковь и экуменизм: исторические аспекты проблемы // Исторический вестник.– 2000. –№ 5.
- Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. – М., 1999.
- Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны. Дисс. ... канд. ист. наук. – М, 1990.

- Гордиенко Н.С. Российские Свидетели Иеговы: история и современность. – СПб.: Лимбус пресс, 2000. – 232 с.
- Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20-е – 80-е гг. XX века). – М.: Знание, 1984.
- Гордиенко Н.С., Носович В.И., Харахоркин Л.Р. Современное православие и его идеология. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.
- Государство. Общество. Церковь. XX век.: Хрестоматия по спецкурсу. – М., 1999.
- Дерюшев А.Б. Борьба с православием в Удмуртии. 20-30-е годы XX века (по документам ЦДНИ УР) // gasur.udmnet.ru
- Ежков В.В. Из истории церкви христиан адвентистов седьмого дня в Удмуртии // Стабильность государственно-конфессиональных отношений-залог гражданского мира и согласия: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Ижевск, 2004. – С.13-17.
- Ефимов И. Церковники и сектанты Удмуртии. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1960. – 28 с.
- Иваненко С.И. О людях, никогда не расстающихся с Библией. – М.: Республика, 1999. – 271 с.
- Иваненко С.И. Эволюция идеологии и деятельности религиозной организации Свидетелей Иеговы в России. Социально-философский анализ.: Дисс...докт. филос. наук.– М., 2002. – 296 с.
- Ивонин Ю.М. Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии. – Ижевск, 1973. – 24 с.;
- Ивонин Ю.М. Христианство в Удмуртии: история и современность. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 116 с.
- Ившина А.Р., Сыркин В.А. Церковно-государственные отношения в период Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. (на материалах Удмуртии) // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблема развития. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. – Глазов, 1997. – с. 24-29.

- Ильинский С.И. Государственно-конфессиональные отношения в Удмуртской Республике: опыт вероисповедной политики в регионе (1991-2002). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 24 с.
- Ильинский С.И. Христианский вектор государственно-церковной политики современной России: государственно-церковные отношения в Удмуртской Республике. 1985-2000 гг. // Христианство в истории и культуре Удмуртии: Сб. материалов к республиканской научно-теоретической конференции. – Ижевск, 2000. – С.51-59.
- Каплин П.В. Взаимоотношения Русской Православной церкви и государственной власти в СССР в 1927-1938 гг. (на материалах Урала). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2006. – 24 с.
- Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. – М.: Наука, 1965. – 348 с.
- Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973.
- Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность (социологические и исторические очерки). – М.: Наука, 1969.
- Корнилов И.П. Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в.- 80-е гг. XXв.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 30 с.
- Курило О.В. Лютеране в России (XVI- XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1995.
- Куроедов В.А. Религия и церковь в советском обществе. – М., 1984.
- Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917-1938). Дисс. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1997.
- Маслова И.И. Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская православная церковь (1965-1991 гг.) // Отечественная история.- 2005. – № 6. –С.52-65.
- Митрохин Л.Н. Баптизм. – М., 1966.
- Митрохин Л.Н. Религии «нового века». – М., 1985.

- Митрохин Л.Н. Баптизм и современность. – М., 1964.
- На пути к свободе совести. – М., 1989.
- Набиев Р.А. Ислам и государство. – Казань, 2002. – С.72
- Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. – Казань, 2002. – 244 с.
- Набиев Р.А. На путях научного мировоззрения: История, Проблемы, Уроки. – Казань: Издательство КГУ, 1991. – 251 с.
- Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в России (1985-1997 гг.) // Религия и право. – 1999.– №2-4.
- Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений 1917-1938 гг.). – М.: Знание, 1991.
- Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX век. – М.: Луч, 1994.
- Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / На пути к свободе совести. – М.: Прогресс, 1991. – С.29-71
- Одинцов М.И. Хождение по мукам. 1954-1960 гг. // Наука и религия. –1991. – № 7.
- Панков Г. О политике Советского государства в отношении к Русской православной церкви на рубеже 50–60-х годов. / Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып.2. – М., 1993. – С.217-231.
- Пассат В.И. Русская Православная Церковь в Молдавии в 40-начале 60-х годов XX века / Церковь в истории России. Сб. 4. – М.: Издательский центр института российской истории РАН, 2000. – С.293-326.
- Самсонов В.И. Происхождение и вред религиозных обрядов. – Ижевск, 1970.
- Тренина Г.И. Атеистическое воспитание трудящихся. – Ижевск, 1981.
- Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск, 2000.
- Фасихова М.В. Политика Советского государства по отношению к религиозным объединениям в Татарстане (60–80-е годы XX века). Историко-политический анализ: Дисс.... канд. ист. наук.– Казань, 2002.
- Церковь и государство (история правовых отношений). – М., 1997.

- Цыбин В. История Русской Православной церкви. 1917-1997. т.9. – М., 1997.
- Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941-1961 гг. – М.: АИРО-XX, 1999. – 248 с.
- Чумаченко Т.А. Советское государство и Русская Православная церковь в 1941-1961 гг. // Религиоведение. – 2002. – № 1. – С.14-37.
- Шемякина Е.П. Старообрядцы белокриницкого согласия в Ижевске: страницы истории // Стабильность государственно-конфессиональных отношений – залог гражданского мира и согласия: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Ижевск, 2004. – С.53-55.
- Шин Д.Х. Деятельность Совета по делам русской Православной церкви при Совете Министров СССР в первое десятилетие его существования. 1943–1953 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 34 с.
- Шин Д.Х. Сталинская внутренняя церковная политика в 1947-1949 гг. / Церковь в истории России. Сб.5. – М.: Издательский центр института российской истории РАН, 2003. – С.282-313.
- Шкаровский М., Черепенина Н. История евангелическо-лютеранской церкви на Северо-Западе России (1917-1945 гг.) – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 384с.
- Шкаровский М.В. Русская Православная церковь в 1958-1964 годах // Вопросы истории. – 1999. – № 2. – С.42-58.
- Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000. – 400 с.
- Шумилов Е.Ф. Из истории формирования первых неправославных общин на территории Удмуртии. Первая половина XX в. // Стабильность государственно-конфессиональных отношений – залог гражданского мира и согласия: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Ижевск, 2004. – С.56-59.

Шумилов Е.Ф. Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархии. XX век.- Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1996. – 264 с.

Шумилов Е.Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI– начало XX века. – Ижевск, 2001.

Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999.– 352 с.

Периодическая печать:

Удмуртская правда. – 1964. – 31 января.

Удмуртская правда. – 1962. – 5 августа.

Удмуртская правда. – 1963. – 30 августа.

Удмуртская правда. – 1960. – 13 ноября